ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

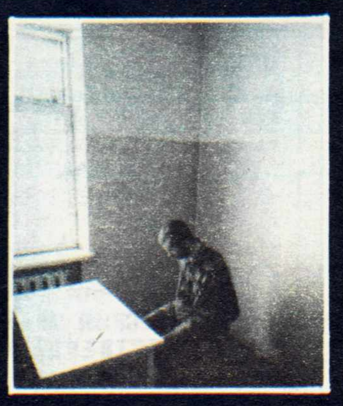
№ 27 ИЮЛЬ 1989

ЗНАК БЕДЫ

РАССКАЗЫ
АРКАДИЯ
АВЕРЧЕНКО

НИГДЕ КРОМЕ, КАК В «ПРОДИНТОРГЕ»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 27 (3232)

1—8 ИЮЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Коллаж Олега ГРАЧЕВА.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 12.06.89. Подписано к печати 27.06.89. А 08872. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 716. Цена 40 копеек.

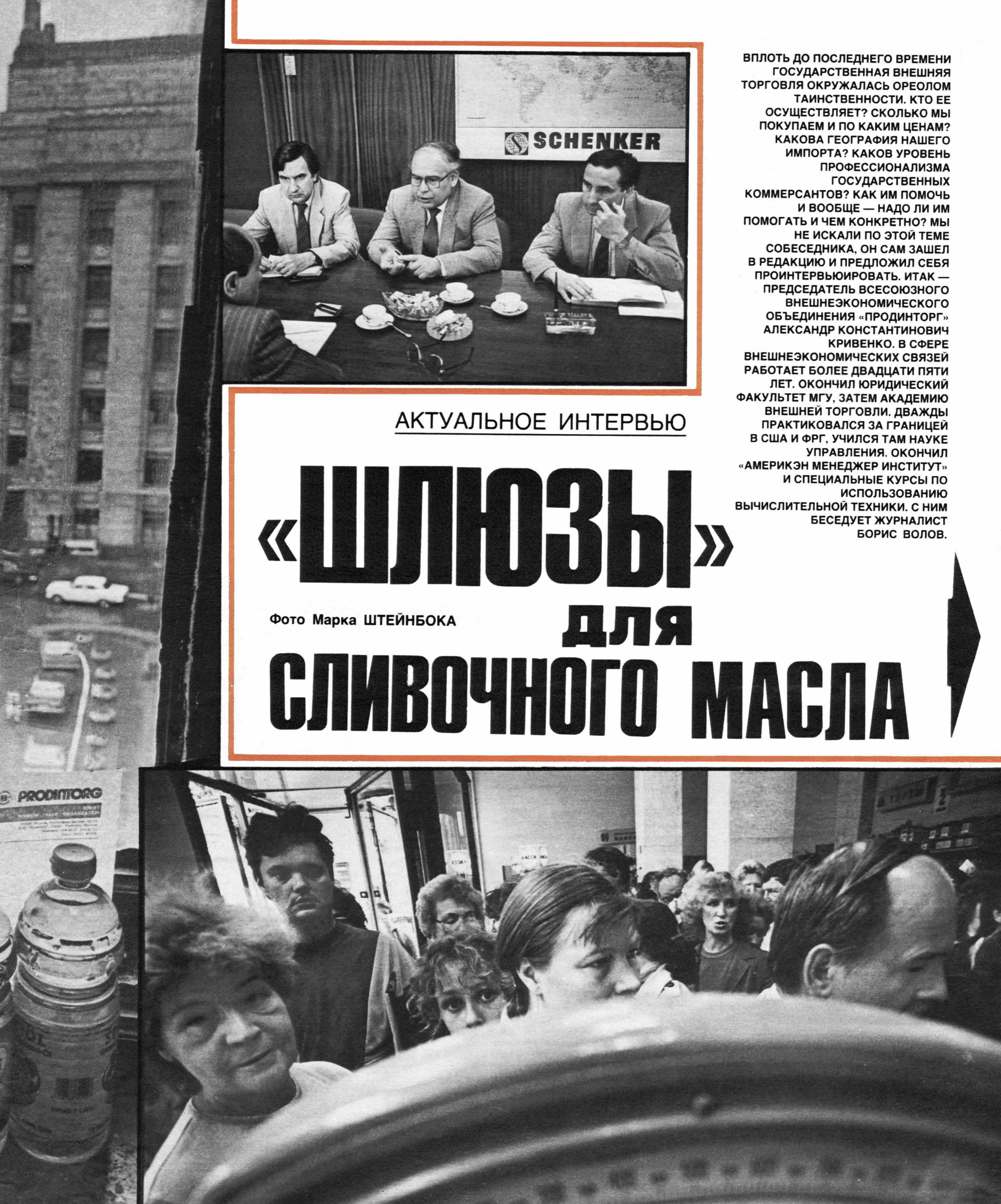
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

«ШЛЮЗЫ» для СЛИВОЧНОГО МАСЛА

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ВПЛОТЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ОКРУЖАЛАСЬ ОРЕОЛОМ ТАИНСТВЕННОСТИ. КТО ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ? СКОЛЬКО МЫ ПОКУПАЕМ И ПО КАКИМ ЦЕНАМ? КАКОВА ГЕОГРАФИЯ НАШЕГО ИМПОРТА? КАКОВ УРОВЕНЬ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОММЕРСАНТОВ? КАК ИМ ПОМОЧЬ И ВООБЩЕ — НАДО ЛИ ИМ ПОМОГАТЬ И ЧЕМ КОНКРЕТНО? МЫ НЕ ИСКАЛИ ПО ЭТОЙ ТЕМЕ СОБЕСЕДНИКА, ОН САМ ЗАШЕЛ В РЕДАКЦИЮ И ПРЕДЛОЖИЛ СЕБЯ ПРОИНТЕРВЬЮИРОВАТЬ. ИТАК — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСЕСОЮЗНОГО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ПРОДИНТОРГ» АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ КРИВЕНКО. В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РАБОТАЕТ БОЛЕЕ ДВАДЦАТИ ПЯТИ ЛЕТ. ОКОНЧИЛ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ, ЗАТЕМ АКАДЕМИЮ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ. ДВАЖДЫ ПРАКТИКОВАЛСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ В США И ФРГ, УЧИЛСЯ ТАМ НАУКЕ УПРАВЛЕНИЯ. ОКОНЧИЛ «АМЕРИКЭН МЕНЕДЖЕР ИНСТИТУТ» И СПЕЦИАЛЬНЫЕ КУРСЫ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ. С НИМ БЕСЕДУЕТ ЖУРНАЛИСТ БОРИС ВОЛОВ.

— Согласитесь, Александр Константинович, сейчас советскому коммерсанту стало легче дышать. Вам предоставлены большие права, так почему же иногда товары за границей покупаются хуже тех, которые выпускает наша промышленность?

— Согласен, такое случается. Иногда заказчик, скажем, агрокомбинат, располагает ограниченными средствами и, чтобы купить побольше, покупает что подешевле. Радуется низким ценам, ни на какие уговоры не совершать сделку не реагирует. Западный бизнесмен никогда не продаст дешево хороший товар, быть может, скажу грубо, но дураков там нет. А у нас «культ дешевого товара» между тем для всех очевиден. Если сделка касается техники, ты должен покупать машины самой передовой технологии, скупой платит дважды. А ведь мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи.

Покупка некачественного товара грозит государству огромным ущербом. Чем завоевала Япония мировой рынок? Качеством в первую очередь. Я бывал на многих предприятиях США и Западной Германии. Там за качеством идет цена, и никто не скажет — цена в первую очередь. Когда мы покупаем за рубежом некачественный товар, то это отголоски той психологической, нравственной атмосферы, которая у нас на протяжении многих лет культивировалась. Главным было количество.

— Диктат вала?

— Вал по восходящей и деньги по нисходящей. Совершенно правильно. Никто не хотел всерьез думать о качестве.

— А живем мы по-прежнему плохо, магазины наши пусты, на бензоколонках огромные очереди, задерживаются самолеты, как нам говорят, из-за нехватки горючего...

— Когда открылись шлюзы для взаимных контактов, оказалось, что мы вовсе не передовая страна, что наши товары неконкурентоспособны и, кроме нефти и газа, ну, еще нескольких экзотических товаров, западные страны ничего не хотят у нас покупать. Исправить ситуацию непросто. С Дальнего Востока, из Сибири, с Кубани, Дона, из Нечерноземья — отовсюду приезжают к нам люди, возглавляющие агропромышленные комбинаты, колхозы, совхозы. Сейчас многие получили право выхода на зарубежные рынки, люди хотят побыстрее завязать торговые связи с иностранными фирмами. Но нет опыта, практики внешнеторговых связей, нет кадров, хватаются сразу за все, не знают, во что и кому верить.

— И как складываются с ними отношения?

— Не изжито еще недоверие к Министерству внешних экономических связей. «Всю жизнь,— говорят,— вы с нас тянули, обманывали нас».— «Не мы,— хочется им возразить,— а система обманывала вас. Мы вместе — частички гигантской административно-командной пирамиды».

«Продинторг» — это посредническая фирма. Мы оказываем работникам сельского хозяйства, желающим завязать торговые связи с зарубежными странами, всяческую помощь. Передаем им опыт, знания и считаем их своими партнерами. Хочется, чтобы они выходили на зарубежный рынок людьми компетентными, профессионалами, чтобы умело продавали свои товары, а покупали нужные им с выгодой. Иными словами, учим их торговать. Процесс длительный, но должен сказать: у аграрников открылось как бы второе дыхание. Они, конечно, торопят время, хотят быстрее зарабатывать «твердый рубль». Для начала будем давать им в долг валюту на приобретение оборудования, материалов, сырья с тем, чтобы появилась база для развития. Затем предстоит углублять связи, расширять познания производителя.

Недавно с нашим участием создана ассоциация «Продинтерн», в которую вошло свыше сотни сельхозпредприятий. Члены ассоциации участвуют во всех переговорах по ценам, качеству, подписывают контракты с нашими зарубежными партнерами. Иными словами, «Продинтерн» объединяет равноправных членов, где производители продовольствия учатся и практикуются в условиях настоящего внешнего рынка.

— В последнее время часто поднимается вопрос о том, что внешнеэкономические объединения, подобные «Продинторгу», могли бы производить закупки с платежом в свободно конвертируемой валюте у колхозов и совхозов нашей страны. Имеются в виду, конечно, продукты, произведенные сверх разумного государственного заказа. Валюта даст возможность нашим сельскохозяйственным предприятиям улучшить свою производственную базу за счет закупки новейшего оборудования за границей...

— Мысль сама по себе привлекательна. Но пока это вопрос завтрашнего дня, так как многие предприятия попросту убыточны, а значит, не выполняют госзаказы.

— Какова структура «Продинторга»? Чем вы торгуете?

— Назову наши фирмы, и многое сразу станет ясно: «Масло», «Сахар», «Мясо», «Молоко» и «Табак». Оборот наш в этом году должен составить около пяти с половиной миллиардов рублей. Почти девяносто пять процентов всего оборота — импорт.

— Девяносто пять процентов!

— Ежегодно мы завозим в страну около 8 миллионов тонн продовольственных товаров из Европы, Америки, Африки и Азии. Из этого количества продуктов четыре пятых закупаем в социалистических странах, остальное — в капиталистических и развивающихся государствах. Скажем, болгары в соответствии с Протоколом продают нам свинину, баранину, говядину, брынзу; венгры — огромное количество свинины, говядины, колбасных изделий, консервов; румыны — то же самое, свинину, говядину, консервы...

До перестройки продукты в социалистических странах на свободную валюту не приобретались. Сейчас, если товар хороший и цены нас устраивают, поступаем по справедливости. Торговля исключает дискриминацию. В Венгрии, например, была куплена за валюту партия зерна, мяса, подсолнечного масла и сахара.

— Какие у вас финансовые взаимоотношения с производителями сельскохозяйственных продуктов?

— 70 процентов валюты перечисляем поставщикам — агрокомбинатам, совхозам, сельскохозяйственным предприятиям. Остальное сдаем в бюджет. С поставщиков берем от полутора до двух процентов комиссионных для покрытия наших расходов. Думаю, такой расклад финансовой выручки устраивает всех.

— Если вы не возражаете, давайте заглянем в завтрашний день. Как будет развиваться торговля продовольственными товарами в будущем?

— Недавно мне на глаза попались двадцатилетней давности долгосрочные планы «Продинторга», которые составлялись на перспективу: мы должны были экспортировать в 1990 году около полутора миллионов тонн мяса, около трех миллионов тонн сахара, сливочное масло и другие продукты.

— Брежневский вариант идеи «догнать и перегнать»?

— Годы застоя привели к тому, что вместо этого мы импортируем до пяти миллионов тонн сахара ежегодно, чуть ли не миллион тонн мяса, огромнейшее количество масла. Приблизительно каждый четвертый килограмм масла на нашем столе — импортный.

— Интересно, по какой цене мы покупаем за границей мясо? В магазинах, как все мы знаем, нет разницы между отечественным и импортным мясом. Оно идет по одной цене — в среднем два рубля за килограмм.

— Заграничное мясо обходится 60—70 валютных копеек за килограмм.

— Если перевести на «нормальные» деньги?

— По официальному курсу получается почти то же самое, ведь доллар «стоит» 65 копеек...

— Итак, берем по 60—70 копеек мясо, а продаем его своим по два рубля?

— Да. Доллар мы «окупаем» тремя рублями, по сути таким, если не большим, должен быть его курс. В непродуктовой сфере каждый доллар покрыт десятью — пятнадцатью рублями: женская обувь, одежда, косметика... На Западе продукты и промтовары в избытке и стоят намного дешевле.

— То есть государству в нынешней ситуации даже выгодно покупать промтовары за границей?

— Если иметь валюту...

— Интересно, почем там масло сливочное?

— Последние годы в связи с большими его запасами в странах ЕЭС масло обходилось нам где-то копеек 25 за килограмм. На внутреннем же рынке мы продаем его за три с полтиной. Сейчас, правда, цены на масло за рубежом резко повысились.

— Не благодаря ли нам?

— ...

— Хотелось узнать, много ли мы теряем, портим продуктов при транспортировке. Ведь везут к нам и зачастую с другого конца земли, например, мясо из Австралии?

— У нас практически никаких потерь при транспортировке до территории СССР нет, только в пределах нормы естественной убыли.

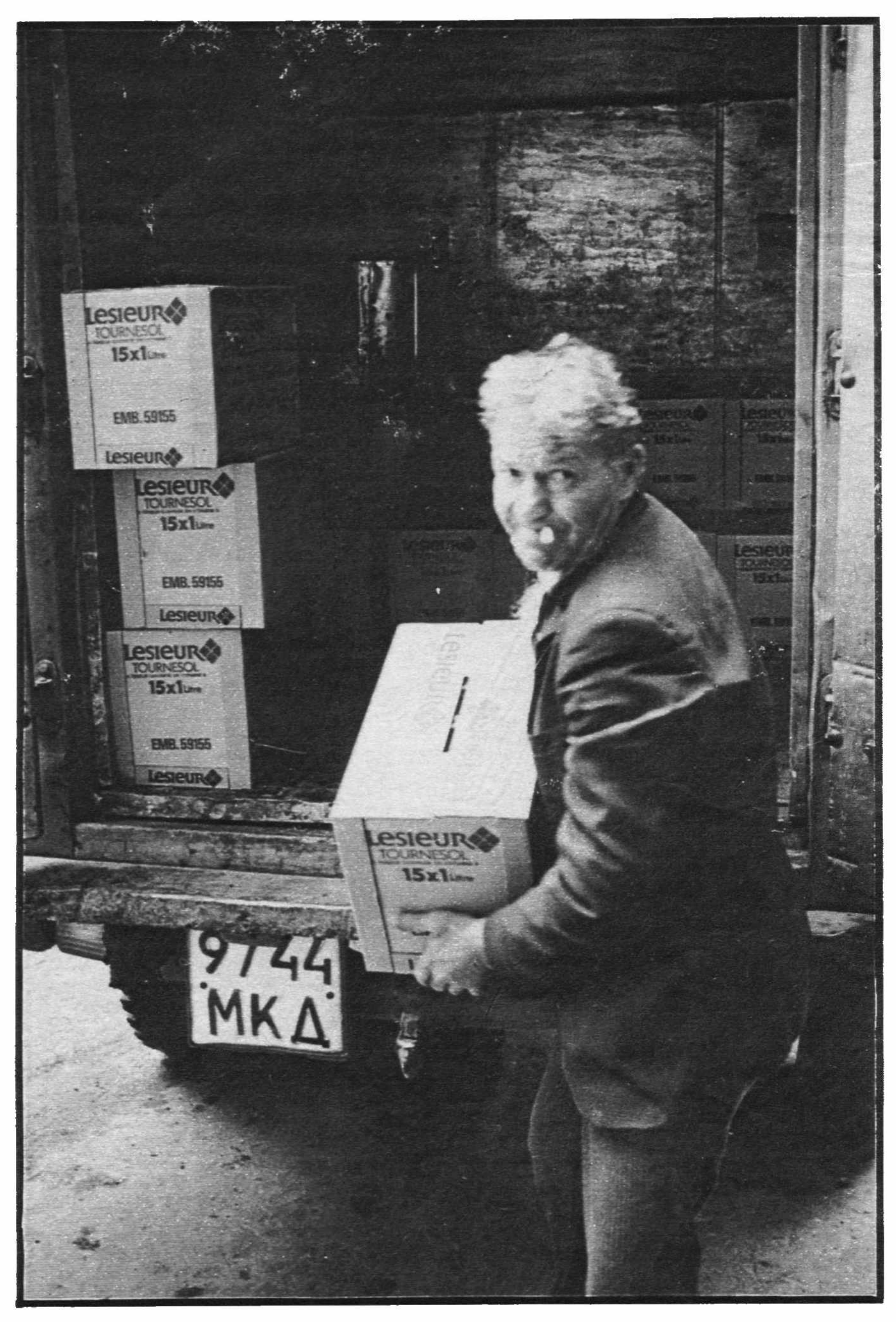
— Александр Константинович, что же получается: издалека перевозим без потерь, а внутри страны теряем очень много продуктов?

— Тут несколько причин. Самое главное — при перевозке импортных товаров серьезнее контроль. Мы имеем представителей в большинстве стран, с которыми торгуем, перед отгрузкой товар проверяется нашими людьми. По прибытии продуктов на границу они осматриваются экспертами Всесоюзной Торгово-промышленной палаты. Ну, а потом на пунктах назначения его принимает Минторг.

— На экспорт в обороте «Продинторга» остается всего 5 процентов. Наверное, опять сырье?

— Завозя в страну огромное количество продуктов питания, одновременно поддерживать высокий уровень экспорта продовольствия было бы преступлением перед народом. Мы практически не экспортируем продукты. За небольшими исключениями. На Кубу, например, поставляем молочные продукты, свиной и говяжий жир за цитрусовые, сахар... Идет своеобразный обмен продовольственными товарами.

На капиталистическом рынке продаем товары, которые являются побочными в пищевой промышленности, а также товары тибетской медицины — панты марала, северного и пятнистого оленя. Вывозим копыта, шкуры тех же оленей, свиные шкуры, которые у нас в избытке и не могут быть переработанны-

ми, лактозу — молочный сахар, субпродукты, используемые за границей для питания кошек и собак.

За рубежом из пантов марала изготавливается пантокрин. Чудодейственное лекарство. Возможности у нас огромные. Сейчас мы вместе с агропромышленным комбинатом «Горный Алтай», который объединяет все совхозы, занимающиеся оленеводством, ведем переговоры с Сингапуром и Новой Зеландией о совместном предприятии. Оно будет заниматься разведением оленей, расширением пастбищ, сбором пантов, их консервацией, а также производством пантокрина. При насыщении внутреннего рынка часть пантокрина будет экспортироваться за рубеж на свободно конвертируемую валюту.

— Расскажите, пожалуйста, о какой-нибудь удачной сделке...

— Недавно одно из агропромышленных объединений Севера предложило поставить на экспорт около 800 тонн пантов марала и нашло партнера в США. Он приехал, осмотрел партию и оценил ее в 159 тысяч долларов. Сотрудники нашего объединения и ассоциация «Продинтерн», знающие конъюнктуру на мировом рынке, оценили то же самое в 385 тысяч долларов. Разница составила 226 тысяч! Северяне сначала не поверили, но потом с нами согласились и оказались в большом выигрыше. Мы продали их товар в два с половиной раза дороже первоначальной цены.

— А что это дало объединению? Кстати, оно уже перешло на хозрасчет?

— «Продинторг» работает, к сожалению, по первой модели хозрасчета. Что это дает? Практически ничего. Даже более того, руководство МВЭС СССР вместо того, чтобы стимулировать работу коллективов на расширение внешнеэкономической деятельности, всячески тормозит дело. Установлены такие нормативы, чтобы объединение в первую очередь думало о выполнении государственных заказов и не гналось за дополнительными доходами. Но ведь это же абсурд! Нужны стимулы, чтобы работать еще напряженнее, умнее, раскованнее и в конечном счете приносить стране больше валюты. Я считаю, нам нужно срочно освободиться от постоянной и не всегда нужной министерской опеки. Очень хотели бы перейти на арендный подряд: выполнять заказ, расширять экспорт, платить налоги, то есть работать более эффективно. В этом случае реализовали бы наш валютный и рублевый фонд, часть акций могли продать своим же сотрудникам, другую часть — любому гражданину, который этого пожелает.

* * *

Полупустые полки магазинов, длинные, изнуряющие очереди вошли в нашу жизнь как нечто само собой разумеющееся, стали, к сожалению, горькой приметой больших городов и малых сел. Пустая трата времени в поисках самого необходимого отражается на настроении и, не секрет, является одной из причин социальной напряженности в ряде регионов.

Прошедший недавно Съезд народных избранников однозначно констатировал: государственный сектор сельского хозяйства, огромный импорт не обеспечивают страну продовольствием. Обидно, конечно, тем не менее это печальный факт несовершенной, искусственной системы хозяйствования. Старая Россия традиционно экспортировала продукты питания, СССР же вынужден завозить гигантские количества зерна и мяса, масла и сахара, многое другое. Стало понятным, что без возвращения производителем, а не нахлебником в мировую систему товарно-денежных отношений мы вряд ли выйдем из кризиса.

Как это сделать — давайте обсудим, попробуем решить вместе.

ПРОШУ СЛОВА!

БУДЕТ ЛИ ПРОФЕССОР ОТСТАИВАТЬ ИНТЕРЕСЫ РАБОЧИХ?

ПОЧТА · ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА · ПОЧТА

Открытое письмо народному депутату СССР А. И. ТХОРУ

Алексей Иванович! Я со вниманием и волнением прослушал Ваше выступление на Съезде народных депутатов 26 мая. Позвольте напомнить Ваши слова: «Ознакомившись со списком кандидатов в Верховный Совет Союза ССР, я подумал: наша страна состоит из одних интеллектуалов, ученых, академиков, профессоров. Так почему же мы, шахтеры, до сих пор не выпускаем лопату из рук?» (Аплодисменты).

А действительно — почему?.. Мне, например, совершенно ясен ответ на этот вопрос. Совковые лопаты шахтеры очистного забоя (Вы ведь бригадир горнорабочих очистного забоя, не так ли?) не выпускают из рук по той же причине, по какой десятки миллионов рабочих (грузчиков, подсобников, каменщиков и др.) и миллионы крестьян заняты ручным трудом: нет современной техники в достатке. Почему же ее нет? Разве нет ученых-конструкторов, нет инженеров-технологов, нет рабочих-машиностроителей? Неужто они не хотят или не умеют облегчить труд рабочих и крестьян? Вы на этот вопрос ответили прямо: «Интересы шахтеров, интересы рабочего не будет отстаивать профессор, а будет отстаивать именно рабочий. Вот что я хотел сказать. Спасибо за внимание». (Аплодисменты).

Мне кажется, что Вы погорячились и, извините за прямоту, не додумали до конца. Если согласиться с Вашей точкой зрения, то, выходит, дела наши не пойдут на лад до тех пор, пока мы все не разделимся на партии: партия рабочих будет блюсти интересы своих членов, партия крестьян — своих, партия интеллигенции — только свои собственные. А внутри этих партий (прибавим еще, может быть, партии студентов и учащихся старших классов?) будут фракции: шахтерская, шоферская и пр.; учительская, врачебная, инженерная, юридическая, полеводческая, животноводческая... Нет, с таким абсурдом Вы не согласитесь. Тем более, что у нас есть профессиональные союзы по отраслям и ведомствам, они-то почему не защищают Ваших или моих интересов по части условий труда? Вам не хватает механизмов, мне — телефона, персонального компьютера.

Слушал я Вас, читал текст выступления и вспоминал 1956 год, когда я работал еще недалеко от Ровеньков, в Краснодоне, учительствовал в тамошней школе и (параллельно) был сотрудником местной газеты «Социалистическая Родина». В этой газете я напечатал один из первых очерков о знаменитом в ту пору бригадире забойщиков Николае Яковлевиче Мамае — «Николай Мамай и его бригада». Я был очень горд этим редакционным заданием. Гордился я и тем, что не однажды бывал в шахте, научился кое в чем разбираться. Знаю — поверьте мне! — тяжесть и вредность Вашего труда. Тяжело в шахте, слов нет.

А теперь представьте себе, Алексей Иванович, что Ваше шахтоуправление (или трест, или объединение) заключило лет тридцать назад хозрасчетные договоры с крупным заводом шахтооборудования и с НИИ при нем, со специальным конструкторским бюро. Ваша («шахтерская», скажем так) сторона дала бы заказ на совершенно определенные типы машин, на их качество и количество. Вместе с учеными и инженерами «шахтерская» сторона договорилась бы о сроках проектирования и сроках выпуска нужных машин по принципу: «чем скорее и лучше — тем больше оплата за ученый и инженерный труд». Уверяю: лет через пять все шахты бассейна имели бы отличную технику. К нынешнему времени были бы в шахтах компьютеры и дистанционно управляемые комбайны-роботы, как это уже есть во многих других странах. Но Вы и Ваши товарищи не могли бы тогда (а многие и до сих пор не хотят) говорить открыто о подлинном хозрасчете и о кооперации производства с наукой. И ученые не смели об этом заикнуться: кто «заикнулся» (как крупнейший экономист Чаянов), тот и сгинул...

Так что не наука, не «интеллектуалы» с «академиками» и «профессорами» и прочими «учеными» виноваты в тяжком Вашем труде, а невежество, зазнайство, пренебрежение к опыту науки и труда там, где — так уж долбили все и всегда! — якобы ничего (кроме мракобесия, безработицы и нещадной эксплуатации человека человеком) нет. Виновата преступно безответственная и злая власть зазнайства — именно так назовем свойство критикуемой нынче открыто административно-командной системы. Не сломим систему — не исчезнет совковая лопата как главное орудие труда рабочего очистного забоя!

Теперь признайтесь: Вы ведь отлично знали, что без науки не могли бы работать в шахтах угольные комбайны: кто бы их изобретал, рассчитывал бы для них чертежи — не крепильщики ведь? Но отчего же говорили так, будто не нужны Вам (и всему рабочему классу с крестьянством) ни наука, ни академики с профессорами?

Дело в том, что в стране нашей много десятилетий велась интенсивная «работа» по сознательному духовно-социальному разобщению всего населения по фальшиво понимаемому (на деле — попираемому) классовому принципу: рабочий класс будто бы всегда был и должен быть неограниченным диктатором («гегемоном»); крестьянство искусственно наделялось свойством «быстро обуржуазиваться». А интеллигенция (хоть ее и называли милостиво «советской», «трудящейся» и даже «рабоче-крестьянской») оставалась в сознании большинства все-таки и по преимуществу «несознательной», а то и просто «гнилой». И твердили в упоении: «Не боги горшки обжигают!» Смотря какие «горшки», дорогой Алексей Иванович! Есть и такие, что — только «боги»: «боги кибернетики», «боги культуры», «боги химии». А без «богов экономики» нам и вовсе каюк, не так ли?

Так что, пока не поздно, не надо — «Власть Советам рабочих и крестьян», а надо — «Власть Советам всех трудящихся», а более всего — «Власть трудящимся-профессионалам», то есть тем, кто лучше всех умеет трудиться на своих местах, лучшую имеет голову для решения сложных вопросов внутренней и внешней политики.

Может быть, захотите возразить мне в том смысле, что не Вы один думаете так, как выразились в своем выступлении. И ведь Вам громко хлопали — дважды! Неужели люди могут заблуждаться, одобряя Вас? Неужели случайно уважаемый писатель Василий Иванович Белов повторил в своем выступлении почти точно то же, что и Вы? Только вместо «лопаты» он вспомнил «косу XII века». Нет, дорогой Алексей Иванович, писатель В. И. Белов поддержал Вас не случайно: он за особым образом направленную разобщенность между крестьянином и интеллигентом, между рабочим и интеллигентом. Ибо считает, что в науке, в культуре, в средствах массовой информации находятся на работе «не те люди». Они как бы и интеллигенты, но — «не те», не «той масти». И «не ту масть» надо срочно заменить на «ту», то есть на тех, кто думает точно так же, как он, Василий Иванович Белов.

Что касается того, что якобы не могут сразу ошибаться много людей, — это неправильное мнение. Могут. И ошибаются. Доказательством тому служит вся наша семидесятилетняя (с лишком) история.

Дело Ваше, разумеется, но я прошу: очень крепко подумайте, следует ли нападать на «ученых вообще», на «науку вообще», на «вообще академиков и профессоров» впредь. А я, профессор филологии, знакомый с психологией и кибернетикой, имеющий за полторы сотни научных публикаций (не платят нам за них ни рубля гонорара — такая у нас система оплаты научного труда для подавляющего большинства научных работников), совершенно искренне говорю, что я — за Вас. С тех пор (особенно!) как в 1955—1956 гг. побывал несколько раз на шахтах треста «Краснодонуголь». Честное слово, я защищаю Ваши интересы.

И. ГОРЕЛОВ,
доктор филологических наук, профессор Саратовского университета, член Всесоюзной ассоциации «Искусственный интеллект»

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЪЕЗДЕ ●
СКОЛЬКО ЯДА ВЫДЕРЖИТ ГЕКТАР? ●
НУЖЕН ЛИ ЗАКОН О ЗАБАСТОВКАХ? ●

■

Центральное телевидение предоставило нам возможность наблюдать заседания обеих палат Верховного Совета СССР, посвященные выборам заместителей председателей этих палат. Проходили эти выборы по одному и тому же сценарию, хотя и в тот и другой депутаты внесли существенные коррективы.

В Совете Национальностей на должность первого заместителя председателя палаты предложили ткачиху Житомирского льнокомбината, человека, как она сама об этом сказала, с 10-классным школьным образованием, полученным несколько десятилетий назад, не имеющую никакого опыта управленческо-организаторской и политической деятельности.

Откровенно сказать, мне было по-человечески жаль эту симпатичную, миловидную женщину, ставшую фактически игрушкой в кадровых аппаратных играх. О том, что это было именно так, убедительно свидетельствовали первые же фразы председателя палаты Совета Национальностей: мы должны выбрать на эту должность женщину, сказал он. Именно так был поставлен вопрос: не способного к политической деятельности на этом высоком государственном посту человека, а женщину. Иными словами, депутаты Верховного Совета должны были утвердить определенную разнарядку.

Такая кадровая политика дорого обходится госбюджету, всем нам, налогоплательщикам. В некомпетентности руководства во многом причины нашего нынешнего кризисного положения. Высокую цену приходится платить обществу за необразованность руководящего аппарата.

Вл. КУЗНЕЧЕВСКИЙ
Москва

■

В статье 96 Конституции СССР записано: «Лица, входящие в состав Совета Министров СССР,.. не могут быть депутатами...» Министр обороны СССР не избран народным депутатом. Но на Съезде народных депутатов министра обороны представляют тринадцать(!) его заместителей, начальник Главполитуправления СА и ВМФ вместе со своим первым заместителем и редактором газеты «Красная звезда», три заместителя начальника Генштаба (начальник входит в число заместителей министра), четыре маршала, тринадцать командующих военными округами, флотами и группой войск. Сорок генералов, два адмирала флота и 26 офицеров — от курсанта до полковника.

На фоне других министерств тут явный перебор. Министерство иностранных дел СССР не имеет ни одного (!) представителя, ни одного дипломата в высшем органе власти (лишь два или три представителя от МИД союзных республик), ни одно союзное министерство не имеет ни одного заместителя министра в списке народных депутатов. Б. Н. Ельцин оставил пост министра, став депутатом.

Можно, конечно, сказать, что народ сам определил, кого он желает иметь в руководстве страной, за тех и голосовал при самых демократичных за всю историю нашей страны выборах. Только ведь и тут неполная правда, будто не было никакой разнарядки «сверху», будто избиратели знают и сами выдвигали своих кандидатов, сами за них голосовали. То, что голосовали,— верно. А вот выдвигать им явно помогли. Например, заместители начальника Генштаба Лобов, Михайлов и Омеличев избраны в Казахстане, Дагестане и Туркмении. Без указания должностей проживающие в Москве генерал-полковники Осипов и Корбутов избраны в Молдавии и Бобруйске (БССР), генералы армии Попов и Постников — в Нахичеванской АССР и Брестской области. Сравнительно недавно назначенные на свои посты заместители министра обороны баллотировались: Варенников — в Калмыкии, Сорокин — на Алтае, Сухоруков — на Полтавщине.

Нет, я не против Советской Армии и представительства от нее в высшем законодательном органе страны. Только почему Министерству обороны отдано приоритетное право? Комитет государственной безопасности СССР, имеющий свои войска, представлен одним народным депутатом — генерал-лейтенантом Бритвиным, Министерство внутренних дел СССР от своих войск не имеет ни одного представителя.

Вопрос не праздный. Например, при определении сумм из госбюджета на оборону.

П. В. КОНЕВ,
член КПСС с 1948 года,
ветеран войны и труда
Пермь

■

В дни Съезда народных депутатов СССР мне пришлось познакомиться с забастовщиками. Не с теми, которые бастуют там, у них. А с нашими, советскими. Впрочем, советские ли это люди, если они — забастовщики?

Что же это такое — забастовка в социалистическом обществе? Законна она или нет, моральна или безнравственна? Можем ли мы о ней говорить и писать откровенно, не лукавя и не называя то «цельносменным простоем цеха», то чуть более подходящим словом «конфликт»?

А может быть, народным депутатам СССР стоит в одном из комитетов или комиссий Верховного Совета СССР провести слушания на эту тему? С привлечением правоведов, политологов, экономистов, социологов и, конечно же, самих забастовщиков. Ведь нас с этой проблемой уже столкнула сама жизнь — и в Нагорном Карабахе, и в десятках (если не сотнях — кто возьмется сосчитать и осмыслить?) других случаев.

15 мая в Москве кузнечный цех металлообрабатывающего завода имени Н. А. Семашко провел однодневную забастовку. Немедленно конфликтную ситуацию стала разбирать комиссия республиканского Минсобеса и райкома партии. Последовали встреча с коллективом цеха, заседание совета трудового коллектива и заводская конференция, в которых мне довелось участвовать как представителю народного депутата СССР И. И. Заславского.

Встречи и разговоры на заводе убедили, что разбирать нужно не одиночное чрезвычайное происшествие, а чрезвычайное положение отрасли, занятой протезированием (завод выпускает узлы и детали, из которых на других предприятиях собирают протезы для инвалидов). В этом мнении укрепила и статья «Помогите встать на ноги», опубликованная в 21-м номере «Огонька».

Но это только один аспект конкретных событий. Другой — в нашем отношении к самому явлению. Вот характерные суждения, отражающие первую реакцию администрации: «Это не наши методы», «А если вся страна начнет бастовать?», «Я тридцать восемь лет работаю на заводе, но о таком не только не слышал, но и подумать не мог», «Необходимо осудить актив цеха (читай — зачинщиков), поставить их на место».

Иначе думают сами забастовщики. Цитирую из протокола общего собрания кузнечного цеха: «В заключение по поводу конфликта, происшедшего 15 мая, коллектив цеха считает необходимым сказать следующее. Мы считаем подобные действия крайне нежелательными, но в данной конкретной ситуации это была, по нашему мнению, единственная возможность привлечь внимание к тяжелейшему положению цеха и завода в целом. Однако одним из положительных результатов наших действий мы считаем то, что они способствовали созданию заводской комиссии по изучению возможностей перевода завода на аренду».

Стало быть, и администрация завода, вначале настроенная весьма репрессивно, вступила на конструктивный путь разрешения конфликта? Надеюсь, что так. Тут нужно пояснить — главным требованием забастовщиков было создание внутризаводского кооператива на базе цеха, а говоря более широко, внедрение экономических методов управления производством. Кстати сказать, заметного экономического ущерба, сравнимого с обычными для завода потерями просто по бесхозяйственности, забастовка не принесла, ибо цех отработал свой восьмичасовой забастовочный простой. И если заглянуть в соответствующие документы, окажется, что забастовки вообще как бы и не было.

Так не пора ли нам решить — существует у нас такое явление или его как бы и нет? Не нужен ли нам закон о забастовках, как оказался необходимым закон о митингах и демонстрациях, разумеется, демократический закон?

А. В. ДРОЗДОВ,
кандидат географических наук,
ведущий научный сотрудник
Института географии АН СССР

■

Посылаю вам вырезку из нашей газеты «Омская правда» с объявлением о конкурсе на замещение вакантных должностей директоров кинотеатров.

Обращаю ваше внимание на подчеркнутое мной требование — об обязательном членстве в КПСС. К сожалению, это требование не первый раз появляется в подобного рода объявлениях.

Мне кажется, что выдвигать человека нужно по его способностям и знаниям. Конечно, партия должна проводить свою политику, в том числе и в области культуры, но ведь не таким способом.

Убежден, что это снижает ее авторитет.

М. Н. ПЕСТРЯКОВ
Омск

■

Статья Аллы Аловой «Лучше не думать?», опубликованная в № 26 «Огонька» — не только о СПИДе, но и о том, что для многих ведомств конкретные люди, пациенты, живые мужчины, женщины, дети — гораздо бо́льшая абстракция, нежели годовой отчет или справка о проделанной работе. Как видим, даже общественные организации вроде Красного Креста, и те исповедуют ведомственное высокомерное равнодушие к человеку. Убежден: одна из самых главных задач нашего Верховного Совета — это изменить отношение государства к тем, ради кого оно существует, оборотить ведомства, правительственные органы лицом к истинному их «начальству» — ко всем гражданам.

Но это дело будущего, а СПИД, увы, не желает идти в ногу с нашими темпами. Громадьё планов наших не очень-то влияет на зловещий график его распространения. Поэтому полностью солидарен с решением журнала принять хоть отчасти ответственность за спасение людей от эпидемии в свои руки — открыть при «Огоньке» благотворительный валютный счет «АнтиСПИД». Хорошо, что взамен слов предложено дело. Хорошо, что счет создается при популярном издании, имеющем миллионы сторонников,— это поможет собрать средства. Доверие к организации, открывающей подобный фонд, тоже имеет большое значение. Я, например, в течение десяти лет перечислял деньги в один из уважаемых фондов, а потом попытался узнать, действительно ли они пошли на то, на что предполагал вкладчик, но установить их маршрут так и не сумел. Энтузиазма после этого у меня, сами понимаете, поубавилось...

Важно, чтобы журнал постоянно отражал на своих страницах весь процесс, всю технологическую цепочку превращения денежных пожертвований в шприцы, капельницы и другое одноразовое оборудование: контракты — закупка производственных линий — их установка — начало работы — распределение готовой продукции по больницам. Наверное, будут на пути освоения собранных средств и трудности — что ж, «Огонек», раз уж взялся за гуж, должен «пробивать» свою идею, а обо всех препонах тоже публично рассказывать.

Как человек, встревоженный ситуацией со СПИДом в нашей стране, намерен стать вкладчиком нового счета, а как депутат Верховного Совета СССР ходатайствую перед Министерством финансов СССР о скорейшем его открытии.

Б. Н. ЕЛЬЦИН
Москва

■

Я военнослужащий, капитан I ранга, в Вооруженных Силах СССР с 1959 года. Двадцать лет служил на подводных лодках на Севере. Девять лет был командиром подводной лодки с баллистическими ракетами. За период службы в должности командира корабля находился долгое время в подводном положении. В 1985 году по состоянию здоровья переведен на береговую должность. В настоящее время на преподавательской работе в Черноморском Высшем военно-морском училище им. Нахимова. За время службы на подводных лодках в должности командира корабля не было случаев аварий, гибели личного состава, происшествий, влияющих на боевую готовность, которые не так уж редки на кораблях. Замечу, что не всегда все получалось так, как следовало бы, были и ошибки, но главные задачи всегда решались успешно.

Начав службу на берегу, столкнулся с жилищной проблемой. Уволенным в запас или оказавшимся на берегу подводникам годами приходится ждать жилье. До недавнего времени специфика и условия службы на подводных лодках, ее трудности были известны в основном профессионалам. Авария «Комсомольца» дала возможность средствам массовой информации показать, в каких условиях приходится трудиться людям.

Желание написать об этом появилось после прочтения в первом номере журнала «Известия ЦК КПСС» Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 ноября 1988 года «О материально-бытовом обеспечении работников партийных органов, органов государственной власти и управления, высвобождаемых в связи с реорганизацией аппарата». Постановление четко формулирует льготы лицам, указанным в нем. В том числе при переезде в другую местность они имеют право на внеочередное получение жилья и могут, кроме того, бронировать занимаемые ими квартиры.

Считаю необходимым, учитывая предстоящее сокращение Вооруженных Сил, для офицерского состава установить льготы на получение жилой площади и объявить их Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В противном случае этих людей, как и меня, ждет безрадостное будущее. Что же получается? Когда тебе далеко за сорок, здоровье подорвано тяжелыми условиями службы на подводных лодках, ты вынужден устраиваться в качестве квартиранта на неопределенный срок, периодически перечитывая объявления на столбах — где можно снять квартиру. Не думаю, что людям, щедрые льготы для которых объявлены в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 ноября 1988 года, приходится испытывать в жизни что-либо подобное.

А. А. САФОНОВ,
капитан I ранга
Севастополь

■

Сейчас много говорят и пишут на тему «Ленин против культа Ленина», приводят просьбу Н. К. Крупской, высказанную ею в январе 1924 года, не возводить памятников Ильичу, не присваивать его имени фабрикам и дворцам культуры, а на деньги, собранные для этих целей, построить больницы, дома инвалидов и т. д.— это станет лучшим памятником ушедшему вождю.

Но и сегодня, в 1989-м, в центре Москвы, на пересечении Ленинского проспекта и улицы Крупской, словно бы в насмешку над этими словами (с которыми, думаю, не мог бы не согласиться и сам Ленин), открывается очередной помпезный монумент на гранитном постаменте — Ленин и Крупская сидят на лавочке. Изваяние возвышается прямо напротив дома № 85 по Ленинскому проспекту, где теперь находится Правление районного общества инвалидов. Интересно, если бы «отцам» города и района все-таки пришла в голову мысль спросить у самих москвичей: возводить на наши деньги еще один «монумент» Ильичу или отдать эти десятки тысяч рублей инвалидам, больным, бездомным — что бы они ответили?

Неужели неясно, что продолжать так тратить деньги в нашей стране не просто неуважение к памяти Ильича,— это и кощунственное презрение к нуждам обездоленных и отверженных?

М. ШУГАЕВ,
26 лет, служащий
Москва

■

Сейчас проходит кампания заказа книг по планам издательств на 1990 год. И я решила оставить открытки в книжном магазине на интересующие меня издания.

Каково же было мое удивление, когда в первый день уже с утра вывесили перечень книг, заказы на которые не принимаются! И это по большинству издательств. Нас опять заставляют брать только то, что позволительно, а не то, что хочется читать. Так заранее предопределяется дефицит.

Спрашивается, для чего тогда существует система предварительных заказов на книги? Почему уже проставлены тиражи? А может быть, на некоторые книги вообще не будет спроса или, наоборот, будет такой спрос, что нужно будет увеличить тираж. Кто это решает?

Разве издательства не должны перестраиваться?!

Предлагаю систему предварительных заказов (индивидуальных, а также от магазинов и библиотек) использовать в качестве критерия при определении тиражей. Может быть, тогда меньше будет печататься ненужных книг, которыми завалены прилавки магазинов и которые дают «в нагрузку» книголюбам к дефицитным изданиям. А может быть, тогда вообще исчезнет книжный дефицит!

Т. ГУДКОВА
Москва

■

Прочитал статью «Поэт — министру» (№ 16, 1989).

В ней имеются данные, которые приводит министр СССР по производству минеральных удобрений Н. М. Ольшанский, о том, что в Узбекистане вносится удобрений по 4,5 килограмма на гектар. Не знаю, как в Узбекистане, но знаю, как с этим обстоит у нас, в совхозе-заводе «Лиманский». Вот выписка из технологической карты по защите и уходу за виноградниками на 1989 год. Цифры даны в килограммах на один гектар: нитрофен — 9,7, медный купорос — 30, симазин —3, известь — 45, сера — 0,9, метафос — 0,6, БИ-58 — 0,6, хлорофос — 1, ЖКУ — 506, фазалон — 1, селитра — 17, калийная соль — 30, суперфосфат — 24.

Итого на гектар: ядохимикатов — 44,8 кг, сухих удобрений — 71 кг, жидких — 506 кг.

Совсем другая картина, не так ли?

А. Н. БОРИЧЕВСКИЙ
с. Куцуруб Николаевской области

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Перестройка учит нас видеть четче. Эта очевидная истина подтверждается открытостью высказываемых сегодня оценок. Очень важно, что позиции каждого из нас все более недвусмысленны — идет ли речь о революционном идеале, об экономических ли принципах перестройки, о проблемах духовности советских народов, о борьбе ли за народные рассудок и душу.

Время от времени дискуссии обостряются до предела, особенно когда схлестываются амбиции, а не аргументы. Сегодня это очень опасно. Я хочу подчеркнуть, что мое беспокойство вызвано явной провокационностью некоторых публикаций и выступлений последнего времени, откровенной нацеленностью их на воспаление и без того неутихающих страстей. Как правило, экстремистские заявления в наименьшей степени вызываются стремлением защитить истину — это очевидно, и от этого особенно больно. Необходима четкость. Возвращаясь к недавнему Съезду народных депутатов СССР, не могу не отметить трезвых слов депутата Н. П. Шмелева, говорившего об антиалкогольном кликушестве. Сам был свидетелем нескольких «антиалкогольных вече», шедших под знаменами журнала «Наш современник»; как правило, речь шла прежде всего о провоцировании собравшихся на поиски той самой группы злонамеренных «спаивателей», которая все более выразительно очерчивалась как национальная. Ну прямо-таки мания преследования, сросшаяся с неумолчными стонами упомянутого журнала о «русофобии». Очередные исследования «еврейского вопроса» из последних номеров «Нашего современника» могут лишь вызвать сочувствие их авторам и подтвердить, насколько убийственны для культурного процесса любые шовинистические акценты в дискуссиях о национальном. Сосредоточенная до зашоренности борьба за национальный рассудок все больше смахивает на упрямое отстаивание национальных предрассудков, провоцирование очередных взрывов погромного черносотенного грязевого вулкана, от брызг которого не раз уже приходилось отполаскивать и людей, и хоругви.

Многих, особенно в национальных республиках, встревожило выступление на Съезде депутата В. Г. Распутина. Не могу не согласиться с только что опубликованным мнением депутата Верховного Совета СССР киевлянина Ю. Н. Щербака, увидевшего в речи известного русского прозаика «слегка подгримированные слова Петра Аркадьевича Столыпина, этого, по выражению Ленина, «обер-вешателя, черносотенца и погромщика». Обращаясь к революционерам, в том числе и к большевикам, Столыпин сказал: «Вам, господа, нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Эти слова премьер-министра царской России были высечены на памятнике, стоявшем в Киеве и уничтоженном украинским народом после революции. Осторожнее нам надо быть со словами. Я не хочу идти в будущее с девизом махрового реакционера, не признававшего права народов на самоопределение...»

Мы уже не раз писали о настроениях, охвативших определенную группу деятелей, желающих видеть в ослаблении своих личных влияний и власти угрозу для социализма, нации, культуры и всего, с чем им угодно было отождествить себя самих. Если это депутаты, то, как правило, уже не чувствующие за собой живого дыхания жаждущей перемен страны, конкретной избирательской массы. Деятели эти продолжают сулить нам непременные катастрофы, а порой и провоцируют в обществе настроения, чреватые взрывом, уводящим общественное внимание от истинных виновников непорядка. Вместо конструктивной работы идет очередной углубленный поиск «сокрушителей идеалов», «отступников», «враждебных наций» и прочая, и прочая. При некотором усилии союзников можно сыскать — только искать-то зачем? Ну зачем было на месте передовой статьи помещать в «Правде» от 17 июня письмо некоей миссис С. Миллер из Австралии, начинающееся словами: «Дорогой редактор! Я с интересом наблюдаю, как вы отдаляетесь от революционных идеалов 1917 года...»? Такое письмо еще поискать надо (при некотором желании можно и найти, конечно), но оно, смею заверить, никак не отражает настроений зарубежной общественности, в том числе социалистической, коммунистической и другой, которую мы зовем прогрессивной, по отношению к Советской стране. Если в Австралии где-то и возреял нина-андреевский флаг, вовсе не обязательно переносить его в главную партийную газету СССР.

Так или иначе факт нашего приближения к идеалам ленинской социалистической революции и в стране, и за ее пределами воспринимается разнообразно. Тем важнее видеть цель и неуклонно идти к ней. Не поддаваясь...

Виталий КОРОТИЧ

КОНВЕРСИЮ — НА ХОЗРАСЧЕТ

А. КИРЕЕВ,
кандидат экономических наук

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ МНОГИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ БЫЛИ ИЗВЕСТНЫ НАМ ТОЛЬКО ИЗ ТЕОРИИ. ИНФЛЯЦИЯ, ДЕФИЦИТ БЮДЖЕТА, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ БЫЛИ АТРИБУТАМИ «ИХ» ЭКОНОМИКИ. «НАШИМИ» ОНИ СТАЛИ СОВСЕМ НЕДАВНО. В ЭТОТ ДАЛЕКО НЕ ПОЛНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ НАДО ВКЛЮЧИТЬ И КОНВЕРСИЮ — ТЕРМИН, КОТОРЫЙ НЕ ВСЕМ У НАС ЕЩЕ ЗНАКОМ. В САМОМ ОБЩЕМ СМЫСЛЕ ОН ОЗНАЧАЕТ ПРОЦЕСС ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ СОЗИДАТЕЛЬНЫХ СИЛ ОБЩЕСТВА, ЗАНЯТЫХ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ, НА РЕАЛИЗАЦИЮ МИРНЫХ ЗАДАЧ. КОНВЕРСИЯ ПРЕДПОЛАГАЕТ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВОЕННОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРАХ, ВЕДУЩИЕ К ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ ВСЕХ СТОРОН ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Проблема конверсии со всей остротой была поставлена на Съезде народных депутатов СССР. Делегаты увидели в переводе части военного потенциала на мирные рельсы один из немногих реальных путей быстрейшего вывода страны из острейшего экономического кризиса. Предпринимать экстренные меры заставляют кричащие социально-экономические противоречия, накапливавшиеся годами. Государство уже сейчас должно отдать свой долг инвалидам, старикам, получающим нищенские пенсии. Завтра эти деньги им уже будут не нужны. Государство сегодня должно дать товары на полупустой потребительский рынок: люди уже не воспринимают обещания и «планы до 2000 года».

Конверсия — одна из немногих реальных возможностей получения прироста товаров уже сегодня, что позволило хотя бы частично сбалансировать расхристанный рынок. Однако для этого необходимо четкое понимание, что такое конверсия, как ее планировать и осуществлять, на какие цели использовать высвобожденный потенциал.

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, как минимум, знать, каковы масштабы нашего оборонного потенциала, какой его частью мы можем пожертвовать, не рискуя подорвать обороноспособность страны, какие социально-экономические проблемы тем самым можно будет решить.

Несмотря на гласность, наконец-то ворвавшуюся в эту деликатную сферу, дать точные оценки пока еще очень сложно. Сказываются рецидивы прошлого, когда нужная для грамотного анализа информация скрывалась не только от врагов, но и от своих же исследователей. Что мы уже знаем?

Знаем, что советские военные расходы в 1989 году составляют 77,3 миллиарда рублей, или около 9 процентов валового национального продукта, что намного выше соответствующей доли у всех ведущих в военном отношении капиталистических стран. В предстоящие два года с учетом сокращений расходов экономия затрат на оборону по отношению к пятилетнему плану составит почти 30 миллиардов рублей.

Знаем, что численность Советских Вооруженных Сил по состоянию на 1 января 1989 года составляет 4 миллиона 258 тысяч человек. В результате одностороннего сокращения их общая численность к концу 1990 года уменьшится до примерно 3 миллионов 760 тысяч человек.

Знаем, что уже разработана программа производства и создания оборонной индустрией новых товаров народного потребления на 1989—1995 годы. В соответствии с ней предусмотрено освоение и производство более 140 видов сложной бытовой техники.

Достаточно ли этих данных, чтобы предметно анализировать проблему конверсии? Конечно, нет. Ученым не известны масштабы и структура советского военного производства. Объявленное сокращение производства во-

Коллаж
Олега ГРАЧЕВА

оружений и военной техники на 19,5 процента немедленно порождает вопрос, от какой суммы берутся эти проценты. А ведь именно сокращение почти на пятую часть выпуска (или закупок?) боевой техники означает крупномасштабную конверсию военно-промышленного потенциала.

Пока не обнародовано четкого плана того, как предполагается использовать сокращаемую боевую технику, за которую заплачен не один миллиард народных денег. Наконец, до сих пор не известна возрастная и профессиональная структура 12-процентного сокращения численности Вооруженных Сил, и практически невозможно предсказать, как такое сокращение скажется на рынке труда, насколько материально подкреплены социально гарантии тем, кто увольняется из армии.

Таким образом, уже начавшаяся конверсия имеет три основных среза. Во-первых, это прекращение или перепрофилизация военного производства, во-вторых, сокращение уже накопленных вооружений и, наконец, обеспечение трудоустройства и переквалификации людей, увольняемых из Вооруженных Сил или с военных предприятий.

Что касается советского военного производства, то, судя по удельному весу затрат на закупку вооружений и техники, НИОКР военного характера и военное строительство, которые в 1989 году составляют около ¾ всех военных расходов, его размеры более чем значительны. Из сообщений советской печати стало ясно: к числу оборонных относится и целый ряд внешне гражданских министерств. Причем, как это ни парадоксально, гражданская продукция и товары народного потребления в объеме производства Минавиапрома составляют всего 35,8 процента, а к 1990 году их удельный вес предполагается увеличить до 41 процента. Гражданская продукция судостроителей достигает всего 42 процентов выпуска отрасли, и в следующем году ее предполагается довести до половины всех объемов.

Значит, фактически имеет место сильная милитаризация гражданских отраслей производства, которые с началом конверсии постепенно возвращаются к своим изначальным функциям. Но, с другой стороны, в условиях, когда на протяжении многих лет государство не скупилось на оборонные расходы, отдавая в распоряжение военного сектора все лучшее, что имелось в стране — кадры, сырье, технику,— он сделал большой рывок вперед, далеко обогнал всю остальную экономику.

Вот как характеризуют, например, советскую военную промышленность американские исследователи Л. Браун и У. Чандлер, которые в других случаях отнюдь не склонны делать нам комплименты: «По иронии судьбы, единственный конкурентоспособный сектор советской экономики — это производство оружия. Сконцентрировав усилия на выпуске оружия и военной техники в ущерб другим отраслям, Советский Союз способен выполнять планы производства военной продукции и выдерживать нормы качества, но лишь ценой расстройства механизма управления гражданскими отраслями».

На уровне обыденного сознания такая ситуация воспринимается через расхожее восклицание типа: «И как это мы в космос летаем, когда человеческого утюга сделать не можем?!» Фамилии «оборонных» академиков, лауреатов и героев народ чаще всего узнает из некрологов. Огромные промышленные предприятия, видные, что называется, невооруженным глазом, не имеют вывесок. На картах не отмечены «бетонки», а нередко и целые города.

Но это только верхушка айсберга. Главное в том, что советская экономика оказалась искусственно разделенной на две несоприкасающиеся части. Военная часть меньше, но обладает лучшим. Гражданская больше, но довольствуется остатками. Мы ставим задачу интегрироваться в мировое хозяйство, но прежде всего надо интегрировать собственную экономику, воссоединить две части в одно целое, без чего это целое будет и впредь влачить жалкое существование. И сделать это можно с помощью конверсии, которая сломает межведомственные перегородки и даст стагнирующим гражданским отраслям весомую материальную и технологическую подпитку от военных.

Эту простую истину, на основе которой строит свое экономическое развитие весь развитой мир, мы, кажется, начинаем понимать. Активно рекламируются свыше 100 новых материалов, 240 технологических процессов и 130 типов прогрессивного оборудования, созданных в процессе строительства системы «Энергия» — «Буран», которые предлагаются для использования в судостроении, медицине и других отраслях народного хозяйства. Хорошо, если, когда дойдет дело до их внедрения на гражданских предприятиях, опять не возникнут барьеры секретности.

До сих пор непонятным продолжает оставаться вопрос о том, на производство каких товаров предполагается сориентировать высвобождающийся военно-промышленный потенциал. Это проблема принципиальной важности, поскольку борьба с сильнейшим финансовым кризисом, в котором находится наше хозяйство, должна вестись не только и не столько со стороны финансовой системы (через уменьшение государственных расходов, дотаций, эмиссии денег и т. п.), а прежде всего со стороны производства, через наращивание выпуска товаров.

Ведь рубль потому и не рубль, а жалкие копейки, ибо под него на рынке нет товаров. Объем денежных накоплений у населения в 5 раз превышает запасы материальных ценностей и товарных ресурсов. Конвертируемая валюта потому и называется твердой, что на нее гарантированно можно приобрести товары, которых на рынке значительно больше, чем есть денег. Отсюда два типа кризиса: кризис перепроизводства у них и кризис недопроизводства у нас. Сколько ни сокращай расходы для балансирования бюджета, реального прироста производства товаров не получишь.

Значит, упор должен быть сделан на форсированное наращивание производства, которое по своим темпам превышало бы рост денежной массы и делало бы рубль с каждым годом полновеснее. Конверсия может помочь нарастить выпуск товаров. Но каких?

Ответ на этот вопрос на Западе искали мучительно долго. Для этого даже составляли эконометрические модели конверсии для оценки ее возможных позитивных и негативных последствий. Мы ответили на него в одночасье: заставим военные предприятия производить не ту продукцию, которую они могут дать на базе своей техники, технологии, производственного опыта и интеллектуального потенциала, а ту, которую нам хочется от них получить. В центральных изданиях замелькали интервью военачальников с рассказами о том, как оборонные отрасли собираются помочь гражданским.

Выяснилось, что Минобоpонпрому, который уже и так выпускал вместо соответствующих министерств чисто гражданские товары, начиная от автомобилей и кончая фотоаппаратами, поручили еще заняться разработкой и производством поточных линий по переработке скота и птицы, производству мороженого, изготовлению консервной тары, а также оборудования для пивоваренной и безалкогольной промышленности, которое совершенно не соответствует традиционной номенклатуре министерства. Миноборонпром займется теперь производством холодильного оборудования, конструкторские бюро Минавиапрома, ведающие разработками новых авиалайнеров,— разработкой машин для плодоовощной промышленности.

В каком плачевном состоянии находится легкая и пищевая промышленность, описать не хватит красок. Миллионные убытки, которые несет советская экономика на потерях сельскохозяйственных продуктов из-за допотопных условий ее хранения и переработки,— тяжелейшее бремя. Но мы возложим еще более тяжелое бремя на грядущее поколение, если позволим сейчас под штандартами конверсии низвести те немногие высокотехнологичные военные производства до среднесоюзного уровня, который на добрый десяток лет ниже технологического уровня передовых в промышленном отношении стран.

Работая на сегодня, нельзя забывать о будущем. Предприятия, сотворившие «Буран» и «Энергию», конечно, способны клепать и металлические кровати, на которых можно будет переспать уже ближайшую ночь. Но, проснувшись завтра, мы с удивлением обнаружим, что не только развитой мир, но и многие из тех стран, которые принято называть развивающимися, технологически досрочно ушли в третье тысячелетие, а мы так и остались на старой скрипучей кровати.

Поэтому считаю, что перепрофилизация военных предприятий должна строиться с обязательным учетом их доконверсионной номенклатуры. Кесарю — кесарево. Минавиапрому и Минсудпрому есть чем заняться в своих отраслях. И если они сумеют обеспечить, чтобы самолеты не падали, а подводные лодки и корабли по возможности не тонули,— это будет их главный вклад в конверсию.

Конверсия имеет место там, где гражданское производство налаживается не наряду, а вместо военного. Далеко не всегда целесообразно расширять номенклатуру ширпотреба, который военное предприятие производило до конверсии. Обычно это низкотехнологичные товары, навязанные им ранее. Например, недавно рассекреченный Прикаспийский горно-металлургический комбинат Минсредмаша, занимавшийся в числе прочего добычей и обогащением урана, уже сегодня выпускает около 1,5 тыс. наименований товаров ширпотреба — от запчастей для автомобилей до облицовочной плитки.

Что производить вместо реакторного топлива, потребность в котором из-за сопротивления народа планам строительства АЭС снижается? На другом аналогичном предприятии предполагается, например, наладить выпуск высокочистых материалов для микроэлектроники и схем. Это предприятие так и не было названо газетой «Правда», хотя статья под рубрикой «Совершенно секретно» должна была, видимо, убедить читателя, что секретов в этой области больше нет.

Ясно одно: в условиях хозрасчета конверсия не должна приводить к падению рентабельности работы производства, не переводить его от более сложной, технологически емкой продукции к простой и незатейливой. Иначе неизбежно падение стоимостного объема производства, а значит, снижение социального уровня его работников, что приведет к оттоку квалифицированных кадров в более сложное и поэтому высокооплачиваемое производство. В результате пострадает потребитель: даже если у нас будет вдоволь металлических кроватей и пиво будут продавать на каждом углу, то уж точно не будет достаточного количества персональных компьютеров, без которых уже немыслим быт в цивилизованном мире.

Другой не менее важной проблемой конверсии является то, как по-хозяйски распорядиться теми огромными массивами боевой техники, которые подлежат сокращению либо в порядке односторонней инициативы, либо по согласованию с США на двусторонней основе. Так, в соответствии с заявлением, сделанным в ООН, Советские Вооруженные Силы будут уменьшены на

Продолжение на стр. 26.

ПОЧТА · ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА · ПОЧТА

ЧТО МЕШАЕТ ОТКРЫТЬ ВАЛЮТНЫЙ СЧЕТ?

Полностью разделяю озабоченность Э. Успенского («Огонек» № 2, «Поле чудес») по вопросу о порядке открытия валютных счетов во Внешэкономбанке СССР. Сам столкнулся с этой проблемой (хотя и с более благополучным исходом, поскольку открывал счет для организации). Создается такое впечатление, что Внешэкономбанк СССР не заинтересован в поступлении валютных средств, а существующий порядок открытия счетов в этом учреждении направлен на то, чтобы усложнить и без того сложную жизнь предприятий, рискнувших заняться внешнеэкономической деятельностью. Совершенно непонятно, например, почему нельзя сразу открыть валютный счет, а предварительно должны быть открыты расчетный субсчет и внебалансовый валютный счет?

Кроме того, существующий порядок работы с клиентами создает благодатнейшую почву для злоупотреблений, в частности для вымогательства различного рода подарков (подачек), которые значительно ускоряют прохождение дел. А если ты чем-то не угодил или просто не понравился какому-либо чиновнику, тебе век его не увидеть — так надежно он может укрыться за широкой спиной милиционера (и не одного). Никто больше тебе не выпишет пропуск, а дело заволокитят до крайности. А если учесть, насколько дорог сегодня каждый день (первые два года нам дано право получения 100-процентного валютного поступления), то становится ясно, что мы несем не только моральные, но и большие материальные потери.

Выходит, как в той поговорке: голову вытащили, а хвост увяз. Таким предприятиям, как наше, даны большие права, а на деле мы многие из них не можем реализовать в полном объеме, так как упираемся в устаревшие инструкции других ведомств. Поэтому, по моему глубокому убеждению, вопросы расширения прав предприятий необходимо рассматривать в комплексе всего экономического механизма. В частности, предоставление права выхода на внешний рынок — с деятельностью таких ведомств, как Внешэкономбанк СССР, Министерство внешних экономических связей СССР и др.

В конце письма хотелось бы вернуться к ребятам в милицейской форме и спросить у них: что и от кого они охраняют (или заслоняют) в административном здании Внешэкономбанка СССР? Я не уверен, что валютный запас страны хранится именно здесь, а вот то, что они серьезно мешают работать, это точно.

С. РАЗДЬЯКОНОВ,
сотрудник агрокомбината
Якутск

Наталья БАЛАТОВА,
Андрей НИКИТИН

ВОЗВРАЩЕННОЕ ИМЯ

Имя художника Леонида Александровича Никитина ничего не говорит современным ценителям искусства. Трижды репрессированный за свою не слишком долгую жизнь, он умер 20 октября 1942 года от цинги и пеллагры в лагерном лазарете города Канска, а тот богатый событиями и людьми пласт нашей культурной жизни 20-х годов, с которым художник был связан своим творчеством, был предан анафеме и вычеркнут из памяти живущих. Арест, пусть и с последующим выходом на свободу, обрывал творческие, деловые, дружеские связи, человек был отмечен каиновой печатью «лишенца», вокруг него и его имени возникала зона молчания.

От огромного творческого наследия Л. А. Никитина осталось ничтожное количество работ, преимущественно в семье художника. Однако и та малая часть сохранившегося, что была представлена на его первой персональной выставке, вызвала безусловный интерес у зрителей.

Начиная с 1915 года Л. А. Никитин тесно связан с 1-й Студией МХАТа, с ее актерами и режиссерами, которые собирались на его квартире в Крестовоздвиженском переулке. Здесь бывали М. А. Чехов, В. С. Смышляев, Б. М. Афонин, Н. А. Подгорный, Е. Г. Сухачева, А. Д. Попов, Ю. А. Завадский с сестрой, молодой поэт П. Г. Антокольский, с которым художник учился на одном курсе юридического факультета, и многие другие поэты, музыканты, писатели. По-видимому, здесь бывал и Л. А. Сулержицкий, с семьей которого художника связывала прочная дружба.

О Сулержицком вспомнилось не случайно. Созданная в 1912 году Станиславским и переданная им затем Сулержицкому 1-я Студия МХАТа превратилась в школу нравственного совершенствования человека — актера театра будущего, призванного «бороться с пошлостью, насилием и несправедливостью, служить любви к человеку, красоте и Богу».

Позднее все это будет поставлено студийцам в вину, повлечет травлю людей и закрытие театра. Но тогда, в предреволюционные годы, учение Л. Н. Толстого, трансформированное Сулержицким, представало перед молодыми студийцами той «кристаллической решеткой духа» творческой личности, которой остались навсегда верны многие.

К их числу принадлежал и Никитин.

Много лет спустя вдова художника, В. Р. Никитина, в своих воспоминаниях о муже написала слова, прямо связанные с истоками его творчества и всей последующей жизнью: «Он понял, что самое главное не то, что ты делаешь, а то, **что** ты сам, как человек. Главное — воспитать в себе человека. И тогда то, что ты делаешь, будет тоже ценным».

Но путь в искусство оказался не прост и не гладок. Со второго курса университета молодой художник был призван в армию, окончил школу артиллерийских прапорщиков. На фронте попал в газовую атаку немцев, получил тяжелое отравление, вернулся в Москву на лечение, а после годичного перерыва был призван в Красную Армию. Трудный путь по фронтам гражданской войны закончился для него лишь осенью 1920 года.

Двадцатые годы стали для Никитина временем напряженной работы в театре. Сначала — в Пролеткульте, где он оформляет несколько спектаклей (с Эйзенштейном — «Мексиканец», «Лена», «Зори Пролеткульта»; самостоятельно — «Мейстер Мартин бочар», «Гибель Марса», «Принц Хаген», «Человек-масса»). Там же он начинает читать студийцам курс истории искусств, ведет занятия с будущими режиссерами по сценическому оформлению спектаклей, руководит художественно-производственными мастерскими и работает в книжной графике. В последующие годы он оформляет спектакли Первой оперной мастерской, возглавляемой Э. Б. Краснянским, работает в театрах Сатиры, Санпросвета, в Московской консерватории.

Однако главная работа у него связана с МХАТ-II, Театром имени Вахтангова и с Белорусской драматической студией в Москве, где он выступает как педагог и как оформитель почти всех спектаклей, составивших потом первый репертуар драматического театра в Витебске.

Художник-конструктор, профессиональный декоратор, успевший в 1917 году получить специальную подготовку в Школе светоцветомаскировки, Никитин умел решить своеобразно и остроумно каждый спектакль. Особенностью его сценических конструкций оказывались легкость и простота, идущая, с одной стороны, от приемов конструктивизма, а с другой — от глубокого постижения сути идеи, воплощаемой режиссером на сцене. Столь же важной стороной его творчества было дарование художника-живописца, проявившееся в костюмах, декорациях и световых эффектах. Яркая красочность действа, чистые тона, безукоризненное чувство стиля и световые эффекты неизменно вызывали восторг зрителей.

Последнее неудивительно. Сам художник, как вспоминала его вдова, считал себя в первую очередь живописцем. В сохранившейся серии портретов, где самым ранним оказывается портрет скульптора А. С. Бессмертного, ближайшего друга М. А. Чехова, можно увидеть тот сложный путь, который прошел в искусстве Никитин. В Москву из Рязани, где художник родился, он приехал достаточно сформировавшимся мастером, обладающим хорошо «поставленной» рукой, владеющим легкой и лаконичной линией, которая заставляет вспомнить рисунки Модильяни. Занятия во ВХУТЕМАСе у А. В. Лентулова, А. А. Осмеркина и Н. В. Синезубова нашли отражение в таких его работах, как подготовительные эскизы к спектаклям «Лена» и «Мексиканец», но не определили главное направление его творчества.

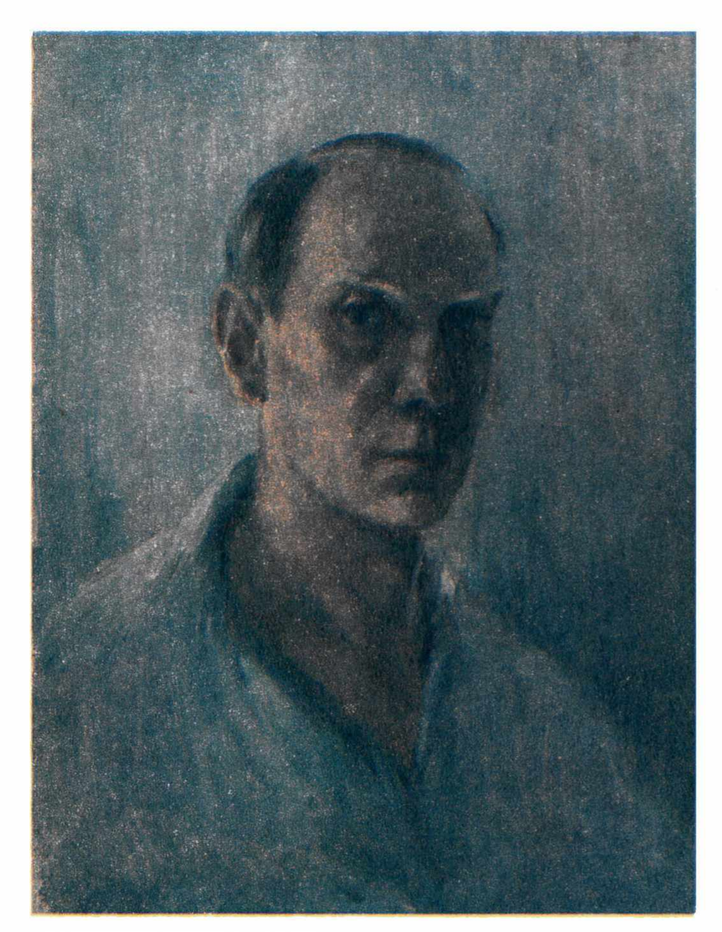
В середине 30-х художник направляет все свои усилия на создание современного портрета, опираясь на высочайшие образцы портретного искусства XVII — начала XVIII века. В работах этого периода мы видим рождение как бы совсем нового художника, который, пытаясь воспроизвести духовный мир современника, в то же время решает задачу колористического взаимодействия объекта с окружающим его пространством (что впервые сделал Рембрандт, выведя модель из нейтрального фона картин предшествующих портретистов).

Подготовленный всем творческим ростом художника, этот итог стал одновременно и радостным, и трагическим: обращение к живописи было результатом отнюдь не добровольного отхода художника от театра. Летом 1918 года Никитин впервые пережил тягостные минуты, предшествующие расстрелу, когда в Лефортовских казармах по лживым повесткам собрали всех «бывших» и расстреливали без какого-либо суда и следствия. Тогда судьба оказалась к нему милостива: жена успела предупредить о случившемся руководство учреждения, где тот работал, и вовремя передала освобождающее его ходатайство.

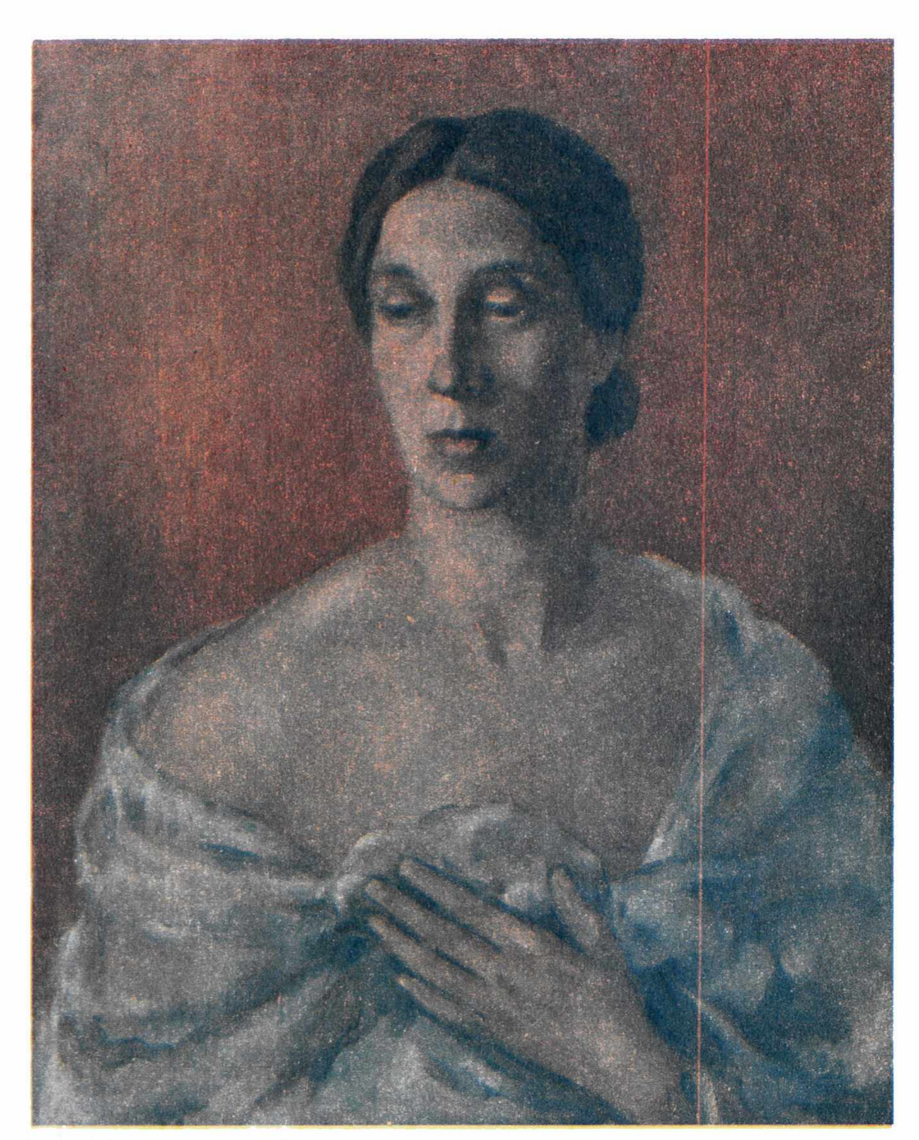
Второй раз это произошло в августе 1930 года в Армении, куда Никитины уехали работать по приглашению «Арменкино». На этот раз творческая интеллигенция «потребовалась» на лесоповале в зоне Беломорканала. Вместе с художником на «великой стройке» оказались его жена, много друзей, родственников, знакомых. Судьба обошлась с ним ласково и на этот раз. Вскоре после прибытия в Карелию Никитин был снят с «общих работ» и направлен художником сначала в театр УСЛОНа, а потом — в театр «Свирьлага», на знаменитый Свирьстрой. От тех лет, кроме воспоминаний его вдовы, осталось несколько листков эскизов костюмов и декораций к спектаклю «Вор» по пьесе его друга П. Аренского (в кинематографе — «Процесс о трех миллионах»).

Вышел художник досрочно, летом 1934-го, когда была разгромлена не только Академия художественных наук, но и «большая» академия...

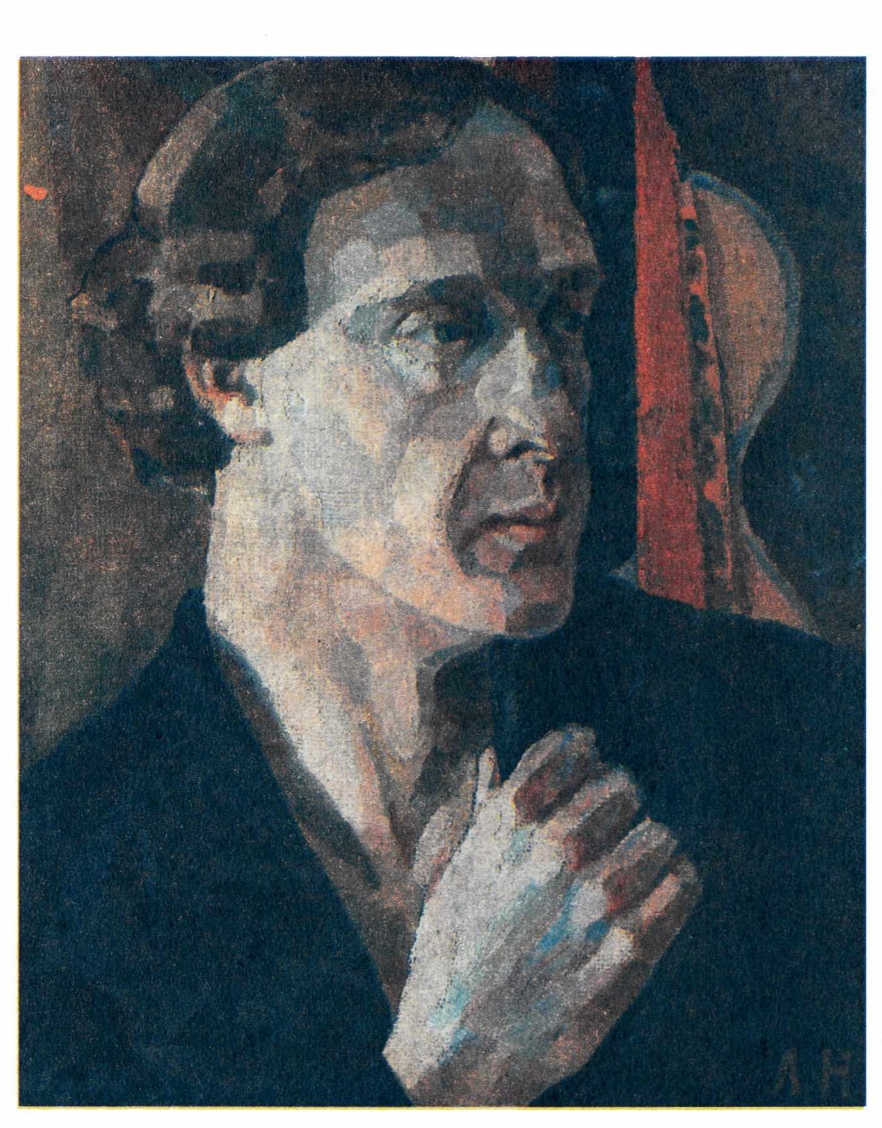
Вначале все вроде бы складывалось не так уж плохо. Никитин успел оформить два спектакля в Мо-

АВТОПОРТРЕТ. 1935.

ПОРТРЕТ В. Р. НИКИТИНОЙ. 1936.

ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА А. С. БЕССМЕРТНОГО. 1919.

сковском драматическом театре («Скупой» Мольера и «Далекое» Афиногенова), поставить «Славу» Гусева, а позже — и «Фому Гордеева» в Театре Баумана, но в 1936 году были разгромлены многие театры. Чем дальше, тем труднее было отыскать работу по специальности. В 1939 году Никитин устраивается художником на фабрику игрушек в Загорске, куда и переезжает со своей семьей из-под Каширы.

Но участь бывшего зека предрешена. Подобно многим другим, ранее репрессированным, он был «превентивно» арестован как «враг народа» и сослан на десять лет в лагеря Красноярского края. Оттуда он уже не вернулся.

В последнем письме жене он писал: «...Много еще размышляю о живописи, тоскую о ней. Знаешь, многое — в сущности основное,— над чем бился я всю жизнь, вдруг ясно как-то раскрылось мне во всей своей конкретной, практической простоте: этот мой идеографический изобразительный метод. Я понял не только «что» нужно, но главное, «как». Ряд портретов и пейзажей задумано сейчас и мысленно представлено мною. А еще много мыслей литературных... Да, в общем, выходит, что твой вопрос о моей работе совсем не такой уж праздный — оказывается, довольно много работаю. А скоро надеюсь опять начать понемногу рисовать — мне жаль, что это прервалось сейчас... Я ведь очень слаб, и каждое движение, даже на койке, требует затраты неимоверных усилий...»

Но этим надеждам и планам не суждено было сбыться. Его не стало через три недели.

Мы уже сказали, что от огромного графического (около полутора тысяч только театральных работ), живописного (более сотни полотен) и литературного (рукописи двух романов и киносценарии) наследия Л. А. Никитина осталось ничтожно мало. Но все ли исчезнувшее погибло? Судьба архивов многих театров до сих пор не выяснена, живописные работы, которые художник широко дарил, могли сохраниться как в частных собраниях, так и в запасниках музеев, уйти за рубеж. Поэтому, если кому-то из читателей известно что-либо о самом художнике и судьбе его произведений, просим: откликнитесь!

ЭСКИЗЫ КОСТЮМОВ.

ПЕЙЗАЖ. ОКРЕСТНОСТИ РАСТОРГУЕВА. 1927.

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

БРАТ МОЙ...

Дмитрий ЛИХАНОВ,
спецкор. «Огонька»

ДОМ СВОЙ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ТОИСЕВ НАЧАЛ СТРОИТЬ В ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТОМ, В ТОТ САМЫЙ ГОД, КОГДА ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПАРТИИ ПОСЛАЛИ ЕГО ВОССТАНАВЛИВАТЬ ЧЕРИКОВСКИЙ ОВОЩЕСУШИЛЬНЫЙ ЗАВОД. ПРЕЖДЕ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВСЕ БОЛЬШЕ ЖИЛ ПО ГОРОДСКИМ КВАРТИРАМ, ПО ОБЩЕЖИТИЯМ, КАЗАРМАМ ДА КУБРИКАМ. И ХОТЯ ЧЕЛОВЕК ОН ДАВНО СЕМЕЙНЫЙ, НЕ БЫЛО У НЕГО ЗА ВСЮ ЖИЗНЬ СВОЕГО ОБУСТРОЕННОГО ЖИЛЬЯ. ПОТОМУ И СТАРАЛСЯ ВОВСЮ: ПРИКИДЫВАЛ, ГДЕ СЛОЖИТ РУССКУЮ ПЕЧКУ, ГДЕ БУДЕТ ГОСТИНАЯ, А ГДЕ ПОПОЗЖЕ ПОСТАВИТ ШКАФ И ВЫСАДИТ ПОД ОКНАМИ ВИШНЕВЫЙ И ЯБЛОНЕВЫЙ САД.

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

I

Семнадцать лет минули что день весенний — теплый и безветренный. Дом Тоисевых полнился не ахти каким, но все же достатком. Прибавился он еще одним сыном, маленьким Васькой. Старший, Михаил, уехал шоферить в Якутию, Володя — это средний — отслужил в армии, устроился работать электриком на молочном заводе да еще записался на учебу в вечернюю школу рабочей молодежи. Девушка у него появилась с чудным именем — Леонида. Приехала она в Чериков по распределению работать линотиписткой в районной газете. Девятнадцатого апреля в гости приходила на Вовкин день рождения. А потом еще раз, на праздник солидарности трудящихся.

Пятого мая из Якутии в дом Тоисевых пришла телеграмма. Маленькая телеграмма, в несколько слов. Мол, так и так, сын ваш Михаил погиб трагически, просьба прибыть на похороны в город Ленск. Это только потом узнали они, что Мишку зарезали в пьяной драке, а тогда, поплакав да попросив Леониду присмотреть за хозяйством, отправились в неблизкий путь. Никто из них — ни старшие Тоисевы, ни уж тем более младшие — еще не знали, что Мишина смерть — это только начало, всего лишь крохотная, едва заметная трещинка в фундаменте их большого и дружного дома, выстроенного Василием Михайловичем на долгие времена...

В октябре Леонида осталась у них ночевать, и Надежда Ильинична облегченно вздохнула: «Раз уж так получилось, значит, не тяните. Приходи к нам, Лена, и живи».

Молодым обустроили вскоре отдельную комнату с пуховой постелью, оленьими рогами на стене, на которые Володя повесил фотоаппарат «Зоркий-4» и свое охотничье ружье да над кроватью — красивую картину художника Шишкина «Рубка леса». Меньше чем через месяц, пятого ноября, сыграли свадьбу, а вскоре Тоисевы узнали, что у Лены будет ребенок...

II

В тот день, как обычно, Тоисевы разошлись по своим делам. Василий Михайлович — на сушильный завод, где, несмотря на пенсионный возраст, все еще продолжал трудиться, но теперь, конечно, не директором, а простым механиком. Надежда Ильинична пошла в дом отдыха «Сож», где вот уже много лет работала она сестрой-хозяйкой. Володя ушел на завод, а Васька побежал в школу.

Лене нынче нужно было выходить на службу во вторую смену, и потому, поднявшись с утра пораньше, решила сделать кое-какие дела по хозяйству: приготовить обед да постирушками заняться.

В обеденный перерыв с завода пришел Василий Михайлович. Поев, нацепил на нос очки, долго заполнял абонементную книжку за газ. Спросил: может, по дороге на работу заплатишь? «Заплачу, конечно»,— ответила Лена и принялась убирать со стола.

На том и расстались...

Расстались, как потом оказалось, навсегда.

В тот день Лена так и не вернулась домой. И на следующий день не было от нее никаких известий.

А на третий Володя пошел в милицию и рассказал заместителю начальника Чериковского РОВД Хващинскому о безвестном исчезновении своей жены.

Пятого марта после работы вместе с Петей Разводовским пошли в центр, к автобусной станции, и тут узнали, что Лену нашли. Милиция, к счастью, рядышком, в двух шагах. Здесь он и просидел до четырех утра. Не зная, что тем временем попыхивающие папиросками милиционеры и понятые, осветив окоченевший труп его Ленки автомобильными фарами, долго переговаривались между собой, составляли протокол, фотографировали, а потом грузили мертвое тело в машину. Не знал он и того, что наутро прозектор районного морга, сняв с Ленки одежды, скрупулезно подсчитает пять ножевых ранений, а потом произведет вскрытие и вынет из нее так и не родившегося ребенка. Мальчика. Сына. Внука...

Только на следующий день вызвали Володю в кабинет начальника райотдела милиции Габралева. Там велели раздеться, перещупали всю одежду. Потом приказали: «Пиши, Тоисев, пиши нам все, что ты знаешь». Володя присел к столу и взял ручку.

«С Леонидой Владимировной я зарегистрировал свой брак 5 ноября 1971 года»,— писал Володя, и рука отказывалась писать. Трудно было называть Ленку официально по имени-отчеству, трудно было вспоминать, что ее уже нет.

«Мы собирались купить мотоцикл. Она сказала, что одолжит денег у своей старшей сестры. Послала ей письмо. 20 февраля в воскресенье мы получили эти деньги. Походили по городу, встретили ее подруг. Потом мы пошли домой и начали заниматься хозяйством. Вечером по телевизору смотрели фильм, а потом легли спать. Утром я пошел на работу, а после работы пошел в школу. Она тоже ушла на работу к пяти часам. Когда я вернулся домой, ее не было. Я лег в кровать и стал ждать. Утром проснулся, ее нет. Пошел на работу. Думал, что у нее поздно была газета и она осталась ночевать у подруг. Пришел с работы, ее не было опять. Пошел в школу. Зашел в редакцию. Там была уборщица с мужем. Я спросил. Сказали, что никого нет. Я пошел к ее подругам на квартиру. Бабушка ихняя сказала, что ее нет и подруг тоже. Утром пошел на работу. На работе только собрался звонить, испортился насос молочный. Пока сделал, мне сказали, что кто-то звонил. Я подумал, что звонила она, я позвонил в редакцию, и мне сказали, что ее нет. Тогда я пошел в редакцию и вместе с Ивановой пошли в милицию и заявили Хващинскому об ее исчезновении».

— Слушай, Тоисев,— проговорил чуть слышно прокурор, пробежав глазами написанное,— а ведь это ты убил свою жену...— Немного помедлил и закричал: — Ты же весь по горло в крови!

III

Ближе к вечеру Надежда Ильинична послала Васю за хлебом. Здесь-то, возле магазина, его и догнала милицейская машина. Крепкие, мускулистые парни впихнули растерянного девятиклассника на заднее сиденье автомобиля и через несколько минут доставили в отдел внутренних дел.

В тот же вечер в милицию привезли и Надежду Ильиничну, а ночью Василия Михайловича Тоисева.

И в тот же день следователь районной прокуратуры Пичугов принял к своему производству уголовное дело № 06563.

Надежду Ильиничну Пичугов допрашивал уже почти ночью. На его рабочем столе неярко горела настольная лампа, тут же лежали пухлая книжица уголовного кодекса, бумага, чистые бланки протоколов. Надежда Ильинична выглядела потерянной и усталой. Долго рассказывала, как познакомилась с Леной впервые, как жили они все вместе в их большом и счастливом доме, что ссорились с невесткой, конечно же, поначалу, да ведь это дело такое, в каждой семье бывает.

Следователь Пичугов записывал рассказ Надежды Ильиничны подробно, не прерывая, а под конец допроса, порывшись в бумагах и показав одну из них, сказал:

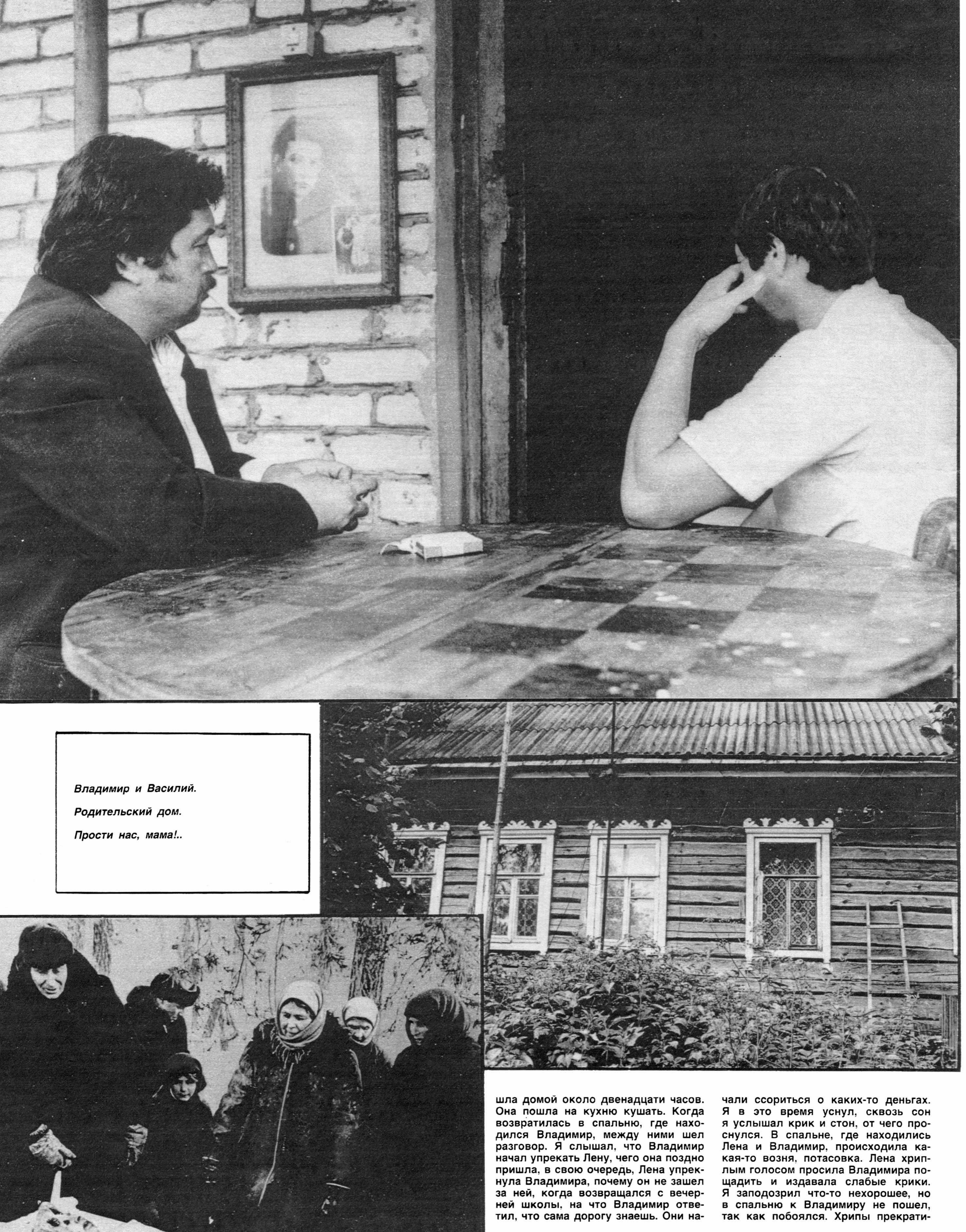
— Вам больше нет смысла ничего придумывать. Лену убил ваш старший сын Владимир. Василий во всем признался нам. Он слышал, как это происходило.

Надежда Ильинична вернулась домой уже далеко за полночь. Нашарила непослушной рукой обрывок чистой бумаги и карандаш. «Вася,— писала Надежда Ильинична,— накорми кроликов и собаку. Нас подозревают в убийстве, но это неправда. Я прощаюсь с жизнью, но а где правда? Все мое имущество отдайте племяннику. Прощайте все, добрые люди».

Потом она заперла на замок мертвый свой дом, вошла в сарай, сняла с гвоздя бельевую веревку и накинула на шею петлю...

А через несколько дней прокурор-криминалист областной прокуратуры Короткевич вызвал Владимира на допрос. Взял со стола протокол и спокойным голосом прочел показания брата.

«Двадцать первого февраля тысяча девятьсот семьдесят второго года,— значилось в них,— **Лена при-**

Владимир и Василий.

Родительский дом.

Прости нас, мама!..

шла домой около двенадцати часов. Она пошла на кухню кушать. Когда возвратилась в спальню, где находился Владимир, между ними шел разговор. Я слышал, что Владимир начал упрекать Лену, чего она поздно пришла, в свою очередь, Лена упрекнула Владимира, почему он не зашел за ней, когда возвращался с вечерней школы, на что Владимир ответил, что сама дорогу знаешь. Они начали ссориться о каких-то деньгах. Я в это время уснул, сквозь сон я услышал крик и стон, от чего проснулся. В спальне, где находились Лена и Владимир, происходила какая-то возня, потасовка. Лена хриплым голосом просила Владимира пощадить и издавала слабые крики. Я заподозрил что-то нехорошее, но в спальню к Владимиру не пошел, так как побоялся. Хрипы прекрати-

лись, я уже уснуть не мог. Через некоторое время я услышал, что дверь в спальню Владимира открылась и он что-то начал выносить, то есть выволакивать. Я слышал, что он открывал дверь своей спальни, где включил электросвет и что-то делал, я полагаю, что убирал следы крови. Я в эту ночь почти не мог уснуть. Когда встал, Владимир сидел за столом в своей спальне и курил. Я стал собираться в школу. В это время ко мне подошел Владимир и сказал, ты ничего не знаешь, понял? Я ему ничего не ответил, но понял, что он убил Лену».

— Я хочу встретиться с ним,— сказал Володя, выслушав запись допроса.— Сделайте очную ставку.

Владимир ждал очной ставки с едва ощутимой тревогой, но больше с надеждой и верой в то, что при нем, старшем брате, Васька не сможет сказать лжи. Не сумеет.

И вот они встретились. Как и прежде, сидели они за одним общим столом все вместе, одна семья. Только сегодня тут же сидели следователи, один из них вел протокол допроса, и не было уже семьи, вместо нее — подозреваемый и свидетели. И не было любви. Вместо нее — очная ставка. На всем ее протяжении, в эти бесконечно томительные минуты и часы, сколько ни старался Владимир, он никак не мог встретиться с Васей глазами, увидеть его открытого лица. Брат опустил взгляд и молчал. Только отец смотрел отчего-то беспощадно и строго. Владимир еще не знал, что всего лишь час назад, в этом же кабинете, вслед за братом от него отказался и отец.

Не поднимая глаз на брата, Вася принялся свидетельствовать вновь. И вновь, как по заученному, повторил про какую-то ссору, про стоны, мольбу о пощаде и предсмертный хрип, про то, как Володя волочил мертвое тело, а потом велел брату про все услышанное помалкивать...

Глядя на брата, вслушиваясь в его слова, Владимир вдруг явственно осознал, что не только с ним, но и во всем мире происходит какая-то чудовищная несправедливость, рушится все и вся, и ему, по нелепой случайности оказавшемуся в эпицентре беды, теперь не остается никакой, даже самой малой надежды и нету сил сопротивляться, бороться, противостоять ломающему его вселенскому злу. И почувствовал он, что сдается.

А когда конвойные вывели из комнаты отца с братом и довольный собой следователь, подскочив к нему, закричал: «Ну, видишь, как расколол тебя братец!»,— а потом спокойным, расчетливым голосом рассказал, что то же самое свидетельствовала мать и, дабы уйти от ответственности за соучастие, решила спрятать концы в воду, позавчера сунулась в петлю; когда это произошло, Володе вдруг стало все безразлично. Пусто сделалось и темно.

Он обхватил руками голову и заплакал.

А вскоре сквозь туман, не глядя подписал все, что нужно.

«Показания, данные моим братом Тоисевым Василием, сейчас, на очной ставке,— значилось в этих бумагах,— **я прослушал, и они мне понятны. Показания эти я подтверждаю. Я действительно убил свою жену Лену».**

IV

Следствие было недолгим. Всего каких-нибудь четыре месяца занимались следователи пустяковым, по прокурорским понятиям, делом Владимира Тоисева. Слушать его намеревались на выездном заседании областного суда в конце июня.

Тем временем жизнь оставшихся в живых Тоисевых была переполнена множеством скорбных забот и приготовлений.

Вначале, за ненадобностью следствию, убитую Лену, обрядив в пошитое в местном ателье платье, не дав попрощаться с ней ни арестованному мужу, ни его родственникам, на дребезжащем автобусе свезли к матери в Логойский район и там схоронили на затерявшемся среди лесов деревенском кладбище.

С похоронами Надежды Ильиничны все оказалось и печальнее, и тяжелее. Местные погребальные власти под каким-то сочиненным нелепым предлогом отказали покойнице в последнем приюте на чериковской земле. То ли на нехватку места сослались, то ли на какую-то иную пустую формальность вроде той, что Надежда Ильинична умерла не собственной смертью, а наложила на себя руки. Однако сыграло тут свою роль скорее всего то обстоятельство, что после убийства Лены и задержания семьи Тоисевых по городку насчет них поползли всякие сплетни и слухи. Говорили, например, что при обыске в доме у старшего Тоисева обнаружили радиостанцию, а сам он и не Тоисев вовсе, а «батька англей» — британский шпион, засланный на Чериковский овощесушильный завод с секретной диверсией.

Одним словом, наслушавшись всякого да побегав с просьбами о погребении по разным инстанциям, повез Василий Михайлович покойную свою жену в ее родные места. Там люди оказались душевнее, сжалились над стариком, приютили покойницу на местном кладбище и справили нехитрые поминки. И остался Василий Михайлович совсем один. Один в пустом, выстроенном для счастья доме.

Сын Вася теперь тоже находился в тюрьме. Арестовал его и посадил туда за кражу ножовочных полотен все тот же следователь Пичугов. Хоть и обещал в свое время дело это закрыть, а все же посадил.

В десять часов дня перед зданием Чериковского дома-интерната собралось много народа. Каждый хотел попасть в зал, где будет слушаться дело Вовки-убийцы. И немудрено, ведь многие чериковцы знали злодея и его семью лично, выпивали, бывало, ходили с ним вместе на танцы и в кино, а потому и не могли никак теперь уразуметь, как же так долго умудрялся он скрывать звериное свое нутро, подлую свою сущность, удивлялись, как это прежде не разоблачили его, не усмотрели в нем черный замысел. Иные, те, что из бдительных, ничему не удивлялись, мол, говорили же, предупреждали: от этих Тоисевых добра не жди, не иначе точно шпионы...

В десять часов с минутами в переполненный, душный от человеческого дыхания зал вошли председательствующий суда Иванов, народные заседатели Дятлова и Шулаков, нанятый за сорок рублей адвокат Продолянин, прокурор Подольский и секретарь судебного заседания Старикова.

Михаил Александрович Иванов, опытнейший юрист с многолетним стажем судебных разбирательств послевоенной поры по делам о похищенных голодными крестьянами с колхозных полей колосках и картошке, изучил уголовное дело Владимира Тоисева заранее, проверил выводы экспертиз, показания свидетелей и сегодня чувствовал себя вполне уверенно, так как дело это нехитрое, казалось ему, вроде бы и не содержит в себе на первый взгляд сколь-либо существенных противоречий и разночтений.

Что же касается народных заседателей, то они только накануне процесса узнали от Иванова о том, что их назначили таковыми. А потому не только не прочитали дела, но и пролистать его даже не успели. Да и к чему: ведь оба они были людьми от судопроизводства далекими, вот и не оставалось им ничего иного, как положиться во всем на знающего судью.

Низкооплаченный адвокат скучал. Секретарь судебного заседания писала протокол с многочисленными орфографическими ошибками.

Прочли коротенькое, подписанное следователем Пичуговым обвинительное заключение.

— Подсудимый Тоисев,— проговорил Михаил Александрович Иванов, оглядывая присутствующих,— вам понятно, в чем вы обвиняетесь?

— Понятно,— ответил подсудимый,— но виновным я себя не признаю.

Зал возбужденно зашумел, заерзал на жестких скамейках, но судья призвал к порядку, предлагая участникам заседания перейти к судебному следствию.

Васю ввели под конвоем. Для суда это был самый важный свидетель, поскольку именно на его показаниях по большей части и было построено предварительное следствие, а от того, как он поведет себя на суде, зависело очень многое, если не все. Секретарь Старикова вновь взялась за ручку. **«Председательствующий разъясняет свидетелю, что он должен рассказать правду,—** записала она в протоколе,— **что это его гражданский долг. Свидетель долгое время молчит. На неоднократные предложения председательствующего дать показания свидетель молчит, посматривая на подсудимого.**

На вопросы председательствующего свидетель Тоисев — собственноручные показания писал, прокурору на следствии тоже рассказывал все. После этого свидетель снова запирается, не говорит, на вопросы не отвечает.

Затем председательствующий предложил участникам процесса высказать мнение о возможности допроса свидетеля в присутствии педагога.

Выслушав, определили: допрос свидетеля Тоисева перенести на 30 июня, на 9 часов утра».

Потом в строгой очередности, по порядку вызывали в зал суда остальных свидетелей: родственников убитой, сотрудников редакции, где работала Лена, Володиных друзей. Вопросов задавалось мало. Прокурор с адвокатом молчали. Кто-то зевал. На сегодня все было ясно, и все ждали завтрашнего дня, когда перед судом вновь предстанет главный свидетель.

Но назавтра Василия для допроса специально вывезли в здание народного суда. Но и здесь он молчал. Тогда огласили показания, данные им на предварительном следствии. И занесли в протокол под видом показаний, данных в суде.

Потом вернулись в клуб.

— Что ж,— сказал судья,— по-моему, все ясно, можно ввести подсудимого.

В самом деле, вскоре очередь дошла и до него.

— Я не убивал жену,— начал свою речь, поднявшись со скамьи, Владимир,— и показания брата — надуманные. А вы как хотите, так и разбирайтесь.

— Но как же вы смогли так подробно имитировать убийство во время следственного эксперимента? Мне не понятно...— спросил тогда адвокат.

— Я сказал: пусть будет так, как вам надо. Со всем, что мне предлагало следствие, я был согласен. Мне следователь сказал показать, как я положил труп жены. Я показал. А он мне говорит: «Подумай хорошенько».

— Если у вас все, подсудимый,— проговорил судья,— предлагаю объявить перерыв на пятнадцать минут. А потом перейдем к прениям.

И опять крохотный зал судебного заседания наполнился до отказа: люди стояли у стен, в проходах, выглядывали из-за спин, дышали в затылок. Каждому интересно было узнать, что сделают с Тоисевым, какой уготовили ему приговор.

— Считаю, что вина в убийстве жены подсудимого Тоисева доказана,— взял слово прокурор,— его действия квалифицированы следствием правильно, убийство совершено с особой жестокостью. При условии доказанности его преступления я прошу суд применить к нему высшую меру наказания.

— Я как защитник подсудимого,— сказал адвокат,— не могу согласиться с ним. Считаю, что есть достаточно оснований считать его виновным в убийстве жены. Вместе с тем прошу учесть его безупречное прошлое, условия, в которых он воспитывался, и найти возможность сохранить ему жизнь...

— Подсудимый, вам предоставляется последнее слово,— сказал судья Иванов.

Владимир поднялся, посмотрел на судей, отчаянно взглянул в зал. Нет, никто не верил ему в этом зале. Ни один, даже самый родной человек.

— Я не могу взять на себя вину в убийстве жены,— сказал Владимир,— я ее не убивал!

Судьи совещались недолго.

«Именем Белорусской Советской Социалистической Республики,— значилось в приговоре,— **судебная коллегия приговорила: Тоисева Владимира Васильевича признать виновным в умышленном убийстве женщины, заведомо для него находящейся в состоянии беременности, и совершенном с особой жестокостью, по ст. 100 п. п. «д» и «с» УК БССР приговорить его к смертной казни — расстрелу...»**

V

До Минска дорога неблизкая, верст двести с лишним, а потому машина спецконвоя спешила вовсю, подпрыгивала на каждой колдобине, отчего наручники на Володиных запястьях еще больнее впивались в кожу, урчала перегревшимся мотором и, наконец, заглохла, стала как вкопанная. Покуда ждали другую машину да отряд охраны да пока добирались до тюрьмы, наступил вечер. Так он и провел первый свой день смертника: с наручниками на вывернутых запястьях и под присмотром молодых молчаливых ребят. А когда наручники сняли, он еще долго не мог пошевелить вывихнутыми в суставах руками. Подземным коридором привели в небольшую — девять шагов в длину — камеру номер семнадцать, со скрежетом захлопнули тяжелую железную дверь, а старик охранник, проходя мимо, сокрушенно покачал головой: «Ой, парень, не повезло тебе. Отсюда редко кто выходит».

Назавтра вымыли в бане. Остригли машинкой наголо и выдали казенное: ботинки без шнурков, портянки, полосатую робу и полосатые же штаны, две пачки махорки и коробку спичек на десять дней, а еще шашки.

Поначалу Володя Тоисев пробовал читать доставленные ему из тюремной библиотеки книги: «Россию молодую» и какую-то брошюру про Сталина, но прочитанное тут же забывалось, и он садился играть сам с собою в шашки.

Через полтора месяца одиночки в Володину камеру ввели такого же, как и он сам, «полосатика» — Сережку Веселова — бывшего матроса, приговоренного судом к расстрелу за то, что во время увольнительной убил свою знакомую девушку.

— Я тут транзитом,— сказал Сережа, протягивая Володе руку для знакомства,— скоро еду в Москву на обследование.

— Да бог с тобой, парень,— проговорил за его спиной все тот же старик надзиратель,— отсюда транзита не будет!

А в четверг утром просыпается Сережка Веселов потный весь, губы дрожат. «Все,— говорит,— видно, и вправду конец мне пришел. Дурной сон ночью приснился. Будто отец мой плачет и держит три спички в руках. Значит, наверное, три дня жить мне осталось».

Но ошибся Сережка Веселов, обмануло его видение.

В час ночи того же дня заскрежетали ключи и в камеру зашел подполковник с бумагами, а за ним человек в пальто.

Той же ночью его расстреляли...

А когда соседа уводили на казнь, Володя вдруг почувствовал странное

облегчение и даже некую радость от того, что забрали другого, а не его, что не его, а чужой затылок продырявит пуля; и не его отцу, а чужому вышлют упакованные в черную, тюремную наволочку шмотки... Но, радуясь чужой смерти, он вместе с тем понимал, что своя подбирается все ближе и ближе, а все эти отсрочки — не навсегда. Придет и его время.

Он ложился на холодные нары и порою не мог заснуть до рассвета, все боялся, что, лишь только сомкнет глаза, его разбудит человек в длинном пальто.

Сон наваливался внезапно уже под утро, когда за тюремными стенами начинали звонить трамваи.

Но даже эти обрывки сна дарили ему видения.

В одном из них Володе развязали руки.

Он еще не знал, что это значит. Весь день потом жег махорку, а ночью снова не мог уснуть.

Но Володю забрали не ночью. Люди пришли за ним днем, сразу же после обеда, и подполковник выкрикнул его фамилию и велел выходить с вещами.

Молча вели по подземельям и переходам, сквозь лязг решеток, скрип дверей, сквозь смешанный с хлоркой запах баланды и, наконец, ввели в большой кабинет.

Седой человек в военной форме, спросив фамилию, недолго рылся в бумагах, нашел нужную и произнес:

— Верховный суд Белорусской ССР, Тоисев, рассмотрев материалы вашего дела и кассационную жалобу, нашел ваши доводы неубедительными. А потому жалобу отклонил и приговор оставил без изменения...

В кабинете наступила тишина. Седой молчал, с интересом поглядывая на смертника. И лишь только после того, как вволю насладился его мучением, поднял со стола другую бумажку:

— Однако Президиум Верховного Совета Республики, учитывая вашу молодость и первую судимость, смертную казнь заменил лишением свободы на пятнадцать лет. Вот тут, прошу, распишитесь...

И улыбнулся от чувства собственной значимости: миловать и убивать.

VI

Сашу Спасова изловили быстро. Изловили за мелкое жульничество, за то, что собирал с народа деньги, выдавая себя за мастера энергосбыта.

Но лишь только доставили его в отделение, Саша вдруг ни с того ни с сего взмолился посадить его в концентрационный лагерь, потому что он не кто иной, как отъявленный злодей, насильник и убийца. Рассказал откровенно следователю, что воспитывался в детском доме, потом учился в ПТУ на штукатура, как подхватил вскорости дурную болезнь и с тех пор зол на весь женский пол: вот потому и резал, потому и насиловал, а одну даже убил.

А поскольку небывалая волна изнасилований и впрямь прокатилась минувшим летом по всему Мстиславскому району и преступника до сих пор не нашли, Сашей Спасовым было решено заняться всерьез.

«В феврале месяце, — рассказывал на первых же допросах Саша. — **я вместе с другими рабочими поехал за лесом в Чериковский район. Когда приехали в Чериков, то около школы-интерната я вылез. И вдруг заметил, что около милиции в сторону сушзавода шла девушка. Заметив эту девушку, у меня сразу же появилось желание на половое сношение. Я пошел вслед за ней. Догнал я ее, не доходя сушзавода... Она стала мне говорить, что придут люди и меня за это убьют. Она стала вырываться и кричать, а потому я ударил ножом в бок этой девушки. Она стала кричать сильней, но я второй раз ударил ей ножом в левую сторону груди. Она стала просить, чтобы я отвез ее в больницу. Я побежал в сторону магазина и во дворе жилого дома взял санки и поехал. Подъехав к месту, я заметил, что девушка уже мертвая. Приехав в лес, я сбросил с санок девушку и поехал обратно».**

А вскоре начальник отдела уголовного розыска Могилевской области Виктор Тихонович Кириллов, которому поручили расследовать дело Спасова, нашел в его доме Ленины часы. И санки со следами крови скоро нашлись. И начальство Спасова подтвердило: двадцать первого февраля его отправляли в Чериков...

Прознав об этом, старик Тоисев, исключенный за сына из партии, срочным порядком отослал ему письмо, мол, так и так, нашли власти истинного убийцу, радуйся, Вовка, скоро вернешься домой. Есть, есть же на свете правда!

Но не было правды, только страх. Именно он управлял теперь поступками людей, которые совсем недавно допрашивали, составляли протоколы, проводили очные ставки, судили, приговаривали и надзирали за делом Володи Тоисева.

Они боялись теперь, что дело это сфабрикованное может в конце концов вскрыться, поднимется шум, нахлынут всякие неприятности.

Дело передали в областную прокуратуру. Здесь-то Саша и отказался от прежних своих показаний.

Весною Василий Михайлович Тоисев, ожидавший сына со дня на день, получил от Володи письмо с лагерным штемпелем.

«Здравствуй, отец! — говорилось в нем.— **Пятого марта я прибыл в Минск. Вели следствие, выясняли, какие отношения у меня со Спасовым. Прокрутили мне магнитофонную пленку, на которой он говорит, что якобы он встретил меня около автостанции, где я лежал будто бы пьяный. Он хотел меня ограбить, но потом меня узнал, и я начал его просить, чтобы он помог мне отвезти труп, что будто бы у меня была в кармане бутылка и он там где-то взял санки, положил на санки труп, он же снял часы, чтобы я не видел, а то боялся, что я отберу у него. И за это я будто бы обещал ему дать много денег. Я сказал, что все это ложь, потому что я в тот вечер как пришел из школы, никуда не выходил. Далее очные ставки с Короткевичем, Горбачевским, Лукьяновым. Те отрицают, что меня избивали. Они на меня сейчас все злые, говорят, что ты против всех прешь, против прокуратуры и суда, против экспертизы. Они, по-видимому, и в самом деле Спасова делают моим сообщником, а не убийцей. Чтобы выкрутиться самим. Говорили: признавай себя виновным, и мы пойдем тебе навстречу, переквалифицируем статью, заменим тебе режим. А если нет, сказали, то будем просить президиум, чтобы мне опять дали вышку».**

В том письме Володя не стал причинять отцу лишней боли и поэтому не сказал ему, что после того допроса, дабы сломать еще раз, его вновь поместили в камеру смертников...

Утром Володю Тоисева снова повели на этап, а несколько месяцев спустя следователь по особо важным делам при прокуроре Белорусской ССР Жавнерович, **«рассмотрев материалы возбужденного производством по вновь открывшимся обстоятельствам, в связи с заявлением гр-на Спасова об убийстве Тоисевой Леониды»,** постановил дело это окончательно прекратить.

Сашу Спасова, конечно, судили. Но не за убийство, а за изнасилования других женщин. На суде он пытался петь и просил, чтоб его кастрировали. Коллегия по уголовным делам решила направить его в психушку. Ведь и мать его, и сам Саша оказались больны шизофренией.

VII

И вновь понесся этап на восток с ветерком; опять с частыми остановками то в Смоленске, то в Ярославле, то в Соликамске: с пересыльными тюрьмами, полными вшей и клопов, с портретами Брежнева на станциях и полустанках, с матюгами и стонами битых, с запахами параши и анаши...

Колония особого режима на Нижней Колве была тем суровым последним пристанищем, куда свозили со всего Союза опасных рецидивистов и бывших смертников.

Люди здесь жили разные: старые и молодые, работящие и бездельники, «опущенные» и «паханы». Жили подолгу, некоторые всегда, как, например, Хромой, которого посадили сюда еще при Сталине, время от времени он кого-нибудь резал, и ему снова накидывали срок, вот и получилось у него тридцать пять лет отсидки.

Глядя на таких, как Хромой, Володя внутренне бодрился: мол, уж если люди куда как большие сроки выдерживают, то он свою «пятнаху» как-нибудь отмотает. Хотя отматывать ему, невинному, конечно же, не хотелось: ни «пятнахи», ни дня. Просто так он себя поддерживал, расслабиться не давал.

А ведь было же от чего расслабиться, пасть духом, перерезать себе стеклышком вены. Колония... Особый режим.

Не забыть, как люди убивали друг друга чуть ли не каждый месяц, а в високосные годы и того чаще: душили руками, вспарывали животы самодельными ножами, бензопилами и топорами.

Но от всей этой крови, мрази, от бесконечных смертей и ненависти человека к человеку спасала его работа, бесконечное — из месяца в месяц — вкалывание до забытья. Это был своего рода чифир.

Зимы сменялись веснами. Шли годы. Тем временем Василий Михайлович Тоисев беспрерывно писал. Не проходило и месяца, чтобы он не отправлял письма в высокие инстанции, способные, по его разумению, восстановить попранную справедливость и вернуть домой невиновного сына. Писал в разного ранга суды, прокуратуры, президиумы, цэка и в конце концов, как к последней надежде, Брежневу Леониду Ильичу. Просил, умолял, унижался: поднимите дело, разберитесь.

Но ни глава страны, ни многочисленные суды и прокуратуры не слышали одинокий голос маленького человека из затерянного среди белорусских лесов города Черикова. Этот человек и судьба его сына были им безразличны, как и миллионы иных человеков и судеб. И шли, шли нескончаемым потоком на улицу Ленина, в дом одни бесконечные отписки, дескать, сын ваш осужден правильно, оснований для пересмотра дела не имеется.

Весной Василий Михайлович Тоисев умер от рака. Умер, так и не увидев своего старшего сына, так и не добившись для него справедливости, так и не узнав, есть ли она на свете.

Совсем немного не дожил до лета Василий Михайлович, буквально чуть-чуть до того дня, когда работники Прокуратуры БССР, разбирая дела погрязшего в беззакониях «важняка» Жавнеровича, случайно наткнулись на старое, покрывшееся архивной пылью чериковское дело.

Вновь допросили освобожденного из психбольницы Сашу Спасова. **«Я и сегодня заявляю,— сказал он,— что женщину в городе Черикове в феврале семьдесят второго убил я». Добавил еще: «С первого дня следователи Жавнерович и Шнайдерман стали вести дело не так, как было на самом деле. Они подсказывали мне фамилию Тоисева, говорили, что я якобы с ним был знаком. В конце концов они выдумали, что я якобы даже помогал Тоисеву отвезти труп его жены. Меня довели до такого состояния, что я сам уже не понимал, что говорю, поэтому подписал ряд протоколов, в которых изобличал Тоисева в совершении им убийства. Допрашивали меня по многу раз в день и ночью, давали мне бумагу и диктовали, что нужно писать».**

Потом допросили Васю. «Ранее,— объяснил он следователю.— **на предварительном следствии я давал ложные показания и оговорил своего брата Владимира. Но произошло не по моей вине, так как меня заставили дать такие показания».** Рассказал младший брат следователю про то, как его долго избивали ногами, про то, как били в пах, как подсовывали какие-то бумаги и протоколы и требовали: подпиши! Вновь били и вновь допрашивали. Про то, как, не выдержав этих мучений, он все подписал, а потом подписывал вновь и вновь, потому как боялся, что будут бить снова.

Всего несколько месяцев понадобилось для добросовестного следствия, чтобы разобраться в этом старом, намеренно запутанном деле: перепроверить экспертизы, допросить свидетелей и в конце концов разобраться, кто прав, кто виноват.

А в декабре, накануне новогодних праздников, заместитель прокурора Белорусской ССР, государственный советник юстиции третьего класса Кондратьев, **«рассмотрев материалы уголовного дела об убийстве Тоисевой Л. В., постановил: уголовное преследование в отношении Тоисева Владимира прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления».**

...В тот же день, темно уже было, падал снег, Володя Тоисев сошел с автобуса на станции Чериков. Брел домой не спеша, полными легкими, до горлышка вдыхая морозный, чистый воздух родного города. Вот уже и проржавевшая водокачка показалась вдали и запорошенный вьюгами спуск под гору, за которым — овощесушильный завод и тропинка...

Поднялся на крыльцо. Постучал. Дверь открыл брат.

— Ну, что мне делать с тобой? — спросил его без злобы.

Пятнадцать лет не был он в этом доме. Пятнадцать без малого лет...

VIII

Тех следователей, прокуроров, судей, милиционеров, которые давили и ломали в разное время Тоисевых, тоже потом допрашивали и даже пытались судить. Но срок давности за привлечение заведомо невиновного к тому времени давно истек... Следователя Пичугова, милиционеров Абуховича и Хващинского, не признавших и до сих пор не признающих свою вину в содеянном, все же судили: долго рядили да выясняли, чем же били Васю в милиции пятнадцать лет назад, ботинками или сапогами, и выбивали ли ему при этом зубы, сочли его показания путаными, и всех троих оправдали.

Люди эти здравствуют и по сей день.

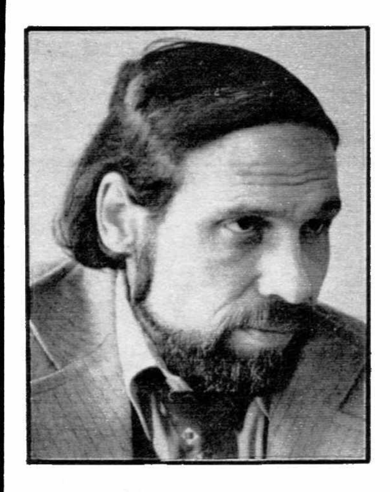
Володе Тоисеву за все про все выплатили компенсацию — тысячу сто восемьдесят два рубля семнадцать копеек. Он купил себе цветной телевизор и смотрит теперь разные передачи. Устроился работать аппаратчиком на свиноводческий комплекс «Ударник». В его большом доме живет женщина, которая его любит. Все у них хорошо. Но временами он заваривает чифир и все рвется куда-то уехать. Куда? Что ищет он на этой земле?

...Словно палые листья, кружатся, ложатся неслышно на пол желтые фотокарточки из семейного альбома Тоисевых. Кто они? О чем мечтали? Знали ли, могли ли представить, что сделает с ними судьба? Нет, конечно. И потому на фотографиях все они счастливы.

Когда верстался этот номер журнала, мне стало известно, что Саша Спасов вновь арестован. Прокуратурой Могилевской области в отношении него ведется расследование по делу об изнасиловании и убийстве школьницы.

Чериков — Москва

ЧЕРЕЗ СТЕКЛО ДВОЙНОЕ

Илья ФАЛИКОВ

ЕЩЕ ДО РОЖДЕНЬЯ

Поэзия не в том,
совсем не в том, что свет
Поэзией зовет.
Она в моем наследстве...

БУНИН

Мать ворвалась из полуподвала
в квартиру, которая опустела.
Власть никакую в дом не впускала.
В тридцать каком-то было дело.

Мать захватила хату победно,
эту квартиру, этот скворечник.
Бывший хозяин исчез бесследно,
бывший хозяин, энкавэдэшник.

Кто его сплавил? Шито-крыто.
Слава доносу! Ныне ликую,
что сибирячка не лыком шита
и не впустила власть никакую.

Перетащила из полуподвала
нас — и меня, еще до рожденья.
Мать никогда ничего не писала,
ее не тронет тень подозренья.

Я вырос в доме врага народа,
Мне помогли Ежов и Ягода,
мне вождь обеспечил счастливое
детство.
Захват чужого. Мое наследство.

ОДА НА ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВО

Еще живет последний вождь ЦК
ВКП(б), и кость его могуча,
и у него забот, наверно, куча,
как, впрочем, у любого старика.
Мы почитаем старость с юных лет,
и нам почти любая хворь знакома,
и розовым перстом влезать не след
в бульдожью пасть железного
наркома.

Живите долго. Прошлые напасти
и нынешние спишутся на вас.
Железные пути не в вашей власти,
не вы на днях взорвали Арзамас.
Но храм Христа Спасителя
на воздух
вы подняли железною рукой —
и пламенеет Храм в кровавых
звездах
осколками планеты роковой.

Вы продвигались поступью
железной
по плану реконструкции Москвы,
в ногах у вас убогий и болезный
роились, плача голосом вдовы.
Не слышно плачей в грохоте
и дыме!

Вас упованья поздние язвят —
с метро сорвав сегодняшнее имя,
свое на мрамор пригвоздить назад.

Но, глухи к старикам былым
и бабам,
теперь-то вы оглохли до конца.
Именовали вас тогда прорабом,
мы не избегли этого словца.
Какие бы года ни просквозили,
вам есть резон гордиться
между тем,
что ваша тень, как в мраморной
могиле,
пронизывает метрополитен.

Живи, нарком, покуда нам
не спится,
покуда мы обходимся без снов,
на генеральном уровне столица
сейчас реконструируется вновь.
И ходят поезда по расписанью,
не зная, где ударит черный час.
А в остальном мы виноваты сами,
железное здоровье не про нас.

СТАРУХА

Вхутемасовка, алкоголичка,
красноглаза, до спирта жадна,
на спирту полыхает, как спичка,
а сгореть не сгорает она.

Где холсты, что писала когда-то?
Где листы и чеканка? — На дне
поллитрухи, в пустом стакане,
и багровое ухо заката
от стыда полыхает в окне.

Мы на равных, как с гением гений,
разговариваем навзрыд.
И преемственностью поколений
по утрам от обоев разит.

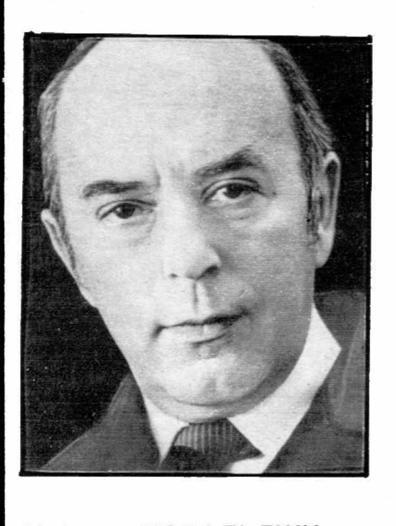
СОСЕДИ

Дома двух Павловичей
по соседству —
Антона и Лаврентия — стоят,
принадлежа единому наследству
страны, где мне любой прохожий
брат,
хотя отнюдь не Павловичи все мы
и вообще пришли со всех сторон
в столицу, где в стенах одной
системы
соседствуют Лаврентий и Антон.

Однако уроженца Таганрога
не зря вело на остров Сахалин.
У самого далекого острога
он был обыкновенно не один.
Сопровождал его с теплом
и лаской
веселый обходительный сосед,
поэта сумерек во тьме гиляцкой
предохраняя от скорбей и бед.

Вот почему поэт таким веселым
вернулся из поездки на Восток.
Вот почему он жег сердца глаголом,
а рукописей никогда не жег.
Он не мечтал о Ницце и о Бренте —
хватило Ялты.
Видя все кругом,
его пенсне примеривал Лаврентий,
сквозь стены проходя
в соседний дом...

●

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

* * *

Прости меня, Солнце,
Но в центре Вселенной —
Земля,
Затем, что жива,
Затем, что одна такова, —
А где еще можно увидеть шмеля,
А где еще шепчется с ветром
трава,
А где еще я —
лег и руки раскинул,
Ресницами синь облаков шевеля?..

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ОДА

Памяти Э. Хемингуэя

Я выпью вина и заплачу,
Скажу, что я видел Париж,
Скажу, улыбнусь виновато,
Ты это поймешь и простишь.

Немыслимый город с Монмартра,
Художницы юной лоток,
Сиянье осеннего света,
Веков золотой холодок.

Живительный воздух Парижа,
Где музыка прежде всего,
Где шорох бумажного сора
И тот по ночам — волшебство,

Где шляться бродягой завидно,
Где быть одиноким светло,
Где что-то все горести жизни
С дыханьем искусства свело.

На воле — пускай несвободный,
На празднике — немолодой,
Я словно проснулся и вспомнил
Забытое в жизни другой,

Как будто в Париж я вернулся
Неузнанный, как Одиссей,—
Стою, узнаю, собираю
Огни Елисейских полей.

И больше просить я не смею.
Прощай, я мгновенье постиг:
Жизнь делится скупо на годы,
А множится щедро — на миг.

Я вижу Париж, и глазами
Счастливыми, полными слез
Гляжу на пустые ладони,
В которых Париж я унес.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

На Родину вернулась...
Сон дурной:
Муж, дочь, сестра —
заложники ареста.
Нет кислорода на земле родной,
На необъятной
нет под солнцем места.
На Родину вернулась...
Немота
Возмездием.
Теперь молчок. Могила.
Живые опечатала уста,
Отпрянула от белого листа:
— Не дай Господь,
чтоб я заговорила!
Не дай Господь...
В опасности Москва,
К ней рвется враг,
и дым ползет прогорклый...
Чтоб не прорвались
страшные слова,
Самой себе перетянула горло.

...Как больно, что смертельная беда
Неизлечима завтрашним лекарством
Бессмертия.
Не путать с государством,
На Родину вернулась —
навсегда!

* * *

Пассажир умылся, выбрился
И себе не находит места:
Скорый поезд из графика
выбился,
Где стоит — неизвестно.

Предусмотрено было заранее,
Как положено в важном вопросе,
В 3 прибытие, в 5 заседание,
Выступление в 8.

Но застыли березы, ели
И корней пятерни,
Синий свод, сияние, зелень,
Птицы, лужи зеркальные, пни...

И лесок, и пчела, и поляна
Вызывают недоумение
Непреложностью — выглядят
странно,
В другом измерении.

Эта вставка не значилась
в плане,
Растет беспокойство покоя,
И глядит, как пришелец,
землянин
Через стекло двойное.

СЕКРЕТНЫ
ГОРОД

ЧЕРНЫЙ ГРИБ АТОМНОГО ВЗРЫВА — МРАЧНЫЙ СИМВОЛ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФРОНТАЦИИ. НЕ СРАЗУ ЛЮДИ ОСОЗНАЛИ, ЧТО СОЗДАННОЕ ЧЕЛОВЕКОМ СТРАШНОЕ ОРУЖИЕ НИКОГО НЕ СДЕЛАЕТ ПОБЕДИТЕЛЕМ — НИ ТЕХ, КТО НАПАДАЕТ, НИ ТЕХ, КТО ЗАЩИЩАЕТСЯ. МУЧИТЕЛЬНО ДОЛГА БЫЛА ДОРОГА К ПРОЗРЕНИЮ, И ТАК БЕЗУДЕРЖНО ОПТИМИСТИЧНА МЫСЛЬ, ЧТО ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ВСЕ БОЛЕЕ УКРЕПЛЯЕТ СВОИ ПОЗИЦИИ. ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ДВА РАССКАЗА — ВОСПОМИНАНИЕ КИНООПЕРАТОРА О СОБЫТИЯХ БОЛЕЕ ЧЕМ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ И СЕГОДНЯШНИЕ ЗАМЕТКИ НАШЕГО СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

* * *

В моем еженедельнике на страничке за 10 февраля 1956 года всего-то и записано: «Ура, солнечный день. Состоялось». И в памяти всплыло...

Сразу же после нового, 1956 года кинорежиссер Николай Андреевич Чигорин сообщил мне, что я вылетаю в экспедицию 7 января. Куда? Увижу, когда прилечу, а что снимать — знает консультант майор Агафонов В. М. Секретность — ничего не поделаешь!

В нашу группу вошел, тогда еще ассистент оператора, Олег Лебединский.

Уже на месте нам сообщили: снимать будем первый взрыв атомной боеголовки, но перед этим запланирована серия пристрелочных контрольных пусков. Место, куда нас привезли,— ТОЧКА — представляла собой группу построек и служб: несколько финских домиков, гараж, барак и небольшая площадка для вертолетов. Нас и поселили в один из этих домиков.

Два-три раза в неделю, во время контрольных пусков ракет, мы ездили к «мишени» в район «КОЛА» снимать место попадания болванки. «Мишень» — небольшой столб, прочно врытый в землю. Поначалу был сильный разброс, но постепенно там, на стартовой площадке, пристрелялись, и болванки стали ложиться в заданный круг. Наконец настал день последнего пристрелочного пуска. Правда, последние мы уже и не снимали — таких кадров наснято достаточно. Сегодя же выезжала только группа офицеров и наш консультант — замерять радиус разброса.

Вечером приезжает консультант майор Агафонов мрачнее тучи: последние три пуска болванки ложи-

лись в 2—3 метрах от столба, а сегодня найти «проклятущую» так и не смогли!

До открытия XX съезда КПСС оставалось немногим больше двух недель. И вот новая пристрелочная серия. А мы сидим дома и ждем. Чтобы как-то убить время, играем в кинг, слушаем музыку. Я брал с собой трофейный «Телефункен», он с 13 метров ловит весь мир.

Строгий режим. В город поехать нельзя. Машины — только служебные, ходят не каждый день, да и мест свободных почти не бывает.

Кормят концентратами и воблой. (Сейчас аж слюнки текут.) Вспоминаем столовую в жилом городке полигона — небо и земля! Там мы накануне заказывали меню. И как кормили! Здесь же только раз и повезло. Однажды машиной сбило сайгака, и весь небольшой гарнизон два дня питался свежим мясом.

Темнеет рано, рассветает поздно. Тоска страшная. Читаем, валяемся на койках. И ждем, ждем...

Наконец в начале февраля кончились пристрелочные пуски. Теперь уже около 5 болванок стабильно легли в цель. Ждем дня «Д». А тут, как назло, погода испортилась: то снег, то оттепель. Юг ведь.

Наконец 9 февраля 1956 года нам сообщили: завтра ПУСК.

Кто не видел пустыню зимой на рассвете, после оттепели, когда, точно облитые глазурью, барханы покрыты ледяной корочкой, когда сверкающие в лучах восхода, опушенные изморозью островки саксаула играют розоватыми кристалликами снежинок, тот и отдаленно даже не может себе представить сказочную прелесть этого пейзажа.

И вот мы стоим на гребне именно такого бархана. Мы — это майор Владимир Михайлович Агафонов — наш консультант, солдат с заплечной рацией и я. Стоят еще и несколько киноаппаратов, растопырив треноги.

Из динамика мы хорошо слышим команды на стартовой площадке. Хотя она удалена от нас на расстояние приблизительно двух часовых поясов. Там уже знают, что мы готовы.

Пока устанавливали аппаратуру, все мысли были заняты только работой. А вот теперь двухчасовая готовность, и мы свободны. Боже, как медленно течет время! Хорошо, что ветер несильный. Машина укрыта за ближайшим барханом. Появился солдат-шофер.

— Что тебе тут нужно? — спросил майор, как-то даже не очень грозно.

— Я думал, может, помочь чего надо?

— Идите, идите в кабину.

Я понимаю шофера. Ему, конечно, хочется посмотреть, а из кабины, да еще и спиной к взрыву, какой обзор?

Хотя сравнительно не холодно, периодически гоняю камеры вхолостую, чтоб смазка не загустела.

Я нервничаю: ведь и танковый аккумулятор, и специальная зимняя смазка в камерах, все проверено десятки раз, и все же...

Часовая готовность. Приношу кассеты из кабины. Заряжаю аппараты. Пробую. Порядок. Частота, фокус, диафрагма — порядок. Молчим. О чем говорить? Все оговорено заранее, все отрепетировано, все предусмотрено. Все... А может, и не все?

Вот так же два с половиной месяца назад я стоял на балконе второго этажа кирпичного здания и так же, как теперь, на бархане, ждал «Ч», первого взрыва водородной бомбы (не водородного устройства на мачте, а именно бомбы).

Население военного городка было эвакуировано. Во всех зданиях открыли окна и двери, отключили электроэнергию и газ, одним словом, все было предусмотрено и оговорено. Взрыв воздушный. Расстояние около 85 километров от моей точки съемки. Другие операторы находились ближе, но снимали из укрытий.

Мне надлежало снять сам взрыв и прохождение ударной волны по городу: сквозь дома, палисадники, улицы. Для этого я должен был включить камеру за пять секунд до взрыва, после вспышки сделать небольшую панораму вниз: от огненного шара — на улицу, зайти в помещение и спрятаться за стеной в простенке. Через тридцать девять секунд — как меня инструктировали — ударная волна пройдет и я смогу выйти из укрытия.

Я сделал все точно по инструкции. Но когда стал разряжать камеру, новая ударная волна сшибла меня с ног. Вспомните круги на воде от брошенного камня: первой идет большая волна, а затем все меньше, меньше и меньше. Так и тогда вторая, но тоже грозная, приподняла и припечатала меня спиной и затылком к каменному простенку между окном и дверью, выходящей на балкон. Кассету вырвало из рук и отбросило за перила. Она упала со второго этажа на каменные ступеньки подъезда и треснула! К счастью, пленка наматывается туго и засветило только верхний слой до перфорации. Кассету тут же подобрали и завернули в зарядный мешок. Я потерял сознание, видимо, на какие-то секунды. Когда ко мне вскочил начальник отдела полигона (он находился со мной на съемке), я удивился, что меня поднимают...

Вот и теперь все ли предусмотрели? Может, опять все, да не все.

После взрыва танк с дозиметристом и Олегом Лебединским двинется в сторону эпицентра, а за нами прилетит вертолет.

Наконец из динамика: ПУСК! Ракета пошла...

Теперь не отложат! Мысли мечутся: вспомнилось синее небо тогда. Под эскортом двух истребителей летит самолет-носитель, за ними курчавясь вьются белые ленты инверсии. Вот истребители круто, точно лепестки лилии, расходятся в стороны. Теперь «Ту-16» идет боевым курсом. Через минуту-другую сброс! Но что это? Носитель сворачивает влево.., а мы по рации слышим... отбой. Видимо, изменилось направление ветра или еще что-нибудь, так что сегодня взрыва не будет... Но это — тогда. А сейчас ОНА уже летит!

Минутная готовность. Звучит метроном, слышен счет... 59, 58, 57...

Попробуйте просчитать всего одну минуту — шестьдесят секунд. Долго это или... Всю жизнь вспомнить можно!

Вдруг подсознательно: это не железная болванка для пристрелки, а атомная боеголовка! Вдруг ракета сойдет с курса, вдруг отклонится в НАШУ сторону?

Ох, как это неприятно, когда по тебе стреляют ракетами средней дальности. Я стою и не показываю вида, что мне не по себе, а мурашки бегут по коже. Даже пытаюсь шутить: «Из пушки — по воробьям», — правда, сомнительный юмор. Стыдно. Вспомнил кинооператоров Махмуда Рафикова и Игоря Касаткина. Они на вертолете подлетали к неразорвавшемуся атомному устройству. Зависали над ним. Снимали с разных точек по заданию самого И. В. Курчатова. Кстати, летчик за тот полет был удостоен звания Героя Советского Союза.

25... 24... 23...

Мы знаем: заряд минимально возможный, на пределе критической массы, знаем, что расстояние до эпицентра — 15 километров, а я снимал и более мощный взрыв с восьми... И все же чем черт не шутит. Есть законы подлости...

10... 9... 8...

Мне включать при счете пять. В визир одной из камер между окуляром и наглазником просунул черную, почти непрозрачную пленку, чтобы не повредить клетчатку глаза. ЕЕ выдерну после ВСПЫШКИ.

6... включаю... 4... 3... 2... 1...

Ух! Порядок! Раз увидел — значит, жив!

Все как у «настоящей», только в миниатюре. Хотя мы и на высоком бархане, но так как это наземный взрыв, то сама вспышка — самый ослепительный миг ядерной реакции — слилась с горизонтом, и нам кажется, развитие бушующего огненного шара и его подъем происходят медленнее, чем обычно. Конечно, все это очень субъективно. Каждый раз я вижу все иначе.

Снимаю развитие гриба. Меняю оптику на камерах поочередно, так, чтобы картина развития взрыва при монтаже не прерывалась.

Вот и все. Так же сверкают барханы ледовой глазурью, переливаются звездочки инея на засахаренных веточках саксаула... Ширь! Тишина. Покой. И только зловещее белое облачко парит в вышине и медленно уплывает в пустыню.

Черная точка двинулась к эпицентру — это танк с дозиметристом и нашим оператором О. Лебединским пошел проверить радиационную обстановку и дать нам добро на вылет. Мы с ним находились как бы на концах катетов треугольника, где вершиной был эпицентр. Олег работал по дальности, а я по азимуту.

Ждем вертолета. В работе время бежит незаметно. Перезарядил камеры, убрал штативы, растяжки, аккумулятор.

Прилетел вертолет. Погрузились. Взлетели.

На месте взрыва — воронка метров десяти в диаметре и два-три метра глубиной. От нее длинющий черный хвост, может, 200, а может, 300 метров. Столба нет, может, попали в него, а может, вырвало ударной волной.

Подошел танк. Олег выскочил из люка. Теперь мы снимаем с земли то, что я уже снял с воздуха. Время пребывания в эпицентре ограничено — пленка засветится. Она более нежная, чем человек. Вот и Олег уже бежит к танку, а мы почти вертикально взмываем над воронкой и медленно плывем над черным шлейфом. Это «ножка» гриба — остекленевшие песчинки, их всосал огненный смерч и по мере остывания воздушный поток разметал по направлению ветра.

Испытана Р-5 — «пятерка», с атомной головкой ракета средней дальности. Прабабушка современных РСД-10, Р-12, Р-14.

Мы с Олегом Лебединским в свое время присутствовали на дне ее рождения, а мне, как видите, довелось испытать счастье дожить и до процесса их ликвидации. Я говорю «мне», потому что Олега Сергеевича Лебединского уже нет, он умер за месяц до этого дня. Нет уже и Коли Шумова, и Димы Гасюка, и Саши Филиппова, и Лени Дмитриева. Нет и майора Агафонова Владимира Михайловича, нет и инженер-полковника Седых Иннокентия Гавриловича, который умер 8 декабря 1972 года от лучевой болезни. Ровно за 15 лет до подписания исторического Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Мы все, кто тогда работал на съемках,— участники войны. Мы понимали, что ядерные взрывы необходимы для сохранения мирного неба. Неужели я до этого дожил?..

Святослав ПАНЮТИН,
кинорежиссер-оператор

* * *

Город был жутко секретный. Не обозначенный на картах, он, как водится, даже названия не имел. То есть все-таки имел, но только для внутреннего пользования, а для общего — почтовый ящик номер такой-то. Как водится, обнесен он колючей проволокой (лучшей гарантией, как считается с момента ее изобретения, сохранения всяких тайн), как водится, впустили нас в Город через контрольно-пропускной пункт после придирчивой проверки паспортов (корреспондентские удостоверения и смотреть не стали), сверив фамилии с неким списком, утвержденным в Москве. Таков порядок...

Итак, мы пересекли границу Семипалатинского ядерного полигона, в пределах которого располагался и сам Город, его столица. Все здесь казалось обычным: телята и овцы, пасшиеся по обочинам шоссе, встречные машины, побеленные дома без признаков архитектурной мысли, школьники с портфелями, мамаши с детскими колясками, лента реки под крутояром... Потом мы летели на вертолете над полигоном к месту последнего подземного ядерного взрыва.

Через иллюминатор я видел под нами степь — пустую, безжизненную. Серые высохшие травы щетинились из серой почвы, навевая тоску.

В пейзаже появились буровые вышки.

Одна, вторая, третья — много. «Что они тут ищут?» — недоуменно подумал я. Потом вышки остались позади, вновь долго ничто не нарушало унылого однообразия степи, пока вертолет не опустился в заданной точке. Живо, не дожидаясь остановки винтов, попрыгали из его грохочущего чрева и осмотрелись. Земля тут по всем направлениям змеилась трещинами шириной в ладонь и более, метрах в пятидесяти от нас торчали из нее в наклонном положении какие-то столбы, по вздыбившимся буграм почвы тянулись десятки кабелей, уходивших к вагончикам или, может быть, строениям, видневшимся примерно в километре от нас.

— Там,— показал в сторону строений начальник Семипалатинского полигона генерал-лейтенант Ильенко,— установлена регистрирующая аппаратура, а сам эксперимент проходил здесь. Прошу за мной...

И все направились к полуповаленным столбам.

Сгрудившись, мы стояли над устьем скважины (вот для чего буровые вышки, догадался я), надежно закрытой, забетонированной на всю свою полукилометровую глубину (из бетона торчал лишь кусок трубы с выползающими из нее свитками кабеля), и слушали комментарий генерала. Он был прост, точен, словно воинская команда.

— Бурится сначала скважина, затем по трубе на заданную глубину, но не менее чем на пятьсот метров, опускается «изделие», скважина плотно закупоривается, подается команда к началу эксперимента, который фиксируется специальными приборами до миллионных долей секунды. Вот и все...

Когда атомную бомбу элегантно именуют «изделием», словно заурядные штаны в портновской мастерской, а непредсказуемой разрушительной силы взрыв, заставляющий землю лопаться, вызывающий в эпицентре девятибалльное землетрясение, отзвуки которого доходят до Семипалатинска или Павлодара, не менее элегантно камуфлируют словом «эксперимент», то невольно становится не по себе. Я смотрел на

поверженные столбы, мотки спутанных кабелей, вздыбленные бугры на земле, трещины, в которые проваливалась нога... Что же происходит там, в глубине? Нормальный человеческий разум вообразить это не в состоянии. Во что спрессовывается под землей зловещий ядерный гриб, известный нам по фотографиям наземных взрывов? Не вырывается ли наружу губительная радиация, не проникает ли в грунтовые воды, а с ними в корни растений? И куда девается колоссальное количество газов, образующихся при подземном ядерном взрыве? Я спросил об этом генерала Ильенко, и Аркадий Данилович будничным голосом пояснил:

— Все элементы изделия в ходе эксперимента полностью выгорают. Газы действительно образуются, но они инертны, поэтому называются еще благородными. Они постепенно истекают в атмосферу, исчезают бесследно.

— Через эти трещины?

— И через трещины тоже.

— Но почему-то благородные газы при последнем испытании вызвали панику среди населения поселка, отстоящего от полигона на десятки километров, поскольку газовый выброс резко повысил уровень радиации? — спросил не без сарказма Олжас Сулейменов, вставший во главе общественного движения «Невада», выступающего за прекращение испытаний ядерного оружия во всем мире, за закрытие Семипалатинского полигона (движение названо «Невада» в надежде на то, что американские противники ядерных испытаний, возможно, назовут свое движение, допустим, «Семипалатинск»).— Причем случай тот ведь не единственный?

— Выбросы газов при проведении экспериментов неизбежны, но, повторяю, они безвредны. Просто в тот день вдруг резко переменилось направление ветра и выброс понесло на поселок. Впрочем, уровень радиации поднялся незначительно и повышение его было кратковременным. Вообще же радиационная обстановка на полигоне нормальная. Настолько нормальная, что на его территории пасутся отары овец. Да вы сейчас сами в этом убедитесь...

Подполковник Смагулов поднес свой дозиметр к устью скважины, и мы стали ждать, что он покажет. Стрелка качнулась и застыла на отметке в 12 миллирентген.

— Видите,— сказал Смагулов,— это гораздо меньше, чем, допустим, в больших городах, в Москве, например.

Измерения у земляных трещин в двух-трех местах повторили ситуацию с абсолютной похожестью. Направив выданный мне дозиметр-авторучку в то же место, я посмотрел в застекленное окошко. Стрелка прибора намертво застыла на нуле, и я догадался, что мне посчастливилось получить самый оптимистический дозиметр, может быть, и самый отважный (чихал он на всякую радиацию). Впрочем, кое-что рождало сомнения. Если благородные газы столь чисты, то почему же их поток вызвал-таки изменение радиационного фона, хотя, по словам генерала, и незначительное? Изменение в поселке было кому зафиксировать. А если бы ветер дул в другую сторону, то никакого переполоха вообще бы не было, потому что в другой стороне живут чабаны, дозиметрами не оснащенные. Интересно, часто ли ветер дул в другую сторону? Но кто ответит на такой вопрос? И я спросил о другом:

— Скажите, Аркадий Данилович, сколько взрывов, извините, экспериментов, произведено на полигоне с момента первого испытания 29 августа 1949 года?

— Такими данными не располагаю,— удивил ответом генерал,— могу только сказать, что примерно вдвое меньше, чем американцы.

— Можно ли узнать, сколько стоит один взрыв?

— Трудно сказать. Американцы, проводившие совместно с нами эксперимент, затратили приблизительно 25 миллионов долларов. Мы, видимо, несколько меньше...

«Здесь очень заботятся о флоре и фауне. На обочине дороги даже стоит плакат с призывом к автомобилистам: «Берегите природу». Далее, однако, щиты не столь благодушные, скорее пугающие. Один указывает на ближайшее атомное убежище, другой изображает план эвакуации, третий призывает не подбирать металлических предметов в связи с опасностью радиоактивности. Это не национальный парк, это полигон. 320 тысяч гектаров земли, песка, скал и гор... служат техникам и ученым, проводящим ядерные испытания».

Разумеется, это не о Семипалатинске — о Неваде пишет итальянский журналист Клаудио Гатти. Привожу эту выдержку, не получив ответа на вопрос о том, какую площадь занимает наш ядерный полигон. Вообще странно, что мы подчас рьяно храним «секреты», известные всему миру. Храним, получается, от своего народа? Если на снимках из космоса можно рассмотреть даже бортовой номер машины, то полигон под Семипалатинском с его буровыми вышками, дорогами, техникой и секретным городом, видимо, и подавно. Впрочем, как и полигон в Неваде... Нам не разрешили посетить одну из штолен, где тоже проводятся «эксперименты» (генерал Ильенко сказал, что не имеет на это полномочий). Но американцы (журналисты и специалисты-ядерщики) там были, причем в гораздо более представительном составе (нас было четверо, их — несколько десятков человек). Нам же не показали даже фильм об испытаниях.

Секретомания доходит до смешного... Может быть, это отголоски того времени, когда здесь систему допуска к работам осуществлял какое-то время лично Берия (мне показали дом, где он жил), когда все документы писались только от руки и только в одном экземпляре. Понимаю, какими соображениями диктовалась тогда обстановка строжайшей секретности. Сейчас-то время другое?.. Пора переходить от логики безумия к логике разума, доверия. Понятно, что взаимное доверие так просто не возникнет. Его развитие должны подтолкнуть гласность, открытость, взаимные контроль и проверка. Причем гласность не в последнюю очередь и перед собственным народом. Почему жители Семипалатинска не знают радиационную обстановку в своем городе каждодневно, а не только из сообщений ТАСС в дни экспериментов? Это незнание рождает самые нелепые слухи. Почему бы рядом с термометром на одной из городских площадей не поместить дозиметр? Почему население заранее не предупреждается о предстоящих взрывах (генерал Ильенко сказал, что предупреждаются письменно первый секретарь обкома партии и председатель исполкома), а люди узнают о них в ту самую секунду, когда сотрясается жилище, раскачивается люстра под потолком и звенит посуда в шкафах. Тоже секрет?

Мы помним, что не так уж давно секретными были предстоящие запуски космонавтов. Теперь о них говорят заранее, и ничего страшного не случается. Борис Иванович Гусев, главный врач медицинского подразделения, призванного контролировать обстановку вокруг полигона, утверждал, что в дни проведения эксперимента у людей резко обостряются обычные болезни — нервные, сердечные, язвенные, печеночные и т. д. Объясняет он это психологическим шоком. Борис Иванович — абориген, мальчишкой видел и запомнил на всю жизнь зловещие атомные грибы после наземных атомных взрывов под Семипалатинском. Он утверждает, что неизвестно еще, какой след они оставили на здешней земле, потому что никто не проводил целенаправленных исследований...

Нас все время уверяли в полной безопасности полигона. А как там с этим у них, в Неваде? Снова обращусь к свидетельству итальянского коллеги. «Все утверждают: невадский центр испытаний — одно из самых безопасных мест в мире. «Мы продырявили всю эту пустыню, вырыли более 350 километров шахт, а процент несчастных случаев на производстве у нас в 10 раз ниже, чем в любой нефтедобывающей компании»,— гордо заявляет инженер Патрик Роу... Инциденты все же были. В 1985 году фильтры не сработали, и во время вентиляции произошла утечка радиации. А в 1986 году... в результате утечки подверглись облучению электронные измерительные приборы стоимостью в 20 миллионов долларов. Только последний барьер, железобетонный, воспрепятствовал выходу радиации из туннеля «Н». А вот диалог с одной из женщин, живущей в городке поблизости от полигона: «Страх перед бомбой? Абсолютно никакого. Я и приехала-то сюда с надеждой найти работу в центре испытаний, потому что знала, что зарплата хорошая и работа тоже... А радиоактивность? Я не вижу причин для беспокойства. Мой дядя проработал там почти 20 лет, и у него не было никаких проблем. Можно ли поговорить с дядей? Нет, он умер. От чего? Рак желудка».

Итак, невадский полигон самый безопасный в мире. Тогда, исходя из логики наших военных, Семипалатинский полигон вдвое безопасней. Ну, подумаешь, случаются иногда выбросы газов, так ведь благородных, а больше-то ведь ничего? Беда в том, что большего мы просто не знаем. Но я бы покривил душой, если бы не сказал, что большинство населения полигона (из тех, с кем пришлось общаться) наших опасений не разделяло. Один из офицеров вообще заявил, что, выступая за прекращение экспериментов, мы ослабляем ядерный щит родины. На что Олжас Сулейменов (упрек относился к движению «Невада») ответил:

— Любой щит должен быть таких размеров, чтобы своей тяжестью не придавил того, кого он должен защищать...

Я ходил по улицам секретного города. Он был вполне обычным, если бы не одна деталь, поразившая меня, может быть, сильнее, чем вид разодранной трещинами земли в эпицентре эксперимента. В Городе нет и не было кладбища. Это не означало, что люди здесь бессмертны. Это означало, что по соображениям секретности родственники умерших в Город не допускались, поэтому предлагалось хоронить (на выбор) либо в ближайшем открытом городе, либо везти умершего на его родину. Почему это меня так поразило? Стоя в центре сквера у памятника Игорю Васильевичу Курчатову (он тут жил и работал с 1949 по 1955 год, как гласила мемориальная доска на фасаде дома напротив), я думал, к каким нелепостям иногда приводит секретомания. Что случится, если я скажу, что название города начинается на «К»? Что случится, если кто-то из моих соотечественников догадается? Тем более что американцы, а значит, и весь мир, давно знают об этом. Смешно? Что-то смеяться не хочется.

Юрий ЛУШИН

Пока нет Закона об архивах, который четко регулировал бы взаимоотношения государственной архивной службы и тех, кто архивами пользуется, возможно все: сокрытие, обыкновенное самодурство и даже уничтожение «нежелательных» документов. История наша, к сожалению, богата подобными фактами.

Итак, нужен Закон, но каким он должен быть? Думаю, что нецелесообразно устанавливать какой-то единый срок, по истечении которого документы становятся доступными автоматически (например, 30 или 50 лет). Понятно почему: современная документация осталась бы закрыта на эти годы. На мой взгляд, дифференцированный подход более приемлем.

Так, документы, образовавшиеся до 25 октября (7 ноября) 1917 года, не должны вообще иметь ограничений для научного использования. Документы следующего периода (до 14 октября 1964 года) должны быть предоставлены для научного использования. Исключение составляют те, разработка которых может нанести ущерб интересам государства или гражданам. Причем нужно четко оговорить категории документов, имеющих временные ограничения, а их списки передать в читальные залы архивов. Как же быть с документами последних лет, с 14 октября 1964 года? Уверен, что они должны стать доступны для служебного, а в отдельных случаях и для научного использования, естественно, если их рассекречивание не причинит вред интересам государства.

Убежден, что ограничения в 25 лет для основного массива административной документации — срок вполне достаточный, так же как достаточно 75 лет для материалов, имеющих те или иные ограничительные даты. Известно, что владельцы личных архивов или их наследники при передаче документов на государственное хранение имеют право устанавливать собственные сроки доступности. Однако, считаю, они не должны превышать 75 лет. Ну а если получен отказ в выдаче тех или иных документов, да еще без уважительных причин? Права посетителя читального зала должен защищать прокурорский надзор или суд.

Проблема партийных архивов сегодня довольно сложна, работать с их документами может историк, только будучи членом КПСС. Считаю, что на режим работы с партийными документами также должны распространяться все положения будущего Закона.

Убежден, что 25 лет для административной документации и 75 лет для различных категорий секретной — время вполне достаточное, чтобы передать документы из ведомств в государственные архивы. Как только истекли эти крайние сроки, документы должны быть автоматически рассекречены.

Разумеется, я изложил в самых общих чертах лишь один из вариантов решения проблемы. Обсуждать ее нужно гласно, тогда возникнут и лучшие предложения. Теперь ясно одно: будут открыты широко архивы, у нас появятся свои Ключевские, закроем их — вновь возникнут Покровские (известно, какой вред М. Н. Покровский нанес исторической науке в первые годы Советской власти). И история так и останется служанкой, питающейся с барского стола объедками.

Е. СТАРОСТИН,
зав. кафедрой истории и организации архивного дела Московского историко-архивного института, доцент

В предреволюционные годы Аркадий Аверченко (1881—1925) был самым знаменитым юмористическим писателем России, редактором самого популярного русского юмористического журнала «Сатирикон». (С 1913 года часть сотрудников «Сатирикона» откололась и стала издавать под редакцией Аверченко журнал «Новый Сатирикон».)

Несмотря на то, что к участию в издании этого журнала привлекались Л. Андреев, А. Куприн, А. Толстой, несмотря на то, что в нем активно сотрудничал Маяковский, о «Сатириконе» и его редакторе у нас обычно писали в крайне непочтительных тонах, а иногда и вовсе пренебрежительно, третируя его печатную продукцию как типичный образчик беззубой либерально-буржуазной псевдосатиры, не затрагивающей самых основ «прогнившего» буржуазного общества.

«Сатирикон» был странное место,— вспоминает Виктор Шкловский.— Богом там был одноглазый, умеющий смешить Аверченко, человек без совести, рано научившийся хорошо жить, толстый, любящий индейку с каштанами и умеющий работать...

Бледнолицый, одноглазый, любящий индейку с каштанами Аверченко притворялся, что ему мешает полиция. Он изображал даже, как сам «Сатирикон», нечто вроде отъевшегося на сдобных булках сатира или фавна, грызет красные карандаши цензуры и не может прорваться.

Фавн, объевшийся булками, если бы сломал карандаши, побежал бы очень недалеко.

После 1917 года Аверченко эмигрировал во Францию. В 1921 году издал там книжку «Дюжина ножей в спину революции». «Это,— писал о ней В. И. Ленин,— книжка озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца... Интересно наблюдать, как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки... Большая часть книжки посвящена темам, которые Аркадий Аверченко великолепно знает, пережил, передумал, перечувствовал. И с поразительным талантом изображены впечатления и настроения представителя старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, объевшейся и объедавшейся России... До настоящего пафоса... автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России, как закусывали в Петрограде — нет, не в Петрограде, а в Петербурге — за 14 с полтиной и за 50 рублей и т. д. Автор описывает это прямо со сладострастием...»

Двойное упоминание о любви Аверченко к индейке с каштанами в воспоминаниях Шкловского, надо полагать, восходит именно к этим рассуждениям Ленина.

Несколько позже, в 60-е годы, официальная трактовка творчества Аверченко у нас слегка изменилась. «В юмористических рассказах и фельетонах Аверченко высмеивал пошлость буржуазного быта»,— говорится о нем в «Краткой литературной энциклопедии» (1962 год).

Но безотносительно к тому, высмеивал ли Аверченко пошлость буржуазного быта или, напротив, сладострастно воспевал этот самый буржуазный быт, главное все-таки то, что был он, как справедливо отметил Ленин, поразительно талантлив.

Юрий Олеша в своих заметках об Александре Грине обронил: «Как можно подражать выдумке? Ведь надо же выдумать!»

Точно так же как нельзя подражать выдумке (ведь надо выдумать!), нельзя подражать и искусству юмориста: ведь надо уметь рассмешить!

Юмору нельзя научиться ни в каком университете. Это — свойство ума, свойство души, свойство таланта. Аркадий Аверченко был этим свойством наделен в высокой степени.

Рассказ «Слепцы», публикуемый нами, взят из сборника Аркадия Аверченко «Рассказы для выздоравливающих». Издание журнала «Новый Сатирикон». Остальные рассказы были написаны в эмиграции и взяты нами из книги: Аркадий Аверченко. Записки Простодушного. Константинополь, 1921.

Аркадий АВЕРЧЕНКО

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

ГАЛАНТНАЯ ЖИЗНЬ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Шел я недавно по той улице, на которой живу — вдруг мое праздное внимание привлек один большой ярко освещенный дом. Изнутри доносилась странная, чисто восточная музыка и слышался топот чьих-то танцующих ног. В окнах мелькало много женских теней.

— Э! — сказал я сам себе.— Это, наверное, гарем какого-нибудь константинопольского вельможи! Очевидно, он справляет день рождения и захотел повеселить бедных гаремных затворниц! Вот они где — чарующие тайны загадочного Востока!

Не успел я этого подумать, как из дверей выпорхнула очаровательная женская фигурка и, схватив меня за рукав, ясно показала, что ей хочется втащить меня внутрь таинственного дома.

Надо сознаться, что я славлюсь своей скромностью по всему Анатолийскому побережью, но надо также сознаться, что в тот момент пикантное приключение совсем вскружило мне голову.

Возможность проникнуть в гарем знатного вельможи на секунду очень соблазнила меня, и я даже сделал движение по направлению к дверям, но тут же одумался.

А что дальше?

А что если паша вдруг неожиданно поймает меня в гареме? Я человек храбрый — и не за себя я боялся!.. Нет, я боялся за жизнь этого кроткого, застенчивого, полудикого создания, которое так доверчиво тащило меня за рукав, очевидно, чрезвычайно очарованное моей респектабельностью и манерами. Я боялся, что не взойдет и два раза луна на небе, как эта женщина будет лежать в мешке на дне Босфора. Мой коллега Пьер Лоти неоднократно писал о таких штуках. Эти соображения охладили меня. Я освободил свой рукав, сделал селям бедной затворнице и быстро удалился, давая дорогу четырем английским матросам — очевидно, близким друзьям паши, потому что они вошли в дом без доклада, как близкие люди.

На другой день утром — о, слабость человеческая! — я решил похвастать перед друзьями своим головокружительным успехом у турецкой дамы и рассказал все приключение, не утаив ни капельки...

Мне случалось видеть, как смеются люди, я сам иногда люблю хихикнуть в подходящем случае — но это был не смех! Это было сокрушительное ржание обезумевших жеребцов.

— Не понимаю, что здесь смешного,— пожал я плечами.— Конечно, одни мужчины имеют больший успех у женщин, другие — меньший, но...

— Знаете, что это за дом? — спросил один приятель, отдышавшись.

И шепнул на ухо словцо, которое заставило вспыхнуть меня до корней волос.

— Быть не может! — воскликнул я в ужасе.— Ведь на этой же улице находится моя квартира.

— Ну, что ж такое. Подобное соседство здесь бывает зачастую.

— Нет! Ни одного дня моя нога не останется в этой квартире. Как? Не предупредить меня, когда я снимал комнату? Сейчас же иду и выскажу своей хозяйке все, что я о ней думаю!

Разгоряченный, я выскочил из кафе на улицу и... тут же — одно веское соображение приковало меня к месту. На каком языке я выскажу хозяйке негодование? Она говорит только по-гречески, а мой запас слов на этом языке был чрезвычайно ограничен: кали-мерос, Венизелос и малиста — вот те три слова, которыми мог я орудовать и которые в самой остроумной комбинации все-таки не могли быть материалом для продолжительной морально-этической беседы.

На мое счастье, я тут же наткнулся на древнюю, согбенную гречанку, продавщицу спичек, предлагавшую товар на ломаном русском языке.

— Нет, бабушка,— сказал я.— Мне ваших спичек не надо. Но если вы переведете моей хозяйке все то, что меня обуревает — я вам заплачу пол-лиры.

Предложение оказалось соблазнительным — и мы через минуту уже шагали рука об руку к моему дому.

— Как по-гречески «нога»? — спросил я.

Она ответила каким-то бесформенным, клейким, как рахат-лукум, словом.

— Ну вот. Так скажите, что мое это самое у нее в доме не будет!

На звонок нам открыла сама хозяйка.

И вдруг, увидев нас, она подняла такой крик, что, вероятно, слышно было на Пере.

— Что она кричит? — спросил я старушку, которая вдруг сразу расцвела от хозяйкиного рева и даже кокетливо поправила выцветшую косынку на безволосой голове.

— Ма, она говорити, сто вы не моги приводить себе на квартиру даму! Она говорити, сто эта неприлицна, сто эта цестный дома, сто нельзя дами водити...

— Какую даму? — остолбенел я.— Я никого не приводил.

— Она эта говорити на меня. Я — дама.

И польщенная этим диким предположением, она игриво толкнула меня полуразрушенным локтем.

Я сочно выругался, вынул пол-лиры и сунул ей в руку.

— Пошла вон, старая ведьма. Будьте вы обе прокляты.

И тут же заметил на лице хозяйки чувство сожаления ко мне, как к человеку, который заплатил за любовь деньги, не насладившись в то же время радостями этой любви...

РУССКОЕ ИСКУССТВО

— Вы?

— Я.

— Глазам своим не верю!

— Таким хорошеньким глазкам не верить — это преступление.

Отпустить подобный комплимент днем на Пере, когда сотни летящего мимо народа не раз толкают вас в бока и в спину,— для этого нужно быть очень светским, чрезвычайно элегантным человеком.

Таков я и есть.

Обладательница прекрасных глаз, известная петербургская драматическая актриса, стояла передо мной, и на ее живом, лукавом лице в одну минуту сменялось десять выражений.

— Слушайте, Простодушный! Очень хочется вас видеть. Ведь вы — мой старый милый Петербург. Приходите чайку попить.

— А где вы живете?

Во всяком другом городе этот простой вопрос вызвал бы такой же простой ответ: улица такая-то, дом номер такой-то.

Но не таков городишко — Константинополь!

На лице актрисы появилось выражение небывалой для нее растерянности:

— Где я живу?.. Позвольте... Не то Шашлы-Башлы, не то Биюк-Темрюк. А может быть, и Казанлы-Базанлы. Впрочем, лучше дайте мне карандашик и бумажку — я вам нарисую.

Отчасти делается понятной густая толпа, толкущаяся на Пере: это все русские стоят друг против друга и по полчаса объясняют свои адреса: не то Шашлы-Башлы, не то Бабаджан-Османлы.

Выручает, обыкновенно, карандаш и бумажка, причем, отправной пункт — Токатлиан: это та печка, от которой всегда танцует ошалевший русский беженец.

Рисуются две параллельных линии — Пера. Потом квадратик — Токатлиан. Потом...

— Вот вам,— говорила актриса, чертя карандашом по бумаге,— эта штучка — Токатлиан. От этой штучки вы идете налево, сворачиваете на эту штучку, потом огибаете эту штучку — и тут второй дом — где я живу. Номер 22. Третий этаж, квартира барона К.

Я благоговейно спрятал в бумажник этот странный документ и откланялся.

На другой день вечером, когда я собирался в гости к актрисе, зашел знакомый.

— Куда вы?

— Куда? От Токатлиана прямо, потом свернуть в одну штучку, потом в другую. Квартира барона К.

— Знаю. Хороший дом. Что же это вы, дорогой мой, идете в такое аристократическое место — и в пиджаке.

— Не фрак же надевать!

— А почему бы и нет. Вечером в гостях фрак — самое разлюбезное дело. Все-таки, это ведь заграница!

— Фрак так фрак,— согласился я.— Я человек сговорчивый.

Оделся, и сверкая туго накрахмаленным пластроном фрачной сорочки — отправился на Перу — танцевать от излюбленной русской печки.

Если в Константинополе вам известна улица и номер дома, это только половина дела. Другая половина — найти номер дома. Это трудно. Потому что седьмой номер помещается между 29-м и 14-м, а 15-й скромно заткнулся между 127-б и 19-а.

Вероятно, это происходит потому, что туркам наши арабские цифры не известны. Дело происходило так: решив перенумеровать дома по-арабски, муниципалитет наделал несколько тысяч дощечек с разными цифрами и свалил их в кучу на главной площади. А потом каждый домовладелец подходил и выбирал тот номер, закорючки и загогулины которого приходились ему больше по душе.

Искомый номер 22 был сравнительно приличен: между 24-м и 13-м.

На звонок дверь открыла дама очень элегантного вида.

— Что угодно?

— Анна Николаевна здесь живет?

— Какая?

— Русская. Беженка.

— Ах, это вы к Аннушке! Аннушка! Тебя кто-то спрашивает.

Раздался стук каблучков, и в переднюю выпорхнула моя приятельница, в фартуке и с какой-то тряпкой в руке.

Первые слова ее были такие:

— Чего тебя, Ирода, черти по парадным носят? Не мог через черный ход приттить?!

— Виноват,— растерялся я.— Вы сказали...

— Что сказала, то и сказала. Это мой кум, барыня. Я его допрежь того в Питербурхе знала. Иди уж на кухню, раздевайся там. Недотепа!

Кухня была теплая, уютная, но не особенно пригодная для моего элегантного фрака. Серая тужурка и каска пожарного были бы здесь гораздо уместнее.

— Ну, садись, кум, коли пришел. Самовар, чать, простыл, но стакашку еще нацедить — возможное дело.

— А я вижу, вы с гран-кокет перешли на характерные,— уныло заметил я, вертя в руках какую-то огромную ложку с дырочками.

— Чаво? Я, стало быть, тут у кухарках пристроилась. Ничего, хозяева добрые, не забижают.

— На своих харчах? — деловито спросил я, чувствуя, как на моей голове невидимо вырастает медная пожарная каска.

— Хозяйские. И отсыпное хозяйское.

— И доход от мясной и зеленной имеете?

— Законный прóцент. (В последнем слове она сделала ударение на «о»). А то, может, щец похлебаешь? С обеда остались. Я б разогрела.

Вошла хозяйка.

— Аннушка, самовар поставь.

Во мне заговорил джентльмен.

— Позвольте я поставлю,— предложил я, кашлянув в кулак.— Я мигом. Стриженая девка не успеет косы заплести, как я его ушкварю. И никаких гвоздей. Вы только покажите, куда насыпать угля и куда налить воды.

— Кто это такой, Аннушка? — спросила хозяйка, с остолбенелым видом разглядывая мой фрак.

— Так один тут. Врóде, как сродственник. Он, барыня, тихий. Ни тебе напиться, ни тебе набезобразить.

— Вы давно знакомы?

— С Петербурга,— скромно сказал я, переминаясь с ноги на ногу.— Аннушка в моих пьесах играла.

— Как... играла? Почему... в ваших?

— А кто тебя за язык тянет, эфиеп,— с досадой пробормотала Аннушка.— Места только лишишься из-за вас, чертей! Видите ли, барыня... Ихняя фамилия — Аверченко.

— Так чего же вы тут, господи! Пожалуйте в столовую, я вас с мужем познакомлю. Мы очень рады...

— Видала? — заносчиво сказал я, подмигивая.— А ты меня все ругаешь. А со мной господа за ручку здороваются, к столу приглашают.

С черного хода постучались. Вошел еще один Аннушкин гость, мой знакомый генерал, командовавший третьей армией. Он скромно остановился у притолоки, снял фуражку с галуном и сказал:

— Чай да сахар. Извините, что поздно. Такое наше дело швейцарское...

Мы сидели в столовой за столом, покрытым белоснежной скатертью. Мы, трое — кухарка, швейцар и я.

Хозяин побежал в лавку за закуской и вином, хозяйка на кухне раздувала самовар.

А мы сидели трое — кухарка, швейцар и я — и, сблизив головы, тихо говорили о том, что еще так недавно сверкало, звенело и искрилось, что блистало, как молодой снег на солнце, что переливалось всеми цветами радуги и что теперь залилось океаном топкой грязи.

Усталые, затуманенные слезами глаза тщетно сверлят завесу мглы, погашенную Господом Богом... Какая эта мгла? Предрассветная? Или это сумерки, за которыми идет ночь, одиночество и отчаяние?

РУССКИЕ В ВИЗАНТИИ

Этот осколок константинопольской жизни мне хочется написать в благодарной форме исторического романа — так он красочен.

Стояло ясное, погожее утро лета 1921 года.
Впрочем, нет. Стоял вечер.
Автор начинает с утра только потому, что все русские исторические романы начинаются этой фразой.
А на самом деле стоял вечер, когда произошла завязка этого правдивого бытового романа.
Граф Безухов, не доложившись, неожиданно вошел в комнату жены и застал последнюю (она же была у него и первая) — в объятиях своего друга князя Болконского.
Произошла ужасная сцена.
— Милостивый государь! — вскричал взбешенный муж.
— Милостивый государь?
— Вы знаете, что вами осквернен мой семейный очаг!!?
— Здесь дама, прошу вас не повышать голоса. Орет, сам не знает чего.
Закусив нижнюю губу, бледный граф молча сдернул со своей руки перчатку, сделал два шага по направлению к князю и бросил перчатку прямо в лицо врагу.
— Надеюсь, вы понимаете, что это значит?! — угрюмо сказал он.
— Готов к услугам,— холодно поклонился князь Болконский.
— Мои секунданты будут у вас в 10 часов утра.
— Хоть в 9,— с достоинством ответил князь, отыскивая свою шляпу.

По соглашению сторон, поединок решен был на завтра, на дуэльных пистолетах.
Выработав все условия и подробности, секундант графа полковник Н. спросил у княжеского секунданта гусарского корнета Ростова:
— Теперь — последний вопрос: у вашего доверителя есть дуэльные пистолеты?
— Никаких нет.
— А у вас?
— Откуда, голубчик? Я из Севастополя эвакуировался с маленьким ручным чемоданчиком.. До дуэльных ли тут пистолетов!
— И у моего нету. Что же теперь делать? Нельзя ли у кого-нибудь попросить на время? Например, у барона Берга?..
— Нашли у кого просить! Барон на Пере «тещиными языками» торгует с лотка — неужели, вы думаете, у него удержится такая ценная штука, как ящик с дуэльными пистолетами. Загнал!
Огорченные, разошлись секунданты по своим доверителям.
— Ну, что? — нетерпеливо спросил бледный, с горящими глазами граф Безухов.— Все готово? Когда?
— Черта с два готово! Пистолетов нет.
— Вот тебе раз! У барона Берга нету ли?
— «Тещины языки» есть у барона Берга. Не будете же вы драться «тещиными языками»!
— Может, в магазине можно купить? Если недорого...
— Ваше сиятельство, что вы! В константинопольском магазине?! Дуэльные пистолеты? Да на кой же их шут будут держать? Для греков, торгующих маслинами и халвой?.. Нашли тоже Онегиных!.. Они больше норовят друг друга по шее съездить или — еще проще — обсчитать на «пенды-грош», а не дуэль! Заверяю вас, что среди местных греков нет ни Ленских, ни Печориных...
— Гм! Дьявольски глупо... Не отказываться же из-за этого от дуэли!
— Впрочем, попытаюсь пойти еще в одно место: в комиссионный магазин «Окказион» — не найду ли там?..

— Здравствуйте. Чем могу служить?
— У вас есть дуэльные пистолеты?
— Помилуйте, все есть! Ковры, картины, бриллианты, курительные трубки...
— Ну, на кой мне черт курительная трубка. Из нее не выстрелишь.
— Пардон, стреляться хотите? Дуэль?
— Не я. Я по доверенности.
— Ага. Так, так. Присядьте! Ну, желаю удачи. А пистолетики найдутся. Вам пару?
— Не четыре же! Это не кадриль танцевать.
— Нет, я в том смысле спросил, что, может, одним обойдетесь.
— Что вы за чушь городите! Какая же эта дуэль с одним пистолетом?!
— А почему же? Сначала первое лицо стреляет, потом, ежели не попал, передает партнеру, тот стреляет и так далее. Экономически-с.
— Подите вы! Сколько стоит пара?
— Для вас? Двести лир.
— Вы с ума сошли! Они и шестидесяти не стоют!
— Не могу-с. А пистолеты такие, что поставьте в затылок пятерых — пятерых насквозь пронижет.
— Ну, вот! Что же мы для вашего удовольствия еще четыре пары дуэлянтов подбирать будем? Уступите за сто.
— И разговору такого нет.

— Ну что?!.
— Черт его знает — с ума сошел человек! Он, может, из человеколюбия, но нельзя же драть двести лир за пару! Скажите, сколько вы ассигнуете?
— Мм... Могу отдать все что имею — сорок лир.
— Впрочем, с какой стати вы сами будете нести все расходы. Вот еще! Пусть противник принимает на себя половину!
— Послушайте! Удобно ли обращаться... По такому поводу?
— В Константинополе все удобно! Я с него и за доктора половину сдеру!..

Колесо завертелось.
Полковник Н. пошел к корнету Ростову и потребовал, чтобы его доверитель князь Болконский заплатил свою долю за пистолеты — 40 лир; корнет пошел к князю — у князя нашлось только 25 лир; корнет отправился к полковнику, но полковник нашел, что шансы не равны, и предложил взять доктора — на счет князя; потом оба пошли в комиссионный магазин и стали торговаться...
Хозяин уступал за полтораста (без зарядов); секунданты давали 60 с зарядами; не сойдясь, оба разошлись по своим доверителям за инструкциями; граф предложил полковнику Н. взять пистолеты напрокат; полковник отправился к корнету Ростову; оба отправились в комиссионный магазин; хозяин согласился напрокат, но просил в залог полтораста лир; оба снова разошлись по доверителям; один из доверителей (граф) согласился дать в залог брошку жены (100 л.) с тем, чтобы князь Болконский доплатил остальное; корнет Ростов отправился к князю, но у князя оказалось всего-навсего 15 лир; граф передал через своего секунданта, что князь саботирует дуэль, а князь ответил через своего секунданта, что бедность не саботаж и что он, если и задолжает графу за пистолеты, то впоследствии, когда будут деньги, отдаст; граф чуть было не согласился, но жена его возмутилась: «с какой стати,— говорила она.— раз шансы не равны: если он тебя убьет, он этим самым освобождается от долга, а если ты его убьешь — ты с него ничего не получишь... Я вовсе не желаю терять на вашей дурацкой дуэли!»; граф возразил, что это не дурацкое, а дело чести; графиня ответила в том смысле, что, дескать — какая честь, когда нечего есть; из комиссионного магазина пришел мальчик и простодушно спросил: «а что теи господа будут стрелять друг у друга или отдумали, потому как, может, найдутся другие покупатели — так отдавать, или как?» Граф послал его к князю Болконскому, графиня послала его к черту, а он, вместо этого, раскрыл зонтик от дождя и побежал домой.
Наступала осень.

О, Ленские, Печорины, Онегины и Грушницкие! Вам-то небось хорошо было выдерживать свой стиль, и благородство, когда и пистолеты под рукой, и камердинеры собственные, и экипажи, и верховые лошади... «Дуэль? Пожалуйста! Такое-то место, такой-то час, деремся на пистолетах...» А попробуйте, милостивый государь господин Ленский, пошататься по «окказионам», да поторговаться до седьмого поту, да войти в сношения с Онегиным на предмет взятия на себя части расходов, да получить от Онегина отказ, потому что у него «юс пара» в кармане... Так тогда — не «умру ли я, стрелой пронзенный» запоете, а совсем из другой оперы:

— Помереть не померла,
Только время провела.

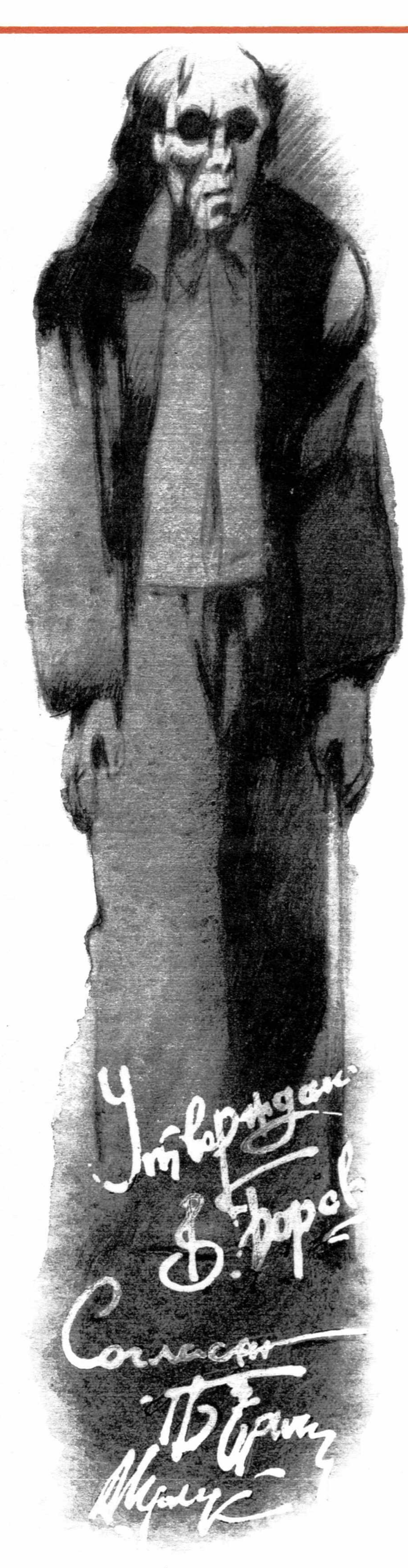
Бедные мы сделались, бедные...
И прилично ухлопать-то друг друга не имеем возможности!

СЛЕПЦЫ

Посвящается А. Я. Садовской

Королевский сад в эту пору дня был открыт, и молодой писатель Ave беспрепятственно вошел туда. Побродив немного по песчаным дорожкам, он лениво опустился на скамью, на которой уже сидел пожилой господин с приветливым лицом.

Пожилой приветливый господин обернулся к Ave и после некоторого колебания спросил:
— Кто вы такой?
— Я? Ave. Писатель.
— Хорошая профессия,— одобрительно улыбнулся незнакомец.— Интересная и почетная.
— А вы кто? — спросил простодушный Ave.
— Я-то? Да король.

— Этой страны?

— Конечно. А то какой же...

В свою очередь. Ave сказал не менее благожелательно:

— Тоже хорошая профессия. Интересная и почетная.

— Ох, и не говорите.— вздохнул король.— Почетная-то она почетная, но интересного в ней ничего нет. Нужно вам сказать, молодой человек, королевствование не такой мед, как многие думают.

Ave всплеснул руками и изумленно вскричал:

— Это даже удивительно! Я не встречал ни одного человека, который был бы доволен своей судьбой.

— А вы довольны? — иронически прищурился король.

— Не совсем. Иногда какой-нибудь критик так выругает, что плакать хочется.

— Вот видите! Для вас существует не более десятка-другого критиков, а у меня критиков миллионы.

— Я бы на вашем месте не боялся никакой критики,— возразил задумчиво Ave и, качнув головой, добавил с осанкой видавшего виды опытного короля: — Вся штука в том, чтобы сочинять хорошие законы.

Король махнул рукой.

— Ничего не выйдет! Все равно никакого толку.

— Пробовали?

— Пробовал.

— Я бы на вашем месте...

— Э, на моем месте! — нервно вскричал старый король.— Я знал многих королей, которые были сносными писателями, но я не знаю ни одного писателя, который был хотя бы третьесортным, последнего разряда, королем. На моем месте... Посадил бы я вас на недельку, посмотрел бы, что из вас выйдет...

— Куда... посадили бы? — осторожно спросил обстоятельный Ave.

— На свое место!

— А! На свое место... Разве это возможно?

— Отчего же! Хотя бы для того это нужно сделать, чтобы нам, королям, поменьше завидовали... чтобы поменьше и потолковее критиковали нас, королей!

Ave скромно сказал:

— Ну, что ж... Я, пожалуй, попробую. Только должен предупредить: мне это случается делать впервые, и если я с непривычки покажусь вам немного... гм... смешным — не осуждайте меня.

— Ничего,— добродушно улыбнулся король.— Не думаю, чтобы за неделю вы наделали особенно много глупостей... Итак, хотите?

— Попробую. Кстати, у меня есть в голове один небольшой, но очень симпатичный закон. Сегодня бы его можно и обнародовать.

— С Богом! — кивнул головой король.— Пойдемте во дворец. А для меня, кстати, это будет неделькой отдыха. Какой же это закон? Не секрет?

— Сегодня, проходя по улице, я видел слепого старика... Он шел, ощупывая руками и палкой дома, и ежеминутно рисковал попасть под колеса экипажей. И никому не было до него дела... Я хотел бы издать закон, по которому в слепых прохожих должна принимать участие городская полиция. Полисмен, заметив идущего слепца, обязан взять его за руки и заботливо проводить до дому, охраняя от экипажей, ям и рытвин. Нравится вам мой закон?

— Вы добрый парень,— устало улыбнулся король.— Да поможет вам Бог. А я пойду спать.

И, уходя, загадочно добавил:

— Бедные слепцы...

II

Уже три дня королевствовал скромный писатель Ave. Нужно отдать ему справедливость — он не пользовался своей властью и преимуществом своего положения. Всякий другой человек на его месте засадил бы критиков и других писателей в тюрьму, а народонаселение обязал бы покупать только свои книги — и не менее одной книги в день, на каждую душу, вместо утренних булок...

Ave поборол соблазн издать такой закон. Дебютировал он, как и обещал королю, «законом о провожании полисменами слепцов и об охранении сих последних от разрушительного действия внешних сил, как-то: экипажи, лошади, ямы и проч.».

Однажды (это было на четвертый день утром) Ave стоял в своем королевском кабинете у окна и рассеянно смотрел на улицу.

Неожиданно внимание его было привлечено странным зрелищем: два полисмена тащили за шиворот прохожего, а третий пинками ноги подгонял его сзади.

С юношеским проворством выбежал Ave из кабинета, слетел с лестницы и через минуту очутился на улице.

— Куда вы его тащите? За что бьете? Что сделал этот человек? Скольких человек он убил?

— Ничего он не сделал,— отвечал полисмен.

— За что же вы его и куда гоните?

— Да ведь он, ваша милость, слепой. Мы его по закону в участок и волокем.

— По за-ко-ну? Неужели есть такой закон?

— А как же! Три дня тому назад обнародован и вступил в силу.

Ave, потрясенный, схватился за голову и взвизгнул:

— Мой закон?!

Сзади какой-то солидный прохожий пробормотал проклятие и сказал:

— Ну, и законы нынче издаются! О чем они только думают? Чего хотят?

— Да уж,— поддержал другой голос,— умный законик: «всякого замеченного на улице слепца хватать за шиворот и тащить в участок, награждая по дороге пинками и колотушками». Очень умно! Чрезвычайно добросердечно!! Изумительная заботливость!!

Как вихрь, влетел Ave в свой королевский кабинет и крикнул:

— Министра сюда! Разыщите его и сейчас же пригласите в кабинет!! Я должен сам расследовать дело!

III

По расследовании загадочный случай с законом «об охране слепцов от внешних сил» разъяснился.

Дело обстояло так.

В первый день своего королевствования Ave призвал министра и сказал ему:

— Нужно издать закон «о заботливом отношении полисменов к прохожим слепцам, о провожании их домой и об охране сих последних от разрушительного действия внешних сил, как-то: экипажи, лошади, ямы и проч.».

Министр поклонился и вышел. Сейчас же вызвал к себе начальника города и сказал ему:

— Объявите закон: не допускать слепцов ходить по улицам без провожатых, а если таковых нет, то заменять их полисменами, на обязанности которых должна лежать доставка по месту назначения.

Выйдя от министра, начальник города пригласил к себе начальника полиции и распорядился:

— Там слепцы по городу, говорят, ходят без провожатых. Этого не допускать! Пусть ваши полисмены берут одиноких слепцов за руку и ведут куда надо.

— Слушаю-с.

Начальник полиции созвал в тот же день начальников частей и сказал им:

— Вот что, господа. Нам сообщили о новом законе, по которому всякий слепец, замеченный в шатании по улице без провожатого, забирается полицией и доставляется куда следует. Поняли?

— Так точно, г. начальник!

Начальники частей разъехались по своим местам и, созвав полицейских сержантов, сказали:

— Господа! Разъясните полисменам новый закон: «всякого слепца, который шатается без толку по улицам, мешая экипажному и пешему движению, хватать и тащить куда следует».

— Что значит «куда следует»? — спрашивали потом сержанты друг у друга.

— Вероятно, в участок. На высидку... Куда ж еще...

— Наверно, так.

— Ребята! — говорили сержанты, обходя полисменов.— Если вами будут замечены слепцы, бродящие по улицам, хватайте этих каналий за шиворот и волоките в участок!!

— А если они не захотят идти в участок?

— Как не захотят? Пара хороших подзатыльников, затрещина, крепкий пинок сзади — небось побегут!..

Выяснив дело «об охранении слепцов от внешних влияний», Ave сел за свой роскошный королевский стол и заплакал.

Чья-то рука ласково легла ему на голову.

— Ну, что? Не сказал ли я, узнав впервые о законе «охранения слепцов»,— «бедные слепцы!»? Видите, во всей этой истории бедные слепцы проиграли, а я выиграл.

— Что вы выиграли? — спросил Ave, отыскивая свою шапку.

— Да как же? Одним моим критиком меньше. Прощайте, милый. Если еще вздумаете провести какую-нибудь реформу — заходите.

— Дожидайся! — подумал Ave и, перепрыгивая через десять ступенек роскошной королевской лестницы, убежал.

ГОЛОД — СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ, СОПУТСТВУЮЩЕЕ АНТАГОНИСТИЧЕСКИМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ФОРМАЦИЯМ... НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОКАЗЫВАЮТ, ЧТО ГОЛОД МОЖНО ПОЛНОСТЬЮ ПРЕОДОЛЕТЬ ТОЛЬКО В РЕЗУЛЬТАТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА.

БСЭ, 3-е ИЗД., 1972.

Сергей ДЯЧЕНКО

РАШНЫЙ МЕСЯЦ

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

ПУХ-КУТЕНЬ

Если с первым объяснением этого понятия в уважаемом справочнике можно согласиться, то со вторым сложнее...

Недавно известный кинорежиссер Ю. Ильенко, возглавив объединение на студии Довженко, решил создать художественное полотно о событиях 1933 года на Украине, безмерно пострадавшей от невиданного голодомора. Сценарий написал я. Позади большая работа в государственных и партийных архивах, анализ статей старых газет и журналов, просмотр кадров кинохроники... Поразительно, о чем только я не нашел там упоминаний, и только о голоде, унесшем миллионы жизней, нет ни единого слова. Печальная память об этом страшном времени — лишь в воспоминаниях тех, кто чудом его пережил. В поездках по Украине, в беседах с очевидцами я по крупицам собирал бесценные свидетельства. Ничего более горестного мне не приходилось слышать...

ГОЛОДОМОР

В октябре 1984 года конгресс США провозгласил 4 ноября Днем памяти о великом голоде на Украине в 1933 году. В прокламации к Дню памяти говорилось: «Украинский голод 1932—1933 годов был трагической главой в истории Украины особенно потому, что он имел место не из-за стихийного бедствия, а был искусственно вызван заранее обдуманной политикой».

День памяти был проведен и вызвал резонанс во всем мире. В нашей стране об этом не было известно, что не делает чести нашим идеологам. Но был ли действительно голод 1933 года вызван «заранее обдуманной политикой»?

Новая экономическая политика оказала благотворное влияние на положение в областях Украины. К 1929 году республика пришла окрепшей: возросло благосостояние крестьянства, бурно развивалась промышленность, начался настоящий ренессанс в литературе, живописи, искусстве, науке. Но наступила коллективизация. Как и повсюду, на Украине она проводилась варварски: к 1931 году уже было конфисковано 200 тысяч «кулацких» хозяйств. «Наиболее злостная и активная часть кулачества была переселена в другие районы»,— сообщают «Очерки Коммунистической партии Украины». Более миллиона крестьян выслали в Сибирь и Казахстан. Как мы теперь знаем, это были люди, любившие землю и умевшие на ней работать. Основная часть насильственно высланных семей погибла, в первую очередь старики и дети.

К октябрю 1930 года единоличников осталось крайне мало, их обложили неимоверными налогами. 70 процентов всех пахотных земель было обобществлено. Экономически не обоснованная, принудительная коллективизация привела к резкому упадку сельскохозяйственного производства, в том числе и хлеба.

Несмотря на это, план хлебозаготовок был увеличен. В 1930 году с Украины вывезли 7,7 миллиона тонн зерна, которое главным образом ушло на покрытие экспортных обязательств страны. Украинские крестьяне лишились необходимого количества зерна для посева на следующий год. В 1931 году республика снова должна была сдать плановые 7,7 миллиона тонн, и никого не интересовало, что урожай зерна снизился до 5 миллионов тонн. В 1932 году все повторилось: Украина, корчившаяся в голодных судорогах, сдавала почти весь выращенный хлеб государству.

А ведь хлеб был единственной едой в те годы в украинских селах, потому что коллективизация привела к массовому падежу скота. Так, например, лишь в одном районе Полтавской обла-

сти погибло 8 тысяч голов свиней. Сказалось неумение малограмотных, лишенных подлинно хозяйского отношения к земле руководителей-выдвиженцев правильно организовать работу. В итоге план по мясу был выполнен лишь на 10—12 процентов. Да и вывозилось это мясо в крупные индустриальные центры, в города, а селяне его не видели. Овощей тоже не было.

К концу 1931 года стало ясно, что Украине угрожает голод. И все-таки еще можно было избежать эпидемии голодной смерти. Необходимо было лишь снизить планы хлебозаготовок, выделить зерно для сева из общесоюзного фонда. Наконец, следовало сократить строительство объектов тяжелой промышленности, которое велось на средства, полученные от продажи хлеба. Все эти меры приостановили бы процесс уничтожения людей. Многое можно было сделать — ведь не было ни засух, ни землетрясений...

Руководители Компартии Украины неоднократно обращались к Сталину с просьбой сократить спущенный план по хлебу. Но «отец народов» безжалостно, любыми целями шел к индустриализации страны. В июле 1932 года он послал в республику своих эмиссаров Молотова и Кагановича для наведения порядка в изъятии хлеба. В ответ на жалобы, что у крестьян уже больше нечего забирать, так как все вычищено под метлу, сталинские янычары заявили: «Никаких уступок или сомнений в отношении выполнения задания, поставленного партией и Советским правительством перед Советской Украиной, не будет».

Выкачивание зерна из голодной республики требовало железной дисциплины, полного повиновения. В августе 1932 года была введена смертная казнь за хищение колхозной собственности (Закон о «пяти колосках»). По стране «к началу 1933 года, за неполные пять месяцев, по этому закону было осуждено 54 645 человек, из них 2110 — к высшей мере наказания — эти цифры даны в статье о коллективизации в газете «Правда» от 16.09.88 года. Судьи заявляли, что у них «руки не поднимаются». Амнистия по делам закона, собственноручно написанного Сталиным, была запрещена. По нему в первую очередь расстреливали детей, собиравших колоски на полях, и голодных селян, которые стригли хлебные колосья, чтобы сварить из них кашу. Террор насаждался повсюду...

Наиболее честные и дальновидные руководители районных и областных партийных организаций пытались приостановить тяжелое течение событий. И тогда была принята резолюция ЦК КП(б)У, в которой говорилось, что в партийных организациях выявлены «непосредственные связи целых групп коммунистов и отдельных руководителей партийных ячеек с кулаками и петлюровцами, в результате чего некоторые партийные организации становятся на сторону классового врага». Резолюция означала репрессии, расстрелы...

Для выбивания остатков хлеба из городов в деревни направили 112 тысяч членов партии, людей, не знавших и не желавших знать проблемы села. Они заводили «черные списки» районов, не справлявшихся со сдачей зерна. Преступным постановлением Совнаркома УССР и ЦК КП(б)У предписывалось забрать все товары из опальных районов и новых не завозить. В «черном списке» оказалось 86 районов республики...

А введенная в декабре 1932 года по всей территории Союза паспортная система закрепляла крестьян, как крепостных, за местами их проживания: колхозники вообще не имели паспортов, что лишало их свободного передвижения. Вскоре им запретили работать на заводах, фабриках, в шахтах. Границу с Россией перекрыли войска и части ОГПУ, стрелявшие в толпы украинских крестьян...

Наступал 1933 год. Людям оставалось одно — умирать.

ВИНОВАТ ЛИ САТУРН?

В средние века наступление голода народ объяснял кознями ведьм и колдунов; церковь — наказаниями за грехи: «бич божий»; астрологи — влиянием неблагоприятного положения планет, под особым подозрением был Сатурн...

В наше цивилизованное время историки, философы и обществоведы объясняют причину катастрофы 1933 года «перегибами» коллективизации, непомерными планами хлебозаготовок во имя индустриализации, сталинской политикой, а также особенностями психологии крестьян. Мне кажется, что причины всех наших «перегибов» кроются не только в этих объяснениях.

В программном документе — «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс говорят о пролетаризации крестьянства, уничтожении его традиционного уклада, о том, что «буржуазия... вырвала... значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни». Они считали крестьянство того времени мелкобуржуазным классом частных собственников, «консервативным» и «реакционным», «стремящимся повернуть назад колесо истории». Теоретики марксизма в то время видели первейшую задачу в уничтожении частной собственности, провозглашали «соединение земледелия с промышленностью».

В 1905 году Ленин писал: «Мы поддерживаем крестьянское движение, поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит как реакционное, противопролетарское». Позже в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин пишет: «Уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов — это мы сравнительно легко сделали — это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой». Ленин не мыслил политической власти пролетариата без союза с крестьянами.

Придя к власти, Сталин взял на вооружение только первую часть ленинской цитаты, извратив ее смысл. Главную угрозу социализму Сталин видел в крестьянстве. «Классовая борьба» с ним стала главным направлением в строительстве нового общества.

И эта борьба началась: последовали раскулачивание, ликвидация мелких хозяйств, сопровождавшиеся жесточайшим террором меньшинства против большинства. Был уничтожен веками складывавшийся уклад крестьянства.

Не случайно мы теперь возвращаемся к аренде, подряду, к приусадебному хозяйству, обсуждаем даже наследственное право на землю. Не бороться нужно с людьми, способными трудиться на своей земле не жалея сил, а всячески их поддерживать.

Не задумывались в то время оболваненные пропагандой и лишенные информации о событиях на селе горожане над происходившим в стране. Лишенные совести и сострадания, они не обращали внимания на распухших от голода крестьян, которым удавалось прорваться сквозь кордоны войск. Да и как горожане могли относиться к несчастным селянам, если в газетах того времени печатались заметки о крестьянах-куркулях, нарочно погибающих от голода, только чтоб не работать, досадить Советской власти.

То, что происходило в нашей стране в 1932—1933 годах, по-моему, можно было бы назвать словом ХОЛОКОСТ. Этим термином в античные времена именовали акт ритуального жертвоприношения богам с сожжением значительного количества жертв. Позднее слово Holocaust стало обозначать акт массового убийства людей. Холокост — это и уничтожение фашистами евреев во второй мировой войне, конечная форма геноцида. Тогда под сапогом третьего рейха за несколько лет погибло 6 миллионов евреев. Топор Сталина за один год уничтожил 7 миллионов украинцев. Разве не Холокост?

Но «отцу народов» недостаточно было уничтожить только селян. В 30-е годы интеллигенция Украины — хранитель культуры народа — понесла не меньшие потери: погибло 80 процентов творческой интеллигенции. На XII съезде КП(б)У Постышев гордо заявил, что «1933 год был годом разгрома украинской националистической контрреволюции».

Таковы факты. Голод прошел и по другим регионам страны, причем самым еще хлебородным центрам с наиболее обширными зерновыми угодьями и развитым сельским хозяйством — по Дону, Кубани, Поволжью — от Горького до Астрахани, Южному Уралу, Северному Казахстану, по Курской и Тамбовской областям. Пострадало Нечерноземье, вологодские и архангельские края. Исследователи называют цифры погибших крестьян от одного до 3—4 миллионов человек. Правда, эти цифры неточны, ведь все данные до сих пор за семью замками...

Именно борьба с общесоюзным крестьянством подтверждает тезис о войне Сталина против людей села независимо от их национальности. Ведь какие кровавые раны нанес «великий вождь» прежде всего России! Всюду число жертв огромно. И в родной для «кремлевского горца» Грузии...

Нет, события 30-х годов вряд ли можно объяснить параноидальной ненавистью Сталина именно к Украине. Пострадали все. От этого боль еще сильнее, ведь все мы — братья.

МУКА ТЯЖКАЯ

Зима на Украине 1933 года выдалась студеной, и мороз доканывал пухнущих от голода людей.

В январе для выколачивания хлебопоставок прибыл посланец Сталина — Постышев. Руководители республики просили его спасти людей — выдать колхозам хлеб, который еще оставался в элеваторах или каморах, где гнил в ожидании вывоза. Но в ответ было сказано: «Не может быть и речи о помощи государства доставить зерно для сева. Зерно должны найти и засеять сами колхозы, колхозники и единоличники».

И снова в который уже раз начались проверки, обыски с целью изъятия последних крох.

Предоставим слово очевидцам, чудом сохранившимся в живых. Рассказывает В. Пахаренко (Черкасская обл.):

— Тогда во все органы власти, от сельсоветов, правлений колхозов и выше, проникали самые хитрые, самые скользкие люди, часто бездельники и пьяницы, а порой и бандиты разных мастей, которые вовремя додумались повернуть нос по ветру. Они стали верными псами Сталина за то, что тот дал им неограниченную власть. Одна за одной шли бесконечные ревизии «излишков продовольствия» из сельских дворов. Люди пытались спрятать хотя бы горсть зерна в ямах, колодцах, на чердаках, замазывали в печи или зашивали в тряпичные куклы. Но находили везде — слишком уж старательно исполняли свои обязанности важные, в галифе и с наганами, уполномоченные из районов и местные активисты. У нас в Красной Слободе и близлежащих селах, например, были конфискованы и отогнаны в Черкассы все чудом уцелевшие коровы. Там их загрузили в товарные вагоны и держали под охраной до тех пор, пока весь скот не околел. А потом вагоны вывезли за город и содержимое выбросили на свалку...

Представляете — реквизированный скот словно нарочно умертвили!.. О подобных случаях мне говорили люди из разных районов и областей. А вот что пишет И. Коваль из Канады, который в те годы жил на Украине: **«Были на территории СССР огромные зернохранилища, заполненные так называемым стратегическим запасом хлеба на случай войны. В Броварах, в 20 километрах от Киева, находилось одно из таких подземных хранилищ колоссальных размеров. На 1933 год в нем сберегалось до одного миллиона центнеров зерна. И то, что для устранения голода на Украине из этих запасов ничего не было взято, свидетельствует еще раз об умышленной организации голода. Мне известно, что та часть урожая 1932 года (между прочим, он был выше среднего), которая была вывезена за рубежи Украины, лежала под открытым небом на станциях Курской и Орловской областей, потому что не хватало тары. Зерно, которое не было прикрыто, начало прорастать и погибло. Разве что часть его использовали для изготовления водки... В первые дни войны 1941—1945 годов гигантское зернохранилище в Броварах было подожжено энкаведистами, так что зерно не съела и Красная Армия...»**

Вернемся от слов заокеанского соотечественника, на которого не след сейчас навешивать всяческие ярлыки, к рассказу В. Пахаренко.

— Хочу подчеркнуть, у людей забирали не только зерно или мясо, но все, что могло служить едой, забирали и часто уничтожали прямо на глазах умирающих с голода. Не оставляли даже огородных семян, чтобы не смогли высадить на следующий год. Бабушка рассказывала, как нагрянули к нам неожиданно уполномоченные и сразу же стали протыкать землю во дворе и на огороде железными прутьями — искали закопанные ямы с зерном. Но — какие там ямы — зернышка в хозяйстве не осталось. В хату ввалились двое — председатель сельсовета и приезжий уполномоченный. Семья как раз села за обед — из еды еще осталось немного картошки. Матюкаясь, непрошеные гости забрали даже со стола сваренную в мундире картошку. А потом старательный председатель залез под печь и там обнаружил горшочек с семенами свеклы, которые бабушка, спасая для весеннего сева, спрятала и замуровала глиной в подпечек.

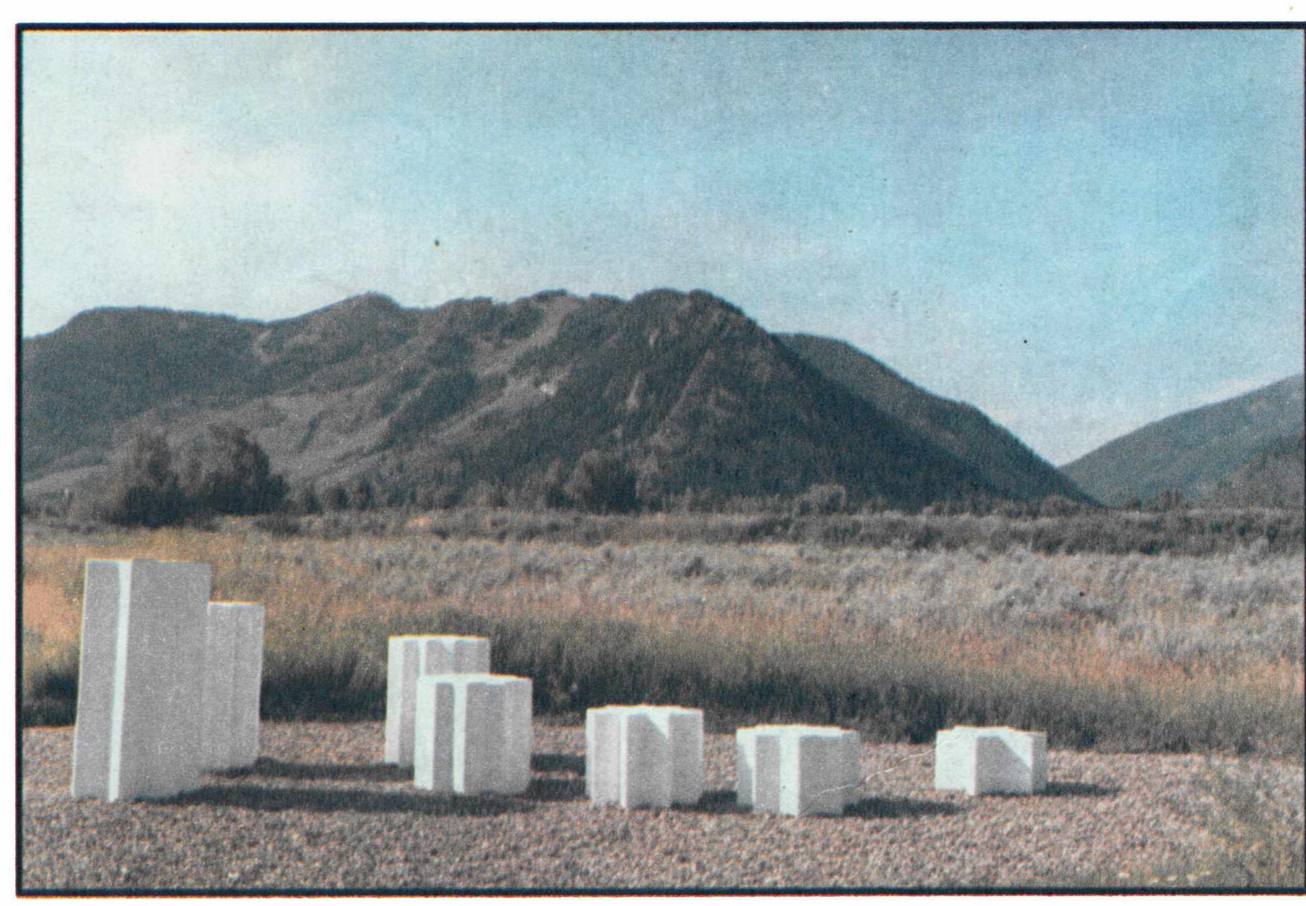
Выходя, уполномоченный, забрав горшок с семенами, еще раз окинул разгромленную хату — не забыли ли чего. Его свинцовый взгляд остановился на трехлетней девочке, которая испуганно пряталась за бабушкину спину, сжимая в ручонке картофелину, взятую еще за обедом. Уполномоченный подошел, вырвал последнюю еду и раздавил сапогом на полу. Так и уехали, по дороге высыпав из горшочка семена свеклы...

Не счесть таких свидетельств: **«Активисты лучше нас жили. Потому что люди работали руками в колхозе, а они — языками. Они не голодали: все себе домой тащили. И никто из них с голоду не помер...»** (Я. Тютюнник, Черкасская обл.).

«Ходили по дворам холопы-служки, которые, чтобы выслужиться пе-

Продолжение на стр. 25.

ЧЕРНО-БЕЛОЕ В ЦВЕТЕ

В 1977 году супруга американского дипломата Ребекка Мэтлок решила, что для нее настало время научиться снимать. В ее распоряжении был фотоаппарат мужа, но она не умела пользоваться им.

В том же году муж подарил Ребекке на день рождения автоматический фотоаппарат. Тем самым он решил одну из проблем: этот подарок освободил его от обязанности семейного фотографа. Но появилась новая проблема: проблема приобретения фотопленки и оплата изготовления фотографий.

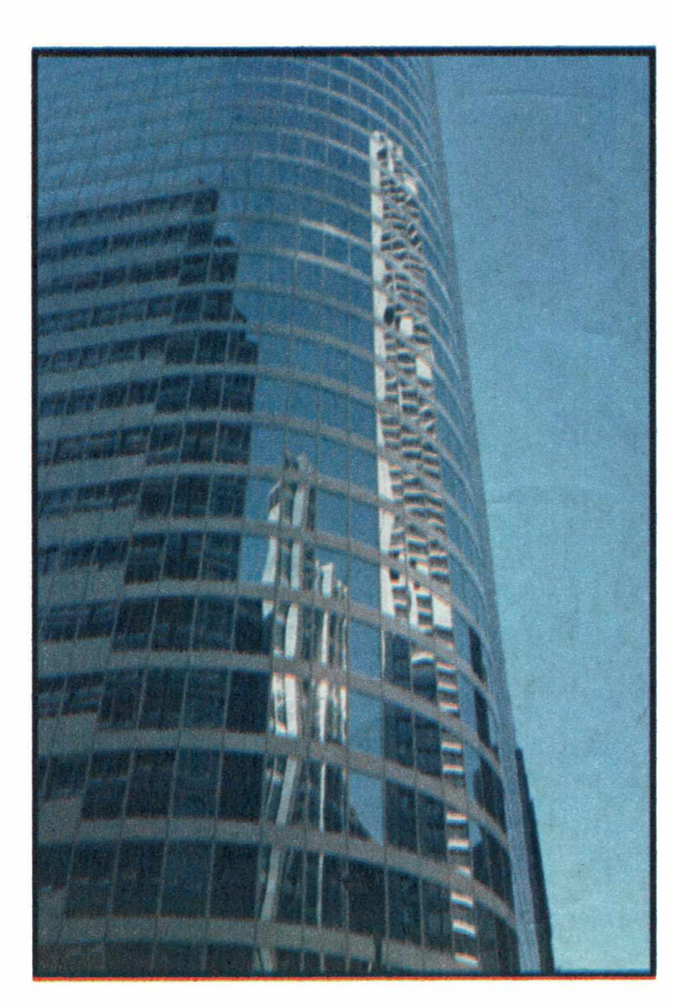
Серьезно заниматься фотографией Ребекка начала в Чехословакии в то время, когда ее муж был там послом.

Одна из ее фотографий «Рыбная ловля» завоевала первый приз на конкурсе в госдепартаменте в Вашингтоне. Затем ее пригласили открыть фотовыставку в клубе международной службы тоже в Вашингтоне. Эта экспозиция, которая называлась «Черно-белое в цвете», состояла из фотографий, для которых она, пользуясь цветной фотопленкой, производила эффект черно-белого восприятия.

Выставка оказалась настолько удачной, что продлилась целый год, вызывая неизменный интерес у публики.

После приезда в Москву в 1987 году Ребекку пригласили принять участие в фотомарафоне для создания фотоальбома «Один день из жизни СССР».

После того как Ребекка сделала недавно несколько фотографий сенатора Билла Бредли в резиденции посла США в Москве, последний сказал: «Ребекка, вам надо выбирать: либо вы жена посла, либо фотограф». «Лучше не надо,— вмешался посол Мэтлок,— потому что я знаю, что она выберет».

Начало на стр. 24.

ред начальством, могли с родного отца снять рубашку и отнять последнее зернышко» (И. Савчук, Житомирская обл.).

«Для тех, кто остался в селе и выжил, организовывали «штабы». По 5—6 раз в году селян вызывали лодыри-активисты и брали «податок» — деньги, золото. Кто отдавал его, сразу же накидывали новый. Кто не мог платить, били, защемляли руки в дверях, заставляли лезть под стол, гавкать или мяукать...» (М. Конюк, Черкасская обл.).

Я слушал горестные рассказы людей и знал — те бывшие «активисты» еще есть, живут среди нас. С некоторыми из них я тоже разговаривал. Некая Сидрань А. И. неохотно вспоминала прежнюю свою «деятельность», отрицала участие в обысках, хотя соседи ее все хорошо помнили. Вдруг, когда я уже уходил, она вспыхнула и прокричала почти молитву о Сталине — отце родном, память которого мы оскверняем... И большинство тех «активистов» 1933 года до сих пор убеждены, что хлеб гноили в земле вражьи недобитки... «В 30-е годы не знаю ни одного кулака, который был бы репрессирован понапрасну. Все это они заслужили, они мешали нашей коллективизации... Не старайтесь подтверждать свои мысли авторитетами. И не внушайте другим то, чего не понимаете»,— утверждает О. Стахова из Винницкой области.

Совесть, как говорится, у них чиста, и, наверное, теперь лозунги о перестройке они тоже усердно декларируют... Хотя есть и нечто мистическое. К примеру, из разговора с мудрой, живущей в крайней бедности Яриной Тютюнник я узнал о том, что почти «всех активистов бог наказал»... Может быть, и впрямь проклятье людей укоротило их век?..

...Пик голода пришелся на весну и лето 1933 года. Сельская Украина умирала. Ежедневно погибали от голода тысячи людей (называют цифру в 25 тысяч!).

Когда-то А. С. Пушкин, характеризуя смутное время, писал в «Борисе Годунове»: «Народ завыл, в мученьях погибая...» А Украина молчала — сил не было оплакивать умерших. Лишь скрип телег с покойниками нарушал безмолвие...

— Когда начали умирать с голоду, то за село отвозили умерших и там закапывали,— рассказывает мне М. Пономаренко из Черкасской области.— **За такую работу давали паек. Однажды я там пас скот. Два дядьки привезли на возу мертвецов, стали их сбрасывать в яму. Некоторые словно просыпались, приходили в себя, просили: «Не закапывай, мы еще живы». А дядьки отвечали: «Мы сами пухнем, сами доходим, мы не можем еще раз за вами приезжать...» И закапывали...**

От того же Пономаренко я узнал об истории, происшедшей с его знакомым шофером. Повел этот человек на реку Крапивну семерых своих детей, посадил в лодку. Ребятишки спрашивают: «Куда ты нас везешь, тату?» «А мы за шпичаками (ракушками.— **С. Д.**) едем»,— отвечает. Вывез на середину Крапивны, перевернул лодку, и все дети пошли ко дну, утонули... До сих пор этот шофер не в себе, ни с кем не разговаривает...

Глубоко убежден, что тот, кто не пережил всего ужаса от надвигающейся голодной смерти, не сможет понять до конца переживаний этого несчастного человека. Ибо как может отец или мать изо дня в день смотреть на мýку своих детей, слышать их плач, мольбу о кусочке хлеба и не сойти с ума?

Авторы гибельной коллективизации прекрасно знали, что первыми жертвами голода станут дети. Он их убивал быстро, жертв не счесть. Вслед за ребятишками в мир иной дружно отправлялись старики. Что их было жалеть? Если малышу, который гулит, все же трудновато, согласитесь, навесить ярлык «классового врага», то пожилым куда проще: можно записать их в кулаки или подкулачники — и никаких проблем.

«ТОЛЬКО СТАЛИН НА СТИНИ»

В 1932—1933 годах никто не изучал психопатологию голода — его ведь, как нас официально заверяли, вообще не существовало.

Психику голодающего прежде всего характеризует потеря чувств: исчезает брезгливость, без отвращения в пищу употребляется несъедобное. Безразличное отношение к собственному положению притупляет сочувствие к другим: «Я должна была сделать над собой большое усилие, чтобы разделить с детьми кусок хлеба, который досталась»,— слышал я и такое признание. Люди убирают в своих домах, трудятся, но все это делается автоматически. Сфера их воли сужается. Голодающие избегают лишних движений, даже на поиски еды поднимаются с трудом. Они становятся сонливыми, сон их глубок, длителен. Преобладают физиологические ощущения, то есть страдает не интеллект, а область чувств, внимания и воли.

Голод особенно страшен для ребенка. Непривычное ощущение, вызывающее спазмы желудка, отрицательно влияет на детскую неустойчивую психику. Их мир еще в большей степени наполнен грезами, и это не только светлые мечты о еде, но и жестокие кошмары страха. В ребячьем сознании оживают страшные сказки о людоедах, бабеяге, ирреальность сплетается в один клубок с реальностью.

Некоторые сведения о том, как проходила агония сельской Украины, мне удалось почерпнуть из недавно виденного фильма. Это канадская лента «Урожай отчаяния» (режиссер С. Новицкий, 1984 год), в ней использованы кадры кинохроники, неизвестные нам документы, свидетельства очевидцев. Показ этого фильма в нашей стране (с комментариями специалистов по поводу спорных интерпретаций) вызвал бы большой интерес.

В «Урожае отчаяния» приведен следующий документ: «Совершенно секретно. Серия К. Всем начальникам облотделов ОГПУ УССР и облпрокуратуры. Все случаи каннибализма должны быть изъяты из судов и немедленно переданы ОГПУ». Власти пытались скрыть ужасающие факты... Подлинный ли это документ или фальшивка? Хорошо бы проверить, но, несмотря на гласность, соответствующие архивы пока еще закрыты для нас.

В то страшное время даже месяцам люди дали свои названия. Вот что рассказал мне историк, профессор И. Г. Шульга из Винницы, который мальчиком жил в зоне голода. Месяц март — березень — народ стал называть ПУХКУТЕНЬ, что означало «пухнуть от голода». А месяц апрель с поэтичным названием «квитень» стал КАПУТЕНЬ (от немецкого «капут», знакомого украинцам с оккупационных 20-х годов).

Удивительно, но агонизирующий народ создавал свой фольклор, отстаивая этим право на жизнь. Вот образцы творчества голодающих людей:

В тридцать третьем году
Люди падали на ходу.

Ни коровы, ни свиньи —
Только Сталин на стини.

Это был протест, но пассивный. Психологической загадкой остается для меня отсутствие активного протеста. Как можно было не кинуться на своего мучителя, забирающего зерно, не убить его? Таких случаев почти не было. Все вели себя безропотно, смирились с неизбежностью.

Я понимаю, что те, кто мог оказать сопротивление, были истреблены еще в начале 20-х, позже — сосланы во время коллективизации. У тех же, кто остался, голод, террор и ощущение неминуемой смерти парализовали волю. Есть что-то общее в этой обреченности с поведением евреев в гетто перед расстрелом — сами становились в очередь, соблюдая порядок. Видимо, здесь наличествуют общие для людей психические механизмы поведения.

И все же об одном случае противоборства со смертью я хочу рассказать. Память об этом противостоянии жива в селе Великий Хутор на Черкасщине. В колхозе, где председательствовал Яков Александрович Дробот, голода практически не было! Как исхитрялись они, где прятали зерно, в каких лесах скрывали скот, неизвестно. Колхоз выделял каждому ребенку хлеб, молоко. Подкармливали даже тех, кто приходил из других сел. В том же Великом Хуторе жил бригадир Й. Козариз. Он ходил по селам и чем мог делился с детьми. Кроме того, взял к себе 11 ребятишек, выходил их, хотя своих в хате было шестеро...

Можно только догадываться, какого мужества стоило этим людям утаить зерно. Они рисковали жизнью, но делали свое доброе дело. Об их подвижничестве знали многие, но молчали. Каким-то чудом пережил Дробот 37-й год. Сталину не удалось убить его, но в 1941 году фашисты овчарками затравили Якова Александровича. До сих пор народ свято хранит память о Дроботе.

Голод 30-х годов произвел свой несправедливый отбор: выживали те, кто был злее, эгоистичнее. Уцелели и лишенные человеческих качеств «активисты», и представители пиршествующей элиты. Гибель достойных, лучших привела к потере традиций, к деградации нравственности и изменениям в генотипе народа. Главное же, жизнь человека обесценилась, обесценилась роль труженика на земле, кормящего нас всех. Эти утраты ощущаются и сегодня.

Пора осознать нам свою вину перед людьми села. Ведь и сейчас крестьяне не свободны в своих действиях, получают меньшие зарплаты, пенсии, пользуются неравноценным с городскими жителями медицинским обслуживанием, в сельских школах не хватает педагогов по физике, математике, литературе, иностранному языку. Труд рабочих ценится неизмеримо выше труда крестьян. Разве сельские люди мало пота на своей земле пролили?

В каждом селе, в каждой деревне есть заросшие, иногда превращенные в свалки могилы, а мы не ведаем, кто там захоронен и сколько их... И нет ни креста, ни таблички с именами тех, кому мы могли бы поклониться, тем отцам, матерям, братьям и сестрам, кто погиб голодной смертью.

Нужна «черная книга», куда поименно следует вписать виновников этих смертей, главных людоедов — Сталина, Кагановича, Молотова, Постышева, их пособников — людоедов рангом пониже, всех этих уполномоченных ОГПУ и других организаций, ретивых «активистов». Это сделать не так уж трудно — народ хорошо запомнил их имена.

Нужна и «белая книга» с именами безвинно погибших в годы коллективизации. Мемориал жертвам сталинщины — это и память о жертвах коллективизации и голода 1933 года.

Сейчас, когда мы строим новый дом, нам нужна правда о нашей истории. Для искупления, для очищения.

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

ПЛАТА ЗА БЕСПЛАТНОСТЬ?

По данным Госкомстата (за 1988 год), у нас общая численность рабочих и служащих — 117,5 млн. человек, колхозников — 12,2 млн. человек. Средняя зарплата рабочих и служащих — 217 рублей, колхозников — 178 рублей. Таким образом, на заработную плату у государства уходит около 27,7 млрд. рублей при произведенном национальном доходе 625 млрд. рублей, то есть на зарплату у нас уходит около 5 процентов национального дохода. Этого мало, так как у развитых капстран эта величина в десять раз больше.*

Но здесь имеется оговорка. Нам всю жизнь втолковывали, что на величину зарплаты внимания обращать не надо, так как есть еще понятие «реальная зарплата» (которая у нас самая, самая... в мире), то есть у нас почти все бесплатно: жилище, образование, медобслуживание.

Если я не ошибаюсь, из общественных фондов потребления население получило 175 млрд. рублей.

Но вся трагедия нашего общества в том и заключается, что эту «бесплатность» на все 100 процентов использует наша элита, а трудящейся массе остаются крохи:

— Медобслуживание. Для простых смертных оно уже давно стало платным. Я сам перенес в последние 5 лет 3 операции — и пришлось платить, и не по своей доброте, а при наличии какой-то странной атмосферы в больнице, видя каждый день вопрошающие взгляды и чуть ли не протянутые руки за подаянием. Какая же здесь бесплатность?

— Питание. Нам часто колют глаза госдотацией на продукты. А много ли она нам дает? При пустых магазинах люди все чаще вынуждены идти в коопмагазины, на рынок.

— Отдых. Простой смертный в кои-то веки съездит в дом отдыха областного значения по путевке за полцены, которую оплатит профсоюз за счет тех же рублей, в виде взносов, взимаемых с трудящихся.

— Жилье. Существует мнение, что квартирная плата у нас чисто символическая, но простые смертные слишком уж часто влезают в пожизненную кабалу за кооперативную квартиру либо горбатятся в МЖК.

Этот перечень можно было бы продолжить, но и так понятно, во что обернулась наша «бесплатность». Разве, поразмыслив, нельзя прийти к выводу, что эта мнимая «бесплатность» нашему народу, наверное, не нужна.

Пусть будет всеобщая платность. Но эти 175 млрд. рублей можно вернуть народу в виде действительной зарплаты. И если она составит при этом 800—1000 рублей, то люди смогут платить за все. Это будет справедливо, и не будет этих уродливых явлений при распределении социальных благ.

Платить можно будет и за школу. Школа получит хоть какие-то финансы. За обучение в вузах, безусловно, надо тоже платить. Не обязательно всем членам нашего общества получать дипломы, кому-то и работать надо. Кто действительно хочет окончить вуз, тот найдет средства, как оплатить учебу.

И, разумеется, для людей, находящихся за чертой бедности, государство оставит ряд государственных медицинских бесплатных учреждений, будет разрешать бесплатное обучение в вузах.

Г. ПЕТРАШЕВСКИЙ, инженер
Львов

* Данные Госкомстата на I квартал 1989 года: общая численность рабочих и служащих — 116 млн. человек, колхозников — 10,5 млн. человек. Средняя зарплата рабочих и служащих — 234 рубля, колхозников — 158 рублей (151 — за этот же период прошлого года). Фонд заработной платы по народному хозяйству — 9 процентов.

Начало на стр. 6.

10 тыс. танков, 8,5 тыс. артиллерийских систем, 800 боевых самолетов. Несколько тысяч ракет ликвидирует советская сторона в соответствии с договором по РСМД. Если, хочется верить, дело дойдет до 50-процентного сокращения стратегических наступательных вооружений, то счет пойдет уже на десятки тысяч единиц сложнейшей боевой техники, в разработку и производство которой вложены миллиардные суммы, интеллектуальный потенциал и труд тысяч людей.

Реально разоружение еще только началось, а мы, как принято сейчас говорить, «уже допустили в этой области немало серьезных ошибок». В случае ликвидации РСМД, например, фантазия не пошла дальше переоборудования тягачей от СС-20 в самоходные платформы под автокраны и использования садодческим товариществом из-под Харькова двух ракет в качестве водонапорных башен. По официальным заявлениям, стоимость неуничтожаемых компонентов РСМД составляет всего 150 миллионов рублей, в том числе большегрузных тягачей — 50 миллионов рублей.

Остальное подрывается на полигонах, режется автогенами, сплющивается прессами. Разве это по-хозяйски? Неужели вместо того, чтобы публично взрывать дорогостоящие ракеты на полигоне и раздавать осколки миролюбивой общественности в качестве сувениров, нельзя снова пригласить американцев за стол переговоров и хорошенько обмозговать, как использовать еще оставшиеся ракеты в мирных целях. Можно было бы разработать и соответствующие процедуры контроля, гарантирующие от обратного превращения ракет в военные.

Ученые — конструкторы военной техники уже подсчитали, что при использовании ракет для геофизических исследований экономия для государства составила бы 100—150 миллионов рублей на крупную исследовательскую программу. Ликвидируемая в соответствии с договором советская ракета РМД-22 могла бы при определенной доработке поднять на высоту более 500 км полезный груз весом около 100 кг, а РМД-23 — тот же груз на высоту порядка 300 км. А ведь именно эти высоты гражданские геофизические ракеты оставляют без регулярных научных наблюдений.

Если перед уничтожением ракет снимать рулевые приводы их ступеней, которые могли бы использоваться «на гражданке» в качестве быстродействующих силовых устройств, то можно спасти еще 15 миллионов рублей. Если отказаться от взрывов ракет и перейти в целях их уничтожения на прожиг двигательных установок, как это, кстати, делают американцы, в народное хозяйство вернутся высокопрочная сталь и ценные цветные металлы стоимостью более 3 миллионов рублей. А если переоборудовать тягачи пусковых установок и транспортные средства для РМД-23 в самоходные складывающиеся площадки высокой проходимости для обслуживания различных высотных сооружений (мачт РЛС, линий электропередач и т. п.), то в государственном кармане останутся еще минимум 40 миллионов рублей. Наконец, можно было бы раздать по одной-две ракеты, приведенные в небоеспособное состояние, во все военно-патриотические музеи страны, выставить на обозрение туристам и брать с них деньги за удовольствие посмотреть на реликт периода военной конфронтации. Знаю, что некоторые иностранцы готовы за это платить валютой.

Таким образом, баланс затрат, понесенных на разработку и производство РСМД, и минимальной экономии, получаемой в результате их ликвидации, наверняка отрицательный. Допущенную ошибку ни в коем случае нельзя повторять, когда речь пойдет о ликвидации уже не 4, а 50 процентов ядерных средств на основе соответствующего советско-американского договора. Уже сейчас высказываются соображения о возможности использования отдельных элементов стратегической триады, например, для контроля за средой обитания человека.

Так, тяжелые ракеты СС-18 можно было бы модифицировать в экологические ракеты-носители, предназначенные для вывода в космос искусственных спутников Земли. Такие спутники могли бы использоваться для космического землеведения — контроля за динамикой облачного и снегового покрова, наблюдения за термическими неоднородностями земной и океанской поверхности, вулканической активностью, лесными пожарами, съемок с целью контроля развития посевов и заболеваний растительности.

Можно было бы также не уничтожать тяжелые бомбардировщики, имеющие радиус действия в несколько тысяч километров и высокую грузоподъемность, а создать на их основе многофункциональные экологические лаборатории. Такие лаборатории могли бы периодически инспектировать деятельность металлургических, химических и других экологически опасных предприятий, находящихся в удаленных районах страны.

Атомные подводные лодки, которые тоже попадут под договор об ограничении СНВ, могут сыграть добрую службу для человека, если переделать их в экспедиционные суда экологического и хозяйственного назначения. Это позволило бы частично компенсировать существующую нехватку научных экспедиционных судов, оснащенных экологическими лабораториями, для исследований Мирового океана.

В мирных целях должны быть максимально использованы все возможные компоненты обычных вооружений, подлежащих одностороннему сокращению. Пока и здесь мы идем на ощупь. Половину сокращаемых танков предполагается уничтожать, а другую использовать в качестве тренажеров. И никто не задумывается об элементарной экономической неэффективности превращать многомиллионную технику в дешевые макеты. Где-то в Перми предлагают делать из артиллерийских систем устройства для забивания свай, на базе танков монтировать мощные и высокопроходные бульдозеры.

Очевидно, что отсутствие целостной концепции гражданского использования обычных вооружений может привести к еще большим материальным потерям, ведь по иронии судьбы такие вооружения намного дороже ядерных. Поэтому полагаю необходимым, пока сокращения еще только начались, создать квалифицированную группу экспертов, которые экономически просчитали бы основные варианты ликвидации и утилизации военной техники и выбрали бы те из них, которые можно осуществить с наименьшими затратами при максимальном учете интересов народного хозяйства. И если в случае РСМД и СНВ мы связаны международными обязательствами, то как поступить с обычными вооружениями, сокращаемыми в одностороннем порядке,— наше личное дело. В эту группу можно было бы пригласить экспертов из других стран, прежде всего США, Швеции, Англии, Норвегии, где опыт моделирования конверсии намного больше, чем у нас. Не поскупимся на затраты сейчас — получим весомую прибавку в будущем, пожадничаем — понесем убыток.

Конверсия военной техники путем ее переделки в технику гражданскую, видимо, будет планово-убыточной. Трудно себе представить, сколько экологических исследований нужно провести с помощью бывшего атомного ракетоносца, чтобы хотя бы компенсировать затраты на его сооружение, которые, по западным оценкам, могут достигать миллиардов долларов. Но то, что груда металла и сложнейшей техники, которая раньше грузом висела на шее государства, будет давать хоть какую-то народнохозяйственную отдачу, само по себе уже неплохо.

Однако есть еще пути конверсии военной техники, которые позволяют значительно повысить уровень ее экономической рентабельности. Один из них заключается в привлечении части военного потенциала для решения мирных задач. Речь идет прежде всего о военно-транспортной авиации. Оставаясь в распоряжении Министерства обороны, около 60 самолетов АН-124, АН-22, ИЛ-76 и АН-12 перевезут в текущем году ориентировочно 50 тысяч тонн народнохозяйственных грузов стоимостью более 45 миллионов рублей. Расчеты за транспортировку грузов будут производиться по тарифам, применяемым в гражданской авиации. При этом 70 процентов получаемых за перевозку средств подлежат перечислению в государственный бюджет, а оставшаяся часть используется Министерством обороны на возмещение дополнительных расходов, связанных с обеспечением этих перевозок, в том числе эксплуатацией авиационной техники.

Думаю, что такая конверсия вполне рациональна, поскольку военно-транспортная авиация крайне необходима на случай непредвиденных обстоятельств, вроде землетрясения в Армении или катастрофы на газопроводе в Башкирии, когда в течение сжатого периода времени надо перебрасывать большие объемы грузов и сотни людей на длинные расстояния. Поэтому динамичный, хорошо оснащенный транспортный орган должен быть всегда готовым выполнить распоряжения Государственной комиссии Совета Министров по чрезвычайным ситуациям.

Но что касается использования военной авиации для доставки грузов жителям районов Дальнего Востока, Крайнего Севера, островов Заполярья, нефтедобытчикам, строителям газопроводов, всем, кто работает на труднодоступных территориях, то почему это не может делать гражданская авиация? Соответствующую технику можно было бы приобрести у того же Министерства обороны, а затраты на ее эксплуатацию в гражданском ведомстве были бы меньше.

Кстати, реализация материальных средств, получаемых от сокращения вооружений,— еще один далеко не исчерпанный источник самоокупаемости конверсии. Министерство обороны уже подготовило и направило в Госснаб СССР перечень таких средств на сумму более полумиллиарда рублей, которые предлагаются для продажи в 1989 году населению, кооперативам и другим организациям через территориальные органы Госснаба. В числе этих средств — приборы, механизмы и даже вспомогательные суда Военно-Морского Флота, более 20 тысяч единиц средств заправки, транспортировки и перекачки горюче-смазочных материалов, а также армейские прицепные мясопункты, способные в полевых условиях проводить убой скота, его разделку и замораживание, микросхемы, транзисторы, диоды и другие радио- и электроматериалы, в свое время прошедшие военную приемку, и многое другое.

Как видно, на продажу предполагаются только те части военного оборудования, которые без какой бы то ни было переделки можно использовать в гражданских целях. А почему бы не подумать о том, чтобы предложить государственным и кооперативным организациям, скажем, несколько типов танков, подлежащих ликвидации, причем по той цене, по какой они ранее поставлялись Вооруженным Силам с учетом амортизации. Разумеется, условием такой продажи должен быть последующий демонтаж стальных чудовищ на предприятиях покупателей под строгим государственным контролем. Наверняка предприятия машиностроительных, металлургических и других министерств задумались бы о целесообразности приобретения ликвидируемых вооружений либо самостоятельно, либо совместно с предприятиями других отраслей с тем, чтобы части покупаемого танка можно было бы «поделить» на всех. Те части, которые будут никому не нужны, пойдут на лом.

Выручка от продажи вооружений на внутреннем рынке пойдет в государственный бюджет. Часть ее можно будет просто списать, чтобы уменьшить огромную инфляционирующую денежную массу.

В продаже вооружений и их компонентов советским организациям я не вижу ничего предосудительного или подрывающего внутреннюю стабильность. Во-первых, перед продажей их можно привести в небоеспособное состояние, а во-вторых, ведь мы не боимся за свою безопасность, когда продаем новейшие типы вооружений даже за рубеж. В прошлом году на авиасалоне в английском Фарнборо был впервые за всю историю показан советский военный самолет МИГ-29, недавно на другом салоне во французском Бурже мы продемонстрировали советские истребители-перехватчики СУ-27 и штурмовики СУ-25.

Салоны, как известно, устраиваются не только для демонстрации техники из престижных соображений, но и для того, чтобы найти партнеров по взаимовыгодным коммерческим контрактам. Несмотря на аварию, наши самолеты, судя по сообщениям печати, получили высокие оценки специалистов.

Советский Союз по западным источникам является одним из крупнейших поставщиков вооружений на мировой рынок. А в конце 70-х годов мы даже вели переговоры с США о сокращении международных продаж и поставок вооружений, активно боремся за это по сей день. В открытой печати нет сведений о том, какие вооружения, в каком количестве и в какие страны мы поставляем.

Может быть, стоит подумать о поставках за рубеж части сокращаемой советской военной техники, естественно, за исключением той, которая не подлежит распространению в соответствии с принятыми Советским Союзом международно-правовыми обязательствами, попадает под запрет МАГАТЭ или других организаций, с которыми сотрудничает наша страна. Было бы разумно сориентировать такие поставки преимущественно в направлении тех наших партнеров, которые готовы оплачивать военную технику твердой валютой, и заодно проанализировать уровень валютной эффективности военного экспорта, сопоставив объемы зарубежных продаж оружия за валюту с объемами его поставок в счет нами же данных кредитов. Естественно, решающими все же будут соображения политической целесообразности.

А если военные заводы, как и все другие советские предприятия, получат право самостоятельного выхода на внешний рынок, то это внесет свой вклад в развитие конкурентоспособного машинотехнического экспорта страны. Заработанная предприятиями валюта может быть использована ими на финансирование конверсии, техническое переоснащение, в результате чего они довольно быстро смогли бы дать на внешний рынок немалую номенклатуру технологически емкой гражданской продукции мирового уровня качества. Роль государства при этом заключалась бы в регулировании и балансировании экономических и политических интересов в военном экспорте, создании экономических стимулов для переориентации военных предприятий на выпуск конкурентоспособной гражданской продукции.

Наконец, самого пристального внимания требует человеческий аспект конверсии. В ходе сокращения увольнению из Вооруженных Сил подлежат полмиллиона человек. У многих из них есть семьи. Значит, в общей сложности сокращение затронет судьбы примерно 1,5 миллиона человек. А если к этой цифре добавить тех, кто будет вынуж-

ден уйти с военных предприятий в связи с их закрытием или перепрофилированием, общее число людей, на чью судьбу конверсия повлияет самым непосредственным образом, нужно еще увеличить.

Социальная защищенность человека — одно из самых главных завоеваний социализма. Но беда в том, что ее требования государство далеко не всегда может выполнить в силу нерешенности многих социально-экономических проблем в стране в целом. Если даже офицер, уволенный из армии после выслуги определенного срока, не в состоянии получить квартиру не то что в три месяца, как положено по закону, но и в три года, то что же будет, когда наплыв увольняемых военнослужащих увеличится. И те 7,5 тысячи квартир, которые намеревается построить Министерство обороны специально для них в ближайшие два года, проблемы не решат.

По заявлениям военачальников, сокращению подлежат в первую очередь офицеры, прапорщики и мичманы, военнослужащие сверхсрочной службы, достигшие предельных возрастов, имеющие право на пенсионное обеспечение и располагающие жильем. Уволены будут также все офицеры, призванные из запаса на действительную военную службу. Это наиболее социально обеспеченные группы военнослужащих, которые частично вернутся на свои рабочие места, а остальные пополнят многомиллионную армию «молодых» пенсионеров. В результате увеличится нагрузка на пенсионную часть военного, а значит, и государственного бюджета.

Трудно сказать, насколько эффективным окажется решение этой проблемы, предлагаемое Минобороны совместно с Госкомтрудом СССР,— оргнабор увольняемых военнослужащих на предприятия и стройки страны, в том числе в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним, а также в колхозы и совхозы. Военные люди дисциплинированные, но захотят ли они «на гражданке» и дальше топтать вечную мерзлоту или месить сельскую грязь? Кроме того, непонятна и квалификационная структура увольняемых: вполне возможно, что значительная часть просто не владеет специальностями, нужными на Севере или на селе.

Наша армия все еще очень стара. Особенно хорошо это заметно в Москве, в районе Бульварного кольца и Фрунзенской набережной. Нужно принять меры, чтобы не допустить увольнения молодых офицеров, преподавателей военных вузов, военных ученых, медиков, юристов, обеспечить переподготовку по другим специальностям тех военнослужащих, в профессии которых потребность снижается.

Словом, процесс сокращения Вооруженных Сил и вооружений — очень трудоемкий и дорогостоящий процесс. По официальным оценкам, новая военно-техническая политика, направленная на создание дешевых асимметричных вооружений, пересмотр и сокращение закупок наступательных вооружений, общее уменьшение расходов в связи с ликвидацией РСМД, сокращение Вооруженных Сил позволят сэкономить по отношению к утвержденному пятилетнему плану почти 30 миллиардов рублей. Негусто.

К тому же непонятно, входят ли в эту цифру расходы — и немалые — на осуществление конверсии. Если нет, то не исключена возможность того, что, сокращая расходы по оборонному бюджету, придется наращивать их по бюджетам других ведомств, чтобы финансировать перевод на мирные рельсы военных предприятий, утилизацию вооружений, трудоустройство и переквалификацию демобилизованных военнослужащих. Исторический опыт и эконометрическое моделирование конверсии в других странах показывают, что особенно на первых этапах она не только не дает материальной экономии, но и требует дополнительных затрат со стороны государства.

Ситуации, когда конверсия только усугубит существующие социально-экономические диспропорции, можно избежать, если разработать научно обоснованную Целевую комплексную программу конверсии. Она должна строиться вариантно и исходить как из уже принятых политических решений по разоружению, так и намечаемых на будущее шагов в этой области, вплоть до полного разоружения.

Такую программу не грех было бы иметь уже сейчас. В ее основу можно было бы положить идею своего рода самофинансирования и самоокупаемости конверсии. Этот хозрасчет предполагает разработку таких приоритетов каждого этапа конверсии, которые позволяли бы не только компенсировать возникающие затраты за счет высвобождаемых разоружением ресурсов, но и оставлять определенную сумму на решение социально-экономических задач.

С точки зрения обеспечения поддержки разоружения со стороны простых людей, которых значительно больше интересует, что они могут купить в магазине, нежели вопросы международной безопасности, было бы неплохо опубликовать баланс выгод и затрат отдельных шагов в этой области: столько-то истрачено на производство сокращаемого типа вооружений, столько-то придется истратить на конверсию, столько-то останется. С помощью этих средств можно решить такие-то задачи — построить жилой массив, отремонтировать дороги, повысить пенсии и т. д.

Чтобы предотвратить дальнейшее уничтожение дорогостоящей военной техники и нерациональное использование военно-промышленного потенциала в процессе реализации соглашений по разоружению, можно было бы под эгидой общественных организаций, прежде всего ВЦСПС и СКЗМ, провести конкурс идей альтернативного использования вооружений. По такому пути, кстати, пошли профсоюзы некоторых западных стран, которые разработали модели конверсии еще в начале текущего десятилетия, когда о разоружении не было и речи.

В этой связи не могу не заметить, что в США на протяжении последней четверти века обсуждаются законопроекты о конверсии. Они вносятся на рассмотрение конгресса обычно всего через несколько недель после объявления СССР о сокращении Вооруженных Сил. Так было в начале 60-х во время «хрущевских демобилизаций», так было и в начале 1989 года. Хотя сами США вопроса о сокращении своих вооруженных сил не ставят.

Если бы наши законодатели внимательно изучили этот законопроект, они наверняка увидели бы, что многие его аспекты вполне применимы и к советской оборонной экономике. Но самое главное, что следует из него, заключается в том, что в условиях крупной в военном отношении страны конверсия должна обязательно иметь законодательное оформление. Именно в законодательном порядке необходимо закрепить понятие, цели, принципы, механизмы управления, источники финансирования, способы планирования, сроки осуществления и другие параметры конверсии. Она затрагивает слишком большие массивы производительных сил, и ее осуществление без предварительного принятия соответствующего Закона СССР и разработанного на его основе государственного плана может привести к серьезным социально-экономическим срывам.

Последствия конверсии касаются всех. В этой новой для нас области нельзя больше двигаться методом проб и ошибок: слишком много теряется времени на каждую пробу, слишком высока стала цена ошибки. Конверсия должна обеспечить, чтобы каждый шаг практического разоружения не только укреплял абстрактную безопасность человека, но и давал хотя бы небольшое облегчение условий жизни и труда, что для него куда более конкретно.

■

Сегодня в нашем коллективе лектор Челябинского обкома партии заявил следующее: «Компетентная группа историков проверила публикации журнала «Огонек» за 1988 год. Достоверность этих публикаций — 20 процентов».

Ответьте — так ли это? Этот вопрос очень волнует меня! Была ли такая проверка и где были опубликованы выводы этой комиссии?

Н. П. ВОЛОСНИКОВА, 29 лет, инженер
Челябинск

ОТ РЕДАКЦИИ. Этот вопрос мы адресуем лектору Челябинского обкома партии, единственному обладателю столь уникальной информации.

■

Я родилась и всю жизнь прожила в городе Ухте. Известно, что Ухтпечлаг был одним из крупнейших в системе ГУЛАГа. И вот уже в этом году смогла убедиться, что живы еще традиции прошлого. В городской газете «Ухта» напечатана статья «Пример подают депутаты», написанная одним из «отцов» города, зам. председателя горисполкома Ю. Тепловым. Высылаю вам газету. Автор призывает найти управу на тех, кто не вступил в добровольную народную дружину. Он пишет: «Видно, партийные, комсомольские, профсоюзные организации не нашли управы на тех, кто прячется за чужие спины, считает дело охраны общественного порядка делом лишь самых сознательных рядовых рабочих и служащих. Вот и получается, вместо того, чтобы совершенствовать нашу работу, как этого требует общество, искоренять преступность, мы занимаемся разъяснением, что такое народная дружина и для чего она создается. Не парадокс ли?»

Не знаю, следует ли посылать это письмо, что-то я запуталась в наших новых законах и не уверена, не совершаю ли я уголовно наказуемый поступок. Но, с другой стороны, если мы будем молчать, от своих призывов автор может перейти к действиям.

Д. Я. ГАБЕЛЕВА
Ухта

■

На мой взгляд, Министерство путей сообщения ввело абсолютно ненужные талоны на право получения плацкарты к железнодорожным служебным билетам. Посудите сами: за билеты уже министерству заплачено или выданы они бесплатно кому полагается, за счет средств МПС. Так зачем, спрашивается, переводить тонны добротной бумаги на какие-то дополнительные талоны? Я часто езжу по делам службы и убедился: кроме дополнительной работы для кассиров и еще, по-видимому, для других работников МПС, эти нововведения (им уже более двух лет) ничего не дают. Прилагаю к своему письму талон, посмотрите на его номер: 623992. Как видно, их напечатано в типографии великое множество. Сколько на этой напрасно переведенной бумаге можно было бы издать сборников поэзии, книг, которых, как говорится, днем с огнем не сыщешь!

Н. КОНДРАТЕНКО
Стрый Львовской области

■

Просим передать наше письмо товарищам, работающим над Законом о налогообложении. Наши предложения: чем меньше зарплата — тем меньше налог. При этом существенно уменьшить его для всех, чья зарплата ниже средней по стране (217 рублей). Если человек получает меньше 50 процентов средней зарплаты, снять с него подоходный налог вообще.

Чем больше детей — тем меньше должен быть налог, причем начиная со второго ребенка, чтобы рождение детей не так разительно снижало жизненный уровень семьи. Предлагаемый в проекте учет лишь четырех иждивенцев и поднятие не облагаемого налогом минимума зарплаты с 70 до 80 рублей абсолютно недостаточны.

Если доход на каждого члена семьи ниже хотя бы предлагаемого сейчас необлагаемого минимума зарплаты,— налог с работающих членов семьи не брать.

Необходимо также регулярно делать поправку на инфляцию, хотя бы официально признаваемую,— на 2—4 процента. Наша замороженная зарплата оставляет нас в убеждении, что жить мы будем все хуже и хуже, инфляция растет.

Откуда взять деньги на все это? Нам кажется, можно снизить порог увеличения ставки налога с 700 хотя бы до 600 рублей. Это дало бы необходимые средства для смягчения участи низкооплачиваемых слоев населения.

Г. Н. МИЗЯК, младший научный сотрудник,
И. Д. АРТЕМЕНКО, инженер,
всего одиннадцать подписей
Харьков

■

«С верой в добро» — так назван очерк Виктора Кожемяко во втором номере «Журналиста». Это «штрихи к портрету Елены Кононенко», старой правдистки, восемь лет назад ушедшей из жизни. Автор, видимо, руководствуется правилом говорить о мертвых либо хорошо, либо ничего. В том, что «хорошо», он щедр («школа Кононенко — это школа гражданской честности, принципиальности, искренности» и т. д.), а вот в остальном... Тут В. Кожемяко упустил, по-моему, самое главное.

Дело в том, что именно Елена Кононенко была первым советским журналистом, опубликовавшим очерк о небезызвестной Л. Тимашук, разоблачившей «убийц в белых халатах». Произошло это сразу же после того, как был дан сигнал к раскручиванию позорного «дела врачей».

Отрицать этот факт нельзя (достаточно заглянуть в подшивку), но умолчать о нем В. Кожемяко счел для себя возможным. И это при том, что вполне можно было если уж не оправдать, то хотя бы объяснить появление такой статьи в творческой биографии журналистки, разделившей все заблуждения своего времени. В. Кожемяко почему-то предпочел умолчать об этом.

В. ВАСИЛЕНКО, журналист
Красноярск

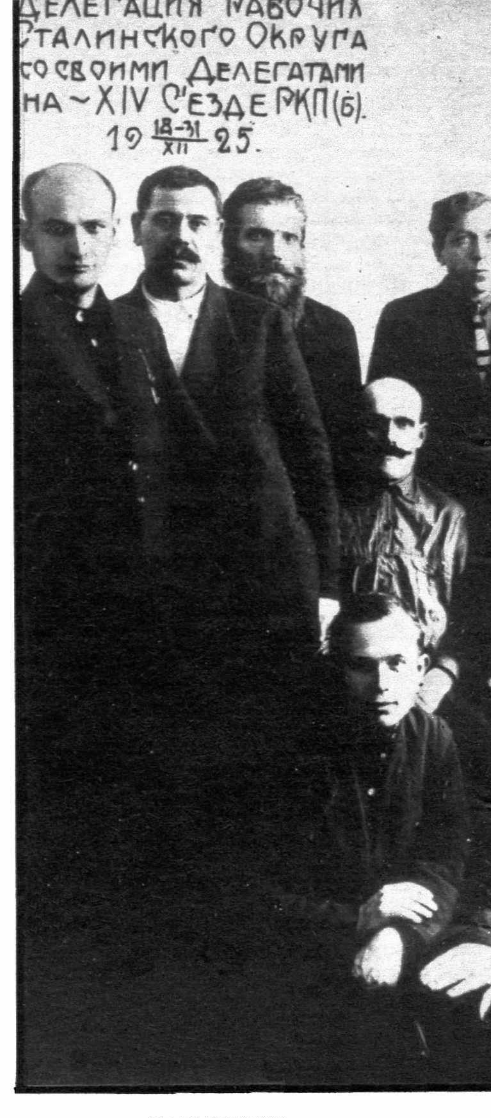
ОТ РЕДАКЦИИ

В двенадцатом номере журнала за 1989 год опубликован материал, касающийся событий в Афганистане.

Высказанные в нем мнения и оценки отражают личные мнения и оценки давшего интервью.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Никита Сергеевич Хрущев вошел в историю нашего Отечества и мира как яркая личность, политический лидер, совершивший крутой поворот, в значительной мере определивший процессы исторического развития второй половины XX века.

Противоречивость его натуры поражала. Глубокий, совершенно незаурядный ум, способность к самообучению сочетались в нем с недостатком общей культуры; умение находить единственно верные, хорошо взвешенные решения — с необузданной увлеченностью, толкавшей его на утопические проекты и грубые ошибки; высокое чувство ответственности, позволившее преодолеть опаснейшие для всего мира ситуации, как, например, Карибский кризис,— с безрассудным обещанием похоронить капитализм...

Поэтому жизнь и деятельность Н. С. Хрущева вызывает такое множество исключающих друг друга оценок. Почти на каждое его разумное и полезное действие можно, как кажется, найти и прямо противоположное. И все же...

...Весной 1956 года во многих учреждениях на закрытых партийных собраниях зачитывали доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», произнесенный им на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля. Читали его и в Институте археологии АН СССР, где я тогда работал. Это делал хорошо поставленным голосом один из наших сотрудников, поднаторевший на здравицах великому Сталину. Делать записи во время чтения доклада запрещалось. Однако впечатление от него с самого начала было настолько сильным, что, казалось, распалась связь времен, рухнули невидимые оковы! Несколько человек осмелились записывать, несмотря на грозные окрики секретаря парторганизации. После чтения доклада из зала мы вышли совсем другими людьми.

При всей неполноте, недосказанности, отсутствии, по существу, анализа генезиса сталинизма этот доклад нанес первый, прорывающий удар не только по культу Сталина, но и по созданной им командно-административной системе.

А ведь Н. С. Хрущев сам был из близкого окружения Сталина, много лет почти беспрекословно выполнял его приказы, да и сам нес определенную ответственность за сталинскую политику. Как же смог он преодолеть самого себя, встать над собой, ниспровергнуть то, чему, во всяком случае, внешне, сам поклонялся? Ведь каким бы мужеством ни обладал он, но, будучи умным и проницательным человеком, он не мог не понимать, к чему могут привести его действия в окружении сталинистов, сталинского аппарата, в стране, где десятки миллионов людей, одурманенных изощренной настойчивой пропагандой, поддержанной страхом, представляют себе Сталина в виде божества. Идя на разоблачения культа личности Сталина, Хрущев рисковал не только своей политической карьерой, но и самой жизнью своей!

Что же неотвратимо заставило его отважиться на это? Какую эволюцию претерпели его взгляды за долгую жизнь, в том числе за то десятилетие, когда он находился у власти в партии и государстве?

Эти и множество других вопросов встают перед историками, психологами, другими учеными, да и перед всеми, кто интересуется деятельностью Н. С. Хрущева. А понять и оценить эту деятельность необходимо не только для установления исторической истины, но и для понимания тех процессов в нашей стране и мире, свидетелями и участниками которых мы являемся. Ведь не будь той, первой оттепели, все эти революционные процессы нашего настоящего не имели бы возможности проявиться, не обладали бы кадрами, традициями, невозможно было бы выдвижение лидеров, которые существуют сегодня.

Вначале я писал, что почти на каждое полезное прогрессивное действие, проведенное под руководством Н. С. Хрущева и по его инициативе, можно найти и прямо противоположное. Да, почти на каждое, но не на все. И все же главный поступок его, на мой взгляд, заслоняет собой все ошибки или проступки этого человека.

Освобождение миллионов безвинно заключенных сталинских тюрем и лагерей, возвращение чести и достоинства жертвам сталинских репрессий — это беспрецедентный в нашей стране поворот, поднявший ее историю на новый, высший этап, зародивший надежду.

Этот нанесенный им удар по культу личности Сталина и начатый разрыв со сталинизмом навсегда войдет в историю человечества как величайший в XX веке акт гуманизма и справедливости.

Конечно, если бы Хрущев сам не находился в высших эшелонах власти при Сталине, он не смог бы пробиться туда и после его смерти. Иначе говоря, не смог бы совершить то, что он совершил.

Подтверждение этому и ответы на многие жгучие вопросы содержатся в мемуарах Хрущева, записанных им на магнитофон, когда он уже был снят со всех постов и находился на пенсии. Часть пленок до сих пор не расшифрована. Однако значительная часть записей под названием «Хрущев вспоминает» уже давно опубликована во многих странах мира. И только в нашей стране, где они создавались и где происходили события, в них описанные, этот уникальный документ отечественной истории сегодня появляется впервые.

В мемуарах хорошо видны многие противоречивые стороны личности автора, «родимые пятна» сталинизма. И все же это прежде всего исповедь человека, который, рискуя жизнью, совершил подвиг гуманизма и справедливости и заслужил благодарную память потомков и современников.

Я счастлив, что успел поговорить с ним об этом, поздравив с 75-летием. Я тогда сказал, что говорю только от собственного имени, но уверен, что мои чувства разделяют миллионы людей. Эта уверенность сохранилась и укрепилась у меня в наши дни.

Теперь наконец и советский читатель получает возможность ознакомиться с мемуарами Н. С. Хрущева и оценить их по достоинству.

Георгий ФЕДОРОВ,
доктор исторических наук

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемые вниманию читателей «Огонька» отрывки из «Воспоминаний» Никиты Сергеевича Хрущева представляют собой журнальный вариант некоторых частей рукописи мемуаров, любезно предоставленной редакции С. Н. Хрущевым.

«Воспоминания» — это расшифровка магнитофонных записей, надиктованных Н. С. Хрущевым, начиная примерно с 1968 года и практически до его смерти в 1971 году. В период работы над «Воспоминаниями» Н. С. Хрущев был уже в весьма преклонном возрасте, чем объясняются неточности и ошибки в изложении отдельных исторических событий. Тем не менее мы сознательно решили, готовя к публикации предлагаемые материалы, оставить повествование в первоначальном виде, лишь в исключительных случаях прибегая к чисто литературному редактированию текста. Мы постарались сохранить нетронутыми стиль и язык этого уникального исторического свидетельства, в полной мере воссоздающего сложный, противоречивый и вместе с тем чрезвычайно непосредственный образ Н. С. Хрущева. Расширенный вариант «Воспоминаний» предполагает опубликовать журнал «Знамя». Полный же, канонический текст, снабженный историческим инструментарием и исправлением допущенных автором фактологических неточностей, готовится к печати в «Вопросах истории».

Отдел публицистики

XIV ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ

Кажется, в апреле 1925 года открывалась XIV партийная конференция.

Во главе Юзовской партийной организации стоял Моисеенко Костян, как мы его называли. Это был студент, не окончивший медицинский институт. Правда, потом мы с ним разошлись. У него был сильный мелкобуржуазный налет, а связи, окружение его чуть ли не нэпманское. Поэтому мы его потом выставили из секретарей. Это скандальное дело дошло до Центрального Комитета КП(б) Украины, и к нам приезжала комиссия. Она разбирала наши споры, признала наши доводы основательными, и он был освобожден.

А во время подготовки к конференции Моисеенко буквально завоевал умы коммунистов Юзовского округа.

Я не помню, сколько тогда от нашей Юзовской организации было избрано делегатов. Кажется, человек 8 с решающим голосом и человека 4 с сове-

щательным. Я как раз был с совещательным.

Тогда делегаты избирались демократично. Я возглавлял Петрово-Марьинскую районную партийную организацию, а по количеству членов партии она занимала шестое или седьмое место. На первом месте был Юзовский район, потом Макеевский, потом, кажется, Буденновский, шахта Рутченковка, потом Петрово-Марьинский. Поэтому я был избран с совещательным голосом.

Для меня это было большой радостью. Главное — возможность побывать в Москве, посмотреть ее, побывать на союзной конференции, послушать и посмотреть вождей.

На конференции украинской организации было отведено центральное место в зале. Сейчас в этом зале заседает Верховный Совет. А тогда — это, кажется, Владимирский зал — он не был перестроен, был с колоннами и был менее удобен для таких больших заседаний. Другого зала не было, и в этом помещении проходили съезды и конференции. Слева от нас сидела московская делегация, а справа — ленинградская. Мы центр занимали, и в этом центре юзовская делегация занимала первые места. Пролетарская, донбасская организации занимали боевое положение в партийной организации Украины.

Секретарем ЦК КП(б) Украины был товарищ Каганович, председателем Совнаркома — Чубарь. Григорий Иванович Петровский был председателем ВУЦИК. Скрыпник был тогда членом Политбюро, Шлихтер тоже занимал видное положение в партийной организации Украины.

На меня работа конференции произвела исключительно сильное впечатление. Я видел, как говорится, живых руководителей государства и партии. Они были совсем близко.

Жили мы тогда в доме в Каретном ряду, он назывался, кажется, Дом Советов. Жили довольно просто, нары были, и мы, как говорится, впокатную спали. Я помню, Постышев — секретарь харьковской организации — приехал с женой и тоже так же в ряду покатом спал вместе с нами, и там же рядом спала его жена. Это, конечно, вызывало шутки в его адрес. Ну, это зубоскальство, мы тогда были все молодые. Постышев пользовался уважением в партийной организации и моим в том числе.

Я рано вставал и пешком ходил в Кремль, чтобы прийти раньше других делегатов и занять выгодное место. Каждая делегация имела отведенные ей места, а уже внутри делегации каждый делегат занимал свободное. Мы, понятно, хотели сохранить за собой первые ряды перед трибуной. Поэтому вставали пораньше и бегали туда без завтрака. Однажды я вышел, сел на трамвай, не зная номера, а трамвай, оказывается, шел не туда, куда мне нужно, и завез меня на край света. Тогда я отказался от услуг транспорта и стал ходить пешком. Приходилось рано вставать и бежать, но зато я приметил путь, как правильно добраться в Кремль.

Потом начали делегации фотографироваться. Тут уже Сталин выделялся... Он был признан первой персоной не только нами — рядовыми руководителями партийных организаций. Наш руководитель областной партийной организации товарищ Моисеенко обратился с просьбой к Сталину от юзовской делегации с нами сфотографироваться. Нам сказали, что Сталин согласился и потом передаст, когда у него будет такая возможность.

Наконец, в одном из перерывов нам велели собраться в Екатерининском зале. Все расселись. Сталин сел, как мы его просили, в середине делегации. Почему я об этом фотографировании вспоминаю? Фотограф возился у своего аппарата. Это был Петров, крупный специалист своего дела, много лет работавший в Кремле. Его знали все партийные работники, бывавшие на съездах, на конференциях. Петров, как водится у фотографов, начал указывать, как кому нужно голову повернуть, куда смотреть.

Вдруг реплика Сталина:

— Товарищ Петров командовать любит, а у нас командовать нельзя, нельзя командовать.

Этот «инцидент» на нас произвел хорошее впечатление. Нам казалось, что Сталин действительно является демократичным человеком, что это шуточное замечание было не случайным, а шутка эта органично присуща самому Сталину. Словом, этот эпизод на меня хорошо подействовал.

Потом во время работы конференции выступление Сталина, его реплики тоже говорили в его пользу. Я все больше и больше проникался глубоким уважением к этой личности.

Сталина широкая публика, выражаясь языком обывателя, узнала, когда развернулась жестокая борьба внутри партии, борьба с троцкистской оппозицией в 1923—1924 годах. В это время Сталин выдвинулся как организатор, как Генеральный секретарь Центрального Комитета. До этого особая роль Сталина слабо доходила до широких партийных кругов, я уже не говорю о беспартийных.

В борьбе того времени особенно выделялся Зиновьев, председатель Исполкома Коминтерна. Коминтерн в тот период приобрел большой авторитет — это международная коммунистическая организация, которая держит курс на мировую революцию. Зиновьев возглавляет ее, следовательно, он и является как бы главным в этом движении.

Бухарин тоже был очень популярен и очень уважаем. По-моему, уже к этому времени была написана его книга, которая называлась «Азбукой коммунизма». Отсюда и популярность Бухарина выросла.

По «Азбуке коммунизма», написанной Бухариным, кадры учились марксизму-ленинизму. Но как организатору все-таки предпочтение отдавалось Сталину, а Бухарин занимал положение в партии как пропагандист, как агитатор. Он работал редактором «Правды», и это действительно был редактор, который требовался для «Правды». Он был отличным организатором пропаганды марксистского учения. Хотя, как сказал Ленин, допускал ошибки... Лично я Бухарина видел и слышал, еще когда служил в Красной Армии в 1919 году. Тогда наша часть стояла в Курске, и я не помню, по каким причинам, но в это же время Бухарин с большой группой коммунистов приехал в Курск. Он выступал на партийном активе Курской губернии. Я тоже был приглашен, как секретарь ячейки своей воинской части. Бухарин очень всем нравился своим характером, демократизмом, а в то время это имело большое значение, хотя и сейчас немаловажно. Меня он буквально очаровал. Потом я встречался с товарищами, которые были в его группе. Это были простые передовые коммунисты из Москвы, они были моего же уровня политического развития. Они говорили о демократичности Бухарина, и это особенно подкупало тогда. Рассказывали, что он с ними вместе живет в общежитии, в столовой питается из одного котелка и прочее. Это имело, конечно, большое значение.

Мы в те времена много говорили друг с другом о Сталине. Был такой случай. У меня был приятель — Лев Абрамович Римский. С ним я в Донбассе много лет работал, а потом встречался в Москве, где он служил в Министерстве черной металлургии. Он дружил с товарищем Тевосяном — они вместе учились в Горной академии. Оба окончили ее и сохраняли дружеские отношения.

Начинал он свою деятельность комсомольцем в Одессе, потом работал в Киевском губкоме и в Сталино (Юзовка была переименована и названа именем Сталина).

Мне пришлось с товарищем Римским работать, когда после Петрово-Марьинского района, кажется, в 1926 году, я был избран заворгом окружного партийного комитета. Заворг в те времена, по сути, был вторым секретарем окружного комитета. Секретарем был Моисеенко, тогда был один секретарь. Потом шел заведующий оргotделом, он считался заместителем секретаря окружного комитета. Потом был заведующий агитпропом. В мое время заведовал агитпропом товарищ Сергеев. Я не помню его настоящую фамилию — он еврей был. Это был замечательный коммунист, преданный делу партии, и хороший работник. К сожалению, он так же, как и многие тысячи ему подобных, погиб от террора, который ввел в партии Сталин.

Римский был начальником окружной партийной школы. Я не помню, в каком году — в 1926-м, а может быть, 1927-м, партийная школа поехала в Москву во время зимнего перерыва набраться ума-разума, посмотреть столицу, познакомиться с ее достопримечательностями.

Это естественное желание у всех людей Советского Союза, да и не только Советского Союза,— побывать в Москве. Римский, как он потом рассказывал, решил позвонить Сталину и попросить, чтобы Сталин принял делегацию. Я думаю, наверное, не вся партийная школа ездила, а какая-то группа, но большая, видимо, человек 60. Это не столь важно для данного дела.

Римский рассказывал:

— Я позвонил по телефону, и меня соединили со Сталиным (это на меня произвело впечатление: его доступность.— **Н. Х.**), и я попросил, чтобы он принял меня вместе со слушателями партийной школы.

Сталин согласился и сказал, что Римскому передадут (он записал адрес), когда он это сможет сделать. Позвонили, и они поехали в Кремль. Тогда, до 1937 года, Кремль был доступен, они прошли через Никольские ворота.

Я сейчас не помню, какими вопросами интересовался Сталин. Привожу этот эпизод, потому что мне запомнилось характерное высказывание Сталина, которое на меня произвело сильное впечатление.

Римский рассказывал, что он обратился к товарищу Сталину:

— Товарищ Сталин, мы вот с бывшей Юзовки. Сейчас Юзовка переименована и носит ваше имя. Поэтому мы бы хотели, чтобы вы написали письмо юзовским, сталинским рабочим. Это произвело бы хорошее впечатление среди населения Сталинского округа.

Сталин ему так ответил:

— Я не помещик, а рабочие заводов не мои крепостные. Я им писать не буду и не люблю, когда это делают другие.

Лев Абрамович Римский был сугубо партийный человек, исключительной чистоты, честности, щепетильности коммунистическая до мелочей пронизывала его сознание, все его поведение, всю его деятельность и всю его жизнь. Он был очень приятно поражен.

Приехав, он рассказал все в окружном комитете партии, и это стало достоянием всей округи. Эта фраза Сталина произвела очень сильное впечатление. Она ясно говорила о демократичности, доступности, о правильном понимании своего места Сталиным.

Я помню еще такой эпизод, относящийся тоже к этим временам. Тогда разгорелась острая борьба с троцкистами, а потом с зиновьевцами. Я все время был на партийной работе в окружном комитете, заведовал оргotделом. Участвовал в XIV партийной конференции, в работе XIV партийного съезда, XV партийной конференции и XV съезда. По времени я не сделал выборок, да и не столь существенно сейчас, когда, в какое время были эти конференции и съезды. Я не разбираю этапы, а говорю о личности Сталина.

Тогда практиковались заседания Политбюро со стенограммой. Все стенографировалось, эти стенограммы рассылались партийным организациям. До района, по-моему, они доходили. Там привлекался актив, и их читали.

Я помню, читали мы одну стенограмму. Читали усердно, хотели разобраться в сути спора, чтобы определить и свое отношение к нему. Кажется, Сталин спорил не то с Троцким, не то с Зиновьевым. Я запомнил одно его выражение. Что-то Сталин доказывал, а те с ним не соглашались, не уступали, дискуссия была очень острая.

Сталин тогда допустил такое выра-

жение: «Ну, что же вы? Я все сделаю, чтобы сохранить единство в партии, чтобы обеспечить монолитность. Это необходимо для победы. Но раз вы так себя ведете, Бог с вами, Бог с вами...»

Вот на это его выражение я обратил внимание. Я религиозным человеком и тогда, и в раннем возрасте не был, и, конечно, это выражение вроде религиозного характера не характеризовало Сталина как религиозного человека, хотя он и учился в духовной семинарии. Это значило: мол, что же я с вами сделать могу, я зла не желаю, Бог с вами, одумаетесь и сами поймете ошибочность своей позиции. Такая терпимость мне понравилась, это шло, в моем понимании, в пользу Сталина.

Позднее, когда я уже узнал Сталина, вспомнил и об этом и понял, что это просто ловкость, иезуитство. Он играл на чувствах людей, желая показать свою терпимость, свою волю к единству и если не уважение, то, во всяком случае, терпимость к мнениям других членов коллектива, где он работал. Это был обман, расчет. Он хотел забросить удочку, грубо говоря, и на крючок ловить людей, которые искренне хотели его правильно понимать. В том числе и я также являюсь жертвой сталинской уловки.

XV СЪЕЗД

На XV съезде была очень острая борьба с зиновьевцами. Ленинградская делегация выступила с письмом в президиум и потребовала на основе Устава, чтобы от этой делегации выставить содокладчика. Они выставили Зиновьева и хотели, чтобы Зиновьев сделал содоклад к докладу Сталина. Нужно сказать, я сейчас точно не могу вспомнить, но, по-моему, на XIV съезде доклад делал Зиновьев, а Сталин выступал с содокладом по оргвопросу. На XV съезде уже Сталин делал доклад. Это вполне понятно было для делегатов съезда: выявились разные точки зрения, разная политика, то есть большинство ЦК и меньшинство. Поэтому должен делать доклад не Зиновьев, как было раньше после смерти Ленина, а Сталин.

Я помню, когда мы приехали на съезд, уже, как говорится, воробьи чирикали и довольно громко был слышен голос, даже для обывателей, что в партии наметился глубокий раскол.

На XV съезде мы опять поместились в Каретном ряду в 3-м Доме Советов. Нам сказали, что к нам придет товарищ Яковлев и проинформирует нас по вопросам, которые сейчас наметились в партии и которые будут подняты и обнажены. Пришел Яковлев Яков Аркадьевич. Он тогда работал в РКИ. Серго, по-моему, был председателем, а он — одним из заместителей.

Это было собрание фракционное, потому что мы никого не допускали, кроме украинской делегации.

Украинскую делегацию тогда возглавлял Каганович, в ее руководство входили Петровский, В. Чубарь, Шлихтер и Скрыпник — основные члены Политбюро. Яковлев рассказал, по каким вопросам у нас разногласия с зиновьевцами, сказал, что вопрос стоит очень остро, и прочее. Таким образом, нас уже подготовили. Если говорить прямо, то это была фракционная работа, но она проводилась с согласия Сталина и, я думаю, по его поручению. Не знаю, кто из других членов Политбюро ЦК знал об этом.

Когда был открыт съезд и созданы руководящие органы съезда, зиновьевцы сейчас же выставили своего содокладчика к докладу Центрального Комитета. Это было принято. Потом Сталин сделал доклад. Зиновьев встал и тоже выступил с докладом.

Мы опять занимали место в центре, справа от нас была Ленинградская делегация, а слева — Московская.

С Московской делегацией мы по всем вопросам контактировали и ополчились против Ленинградской оппозиции, как ее называли тогда. Вот тогда мне пришлось встретиться не как с другом, а как с врагом, с моим хорошим товарищем, которого я очень уважал.

Когда я пришел из армии в 1922 году, редактором газеты «Диктатура труда» в Юзовке был Абрамсон. Я сейчас не вспомню его имени. Теперь он работал в Ленинграде секретарем какого-то райкома партии. Очень хороший коммунист. И вот он зиновьевец, как и все ленинградцы.

Из знатных людей в партии к зиновьевцам примыкал Бадаев. Он работал в Ленинграде, и его зиновьевцы выставляли как щит. Для увеличения веса своей делегации привлекли зиновьевцы и Николаеву. Это все уже покойники. Она тоже хороший, активный член партии. Очень страстно выступала. Дискуссии эти продолжались по группам и в индивидуальных схватках во время перерывов заседаний съезда в Георгиевском зале и в коридорах. Одним словом, везде, где встречались двое, уже была дискуссия, если эти люди принадлежали к разным лагерям.

Сталин, Бухарин и Рыков выступали за линию ЦК, то есть за Сталина. Впрочем, это грубовато так говорить — это линия ЦК, а там была оппозиция.

Я не помню, от какой организации приехала делегация и передала стальную метлу в президиум. Председательствовал Рыков.

Рыков взял эту метлу и (он заикался) сказал:

— Я эту метлу передаю товарищу Сталину, пусть он выметает ею наших врагов!

Это было тогда воспринято дружными аплодисментами, смехом, и сам Рыков при этом смеялся, улыбался.

Потом уже, когда Рыков стал жертвой этой метлы, я вспомнил, как эти слова были тогда сказаны. Тогда, видимо, Рыков доверял Сталину и считал, что эта метла не будет использована во вред партии, а будет направлена против антипартийных отщепенцев, оппозиции, сворачивавшей с генеральной линии.

У нас не было сомнений, что Сталин и те, кто был вокруг Сталина и поддерживал его, правы. Я и сейчас считаю, что тогда идейная борьба была в основе правильная. При другом характере Сталина эти разногласия, которые были доведены до такого предела, может быть, и не стали бы столь трагичными и роковыми. Но это я сейчас так говорю, а тогда этих вопросов не возникало, тогда, как говорится, рассуждали и поддерживали по-дровосецки: лес рубят — щепки летят. Это была, я бы сказал, беспощадная борьба с оппозицией.

Если оглянуться на путь, пройденный нашей партией и нашим народом, и в свете этого пройденного пути оценить роль Сталина, то она на фоне тех событий и соотношений сил в партии будет в основе положительной. Я имею в виду такие сильные оппозиции, как троцкистская, зиновьевская, право-левацкий блок Сырцова — Ломинадзе. Если оценивать персонально роль Сталина, то он резко выделяется, и решающей была его роль и его деятельность по сплочению партии, по мобилизации сил партии на преодоление трудностей, на восстановление промышленности, восстановление сельского хозяйства, индустриализацию и строительство армии.

Поэтому не случайно Сталин занял ведущее место в партии, не случайно партия его поддержала. Надо принять во внимание то, что в первые годы революции его фамилия была недостаточно популярна среди широких масс народа и даже в партии. Более популярными были Зиновьев, Каменев и особенно Бухарин. Тут правильно Ленин сказал:

— Бухарчик — это любимец партии.

УЧЕБА В ПРОМАКАДЕМИИ

Сталин обо мне узнал, когда я учился в Промышленной академии. Промышленная академия состояла в большинстве своем из правых. Тогда как раз прошел разгром московских и горьковских правых, и они все пошли в Промышленную академию. Поэтому это был «инкубатор» правых, рассадник микробов правого толка, правого направления. Там они занимали довольно прочные позиции. Секретарем партийной организации был Хахарев, член партии, кажется, с 1907 г. Он, мне говорили, в подполье руководил Нижегородской партийной организацией. Он был, конечно, правым.

Вообще там собрались довольно маститые люди. Например, Нахаров, старый нижегородец, с 1903 года, кажется, член партии. Очень порядочный человек. Я его хорошо знал, потому что он был директором Юзовского завода, когда я возвратился из армии. Потом Коршунов. Между прочим, этот Коршунов был хорошим приятелем Молотова и встречался с ним в выходные дни.

Перед XVI съездом от нашей партийной организации Промакадемии на районную конференцию были избраны Сталин, Бухарин, Рыков. Это правые проделали под шумок. Для отвода глаз они выдвинули Сталина, а за его спиной правых протянули. Так как я развивал большую активность на партийных собраниях, то они перед выборным собранием послали меня в подшефный колхоз в Самару к чувашам. Со мной еще один товарищ поехал, уралец Саша Здобнов. Таким образом, они ловко меня изолировали. Я не мог отказаться, потому что бюро ячейки предложило мне, как члену партии, поехать туда.

Мы были богатые шефы: собрали деньги, купили машины — сеялки, комбайны и прочее. Я потом по дороге читал брошюру, что такое комбайн. Приехали мы в колхоз имени Сталина. Люди были как осенние мухи — голодали. Это была ужасная картина, я такое в первый раз увидел. Когда я работал в Киеве заворгом окружного комитета партии, откуда и ушел в Промакадемию, там блестящее положение было.

Когда я вернулся из Самары, мне позвонил Мехлис, он тогда в «Правде» был редактором. Я Мехлиса не знал.

— Товарищ Хрущев, вы сможете ко мне приехать?

Уже было поздно, но я сказал:

— Могу.

— Я сейчас вам машину пришлю, и вы приезжайте ко мне в редакцию.

Мехлис мне показал заметку и прочел ее. Там описывалось, как правые, под шумок, под прикрытием Сталина, избрали правых.

— Что вы об этом скажете?

Я говорю:

— Меня не было в это время.

Он говорит, что знает, что меня не было.

— Но вы знаете обстановку. Вы согласны? Вы подтверждаете?

Я говорю:

— Точно.

— И подписать можете?

— Но не я же писал?

— Нет, мы не будем печатать за вашей подписью, это для меня.

— Ну, что ж, могу.

Я тогда осторожный был.

— Подпишитесь.

Я подписался. Назавтра была опубликована эта заметка. Это был взрыв бомбы. Тогда в ячейке такое пошло, полный раскол.

У нас там блата было много. Все хозяйственники — аполитичные люди, а некоторые просто сомнительные. Кое-кого я знал, наши донецкие были.

Они приходили ко мне и говорили:

— Что ты склоку заводишь? Что тебе нужно?

Я отвечал:

— Слушай, ты же ни черта не понимаешь! Это же правые. Куда они тебя тянут?

А ему все равно, что правый, что левый.

Одним словом, кончилось тем, что делегацию, которая была от партийной организации послана на районную конференцию, отозвали, а партийная конференция уполномочила меня и других товарищей. Поэтому мне даже дали мандат на чужое имя. Когда я шел на конференцию, то меня сначала не пропустили, пока не объяснил, в чем дело.

Когда я начал выступать на этой конференции Бауманского района, конференция меня встретила в штыки.

Я говорю:

— Я по чужому мандату пришел. Поэтому не в тот адрес критика идет. Я из тех, которые сами критикуют, как и вы.

Тогда приняли меня. Это было зимой 1931 года.

В то время я познакомился с Булганиным. Булганин в Бауманском районе был директором электрозавода. Проводилась партийная проверка в Москве, и я был в комиссии, которая проверяла партийную организацию электрозавода. Я тогда был еще слушателем академии.

У меня все-таки с 1918 года партийный стаж, а тогда к проверкам привлекали людей с большим стажем. Партийная организация Москвы большая, и людей растаскивали, их не хватало. Мы не особенно охотно шли на это, поскольку нас отрывали от занятий. Сам Булганин у нас тогда не проходил проверку, он был за границей. После того, как он приехал, мы с ним беседовали. Он на меня тогда произвел очень хорошее впечатление. Потом он получил за работу награду — орден Ленина.

Вскоре меня избрали секретарем парторганизации. Тогда борьба была не за место в бюро ячейки Промышленной академии, а за место в президиуме общего собрания. Меня, наверное, раза два проваливали в президиум общего собрания. При выборах спрашивали: кто такой? Член партии с какого года? Кто — рабочий, служащий? Полное раскрытие анкетных данных. Если не было дореволюционного стажа — долой!

К нам секретарь райкома Ширин приходил, он никаким уважением не пользовался, и ему даже говорить не давали. Цехон пришел, это авторитетный человек, нарком труда, а до этого он работал секретарем Бауманского райкома. (Он тоже погиб, его расстреляли.) И ему не дали говорить.

Он говорит:

— Я со строителями дело имел. И там большего порядка придерживались, чем вы — слушатели академии!

А именно так и было. Все эти люди — вожди — привыкли говорить, чтобы их слушали, а сами они никого слушать не хотели. Никто ничего не мог сказать умнее, чем они.

В конце концов меня выбрали в ревизионную комиссию, а потом опять провалили, там люди часто менялись, потому что непрерывно «взрывы» были. Затем меня избрали, я не знаю каким большинством, в бюро и секретарем партийной организации.

Тогда мы развернули огромную деятельность по борьбе с правыми. Шум о том, что в Промакадемии идет борьба, пошел по Москве.

Да, была борьба, и острейшая, но мы действительно навели порядок. Партийная ячейка твердо встала на позиции Центрального Комитета, а это означало поддержку Сталина, секретаря ЦК и вождя.

Через эту мою деятельность в Промакадемии меня, видимо, и узнал Сталин. Сталину, конечно, импонировало, что наша партийная организация поддерживает его. Мы тогда впрямую этого не говорили, а выступали в защиту генеральной линии партии. В Промышленной академии только Воробьев, бравый такой человек, из комсомольцев, называл Сталина «Николаем Палкиным». Тогда в нашем понимании это было преступлением. Мы считали, что это покушение на партию. Хотя потом через десятки лет мы поняли, что характеристика была правильной и прозвище очень подходило Сталину.

Но я и сейчас считаю, что поддержка линии, выразителем которой в то время являлся Сталин, была правильной.

Хочу описать еще одну встречу со Сталиным, которая на меня произвела сильное впечатление. Первый выпуск

слушателей Промышленной академии прошел в 1930 г. Тогда директором у нас был Каминский, старый большевик, хороший товарищ. Я с уважением к нему относился. Мы его попросили, чтобы он обратился к Сталину с просьбой принять представителей партийной организации Промышленной академии в связи с первым выпуском слушателей. Мы хотели услышать напутственное слово от товарища Сталина. Был запланирован вечер в Колонном зале, посвященный выпуску слушателей, и мы просили, чтобы Сталин выступил на этом торжественном заседании.

Нам сообщили, чтобы мы выделили своих представителей, и Сталин примет человек шесть или семь. В их числе был и я, как секретарь партийной организации. Остальные участники этой встречи уже окончили Промышленную академию, а я попал как представитель партийной организации.

Пришли к Сталину. Сталин сейчас же нас принял, и началась беседа. Он развивал такую тему: надо учиться, надо овладевать знаниями, но не разбрасываться, а знать свое дело глубоко и в деталях. Надо, чтобы из вас получились подготовленные руководители, не вообще специалисты по общему руководству, а с глубоким знанием именно своего дела.

Тут он приводил такой пример: если взять нашего специалиста, русского инженера, то это специалист очень образованный и всесторонне развитой. Он, говорит, может поддерживать разговор на любую тему и в обществе дам и в своем кругу. Он сведущ в вопросах литературы, искусства и других, но когда потребуются его знания — остановилась машина,— он сейчас же пошлет людей, которые бы ее исправили, а немецкий инженер в обществе будет более скучен, но если ему сказать, что машина остановилась, он снимет пиджак, засучит рукава, возьмет ключ, сам разберет, исправит и пустит машину. Вот нам такие люди нужны: не с общими широкими знаниями — это, конечно, хорошо, но главное, чтобы они знали свою специальность и глубоко знали, умели учить людей.

Нам это понравилось. Я эту точку зрения и раньше слышал, еще когда учился на рабфаке. Тогда проводилась такая идея, что нам нужны институты, но главным образом нужно большое количество техникумов, чтобы иметь не столько широко образованных людей, сколько специалистов, окончивших техникумы, что называется, ремесленников, знающих свой предмет уже, но глубже, чем инженер той же специальности.

У нас тогда спора не было, мы всецело были на стороне Сталина. Поэтому его слова тогда на меня произвели хорошее впечатление: вот человек, который знает и правильно направляет наши умы, нашу энергию на решение коренной задачи индустриализации страны, подъема промышленности, а на этом фундаменте — создания неприступности границ нашей Родины со стороны капиталистического мира. На этом же основывался и подъем благосостояния народа. Закончили. Сталин сказал:

— Я не смогу у вас быть, а к вам придет Михаил Иванович Калинин. Он вас поприветствует.

Когда кончилась беседа со Сталиным, уже началось заседание в Колонном зале, и нам пришлось бежать туда. Пришли мы из Кремля в Колонный зал, когда уже кончился доклад. С докладом, по-моему, Каминский выступал. Потом выступали слушатели, и, наконец, выступил Михаил Иванович Калинин. Мы все уважали Михаила Ивановича Калинина и внимательно его слушали.

А он говорил как раз обратное тому, о чем только что говорил Сталин. Он тоже сказал, что надо учиться, надо овладевать знаниями, быть квалифицированными руководителями нашей промышленности, но:

— Вы кадровые командиры и должны знать не только свою специальность, но должны читать литературу, вы должны быть всесторонне развитыми. Надо быть не только знатоками своей специальности, своих машин и приборов, но вы должны знать нашу литературу, искусство, историю и прочее.

Те, кто был у Сталина, переглядывались. Мы только что пришли от него, а Калинин говорил как раз противоположное тому, о чем рассуждал Сталин. Я был всецело на стороне Сталина, считал, что он конкретнее ставит задачу.

Откуда же Сталин узнал обо мне, слушателе академии? В Промышленной академии в мое время училась Надежда Сергеевна Аллилуева — жена Сталина. Она активно участвовала в партийной жизни и, приходя домой, видимо, все подробно рассказывала мужу. Наверное, она как-то характеризовала и секретаря партийной организации. О том, что она жена Сталина, я долгое время не знал. Очень скромно она себя вела.

Она была парторгом академической группы, а жизнь тогда протекала очень бурно. Без конца выносились резолюции всякие в осуждение правых.

Как-то она ко мне приходит и говорит:

— Я хотела бы с вами согласовать нашу линию, сейчас партийная группа обсуждает такой-то вопрос, как правильно записать политическую характеристику момента?

Это обсуждение опять же было связано с борьбой с правыми, с троцкистами.

Я ей ответил, а сам-то потом, когда она ушла, думаю: «Я секретарь, и она у меня спросила. Я должен был сказать, я же «гусь» в своей ячейке. Но она же придет домой, расскажет Сталину, и что он скажет?»

На следующий день она ничего не сказала, а я ее не спрашивал. Видимо, моя оценка была правильной.

Когда я уже стал встречаться со Сталиным, я сначала не понимал, откуда Сталин знает какие-то факты из моей деятельности в Промышленной академии. Я молчал — не знал: радоваться мне или ежиться из-за этого.

Думаю: «Откуда он знает?»

Потом смотрю, он вроде улыбается: приятное хочет сделать.

Тогда я понял: видимо, Надежда Сергеевна очень подробно информировала его о жизни нашей партийной организации и мою роль, как секретаря партийной организации, представила в хорошем свете.

Видимо, Сталин и сказал Кагановичу:

— Возьмите Хрущева на работу в МК.

Перспектива работы с Кагановичем мне импонировала, потому что я к Кагановичу относился с очень большим доверием и уважением. Потом-то я узнал этот характер. Его грубости у меня сразу вызвали антипатию.

Таким образом я был приобщен к Московской партийной организации — это была большая честь, ведь Московская организация — столичная. Не забуду, как мне было здесь нелегко.

Меня как-то Каганович спросил:

— Как вы себя чувствуете?

Я говорю:

— Очень плохо.

Он удивился:

— Почему?

— Во-первых, я не знаю городского хозяйства, а все эти вопросы надо здесь решать.

— Как у вас с Булганиным отношения?

— Формально отношения даже очень хорошие, но я думаю, что он меня не признает, как руководителя городским хозяйством, а это для города первое дело,— говорю.

Он отвечает:

— Вы переоцениваете его и недооцениваете себя.

(Может быть, это нескромно, но я согласился с ним. Это действительно было так.)

— Ну, а как он, ходит к вам?

— Ходить-то он ходит, согласовывает. Но мне кажется, что он лучше знает дело и если ко мне и приходит, то только как к секретарю МК. А вообще у нас очень хорошие отношения, я с уважением к нему отношусь.

Потом, когда мы пожили, поработали, я увидел, что Булганин очень поверхностный, легкий человек. Он глубоко не лез в хозяйство, а уж в вопросах политики он был совершенно аполитичный человек. Он никогда не жил бурной политической жизнью.

Я не знаю его биографии, знаю только, что он работал в железнодорожной ЧК по борьбе с мешочниками, а потом был выдвинут директором завода. Директором он был, видимо, по тому времени неплохим. Он ведь человек со средним образованием, а это было очень редким явлением тогда. Директорами, как правило, были рабочие.

Каганович его называл — бухгалтер. И верно: по стилю он был бухгалтер.

В то время я считал, что просто придан в поддержку Булганину. Сталин, бывало, нас всегда вместе вызывал или приглашал на семейные обеды.

Приглашая, он всегда шутил:

— Приходите обедать, «отцы города».

Каганович с нами не ходил. Он хоть и оставался секретарем МК, но, видимо, Сталин его уже в этой роли не признавал, а считал за секретаря основного ЦК. А мы, «отцы города», представляли Москву. По существу оно так и было, потому что Каганович просто физически не имел возможности заниматься делами Москвы, он был загружен делами ЦК по уши. Работал он очень добросовестно, как говорится, ни дня, ни ночи не видел.

Посещение домашних обедов у Сталина было особенно приятно, пока была жива Надежда Сергеевна.

Мне нравилась эта семья. У Сталина встречал старика Аллилуева, его жену, тоже старуху. Потом приглашались туда Реденс со своей женой — старшей сестрой Надежды Сергеевны, Анной Сергеевной, брат ее. Он мне очень нравился — такой молодой, красивый человек, в звании полковника, не то артиллерист, не то танковых войск.

Это были такие непринужденные семейные обеды, с шутками и прочим. И Сталин на этих обедах был очень человечным, и мне это импонировало. Я еще больше проникался уважением к Сталину и как к политическому деятелю, равного которому не было в его окружении, и как к простому человеку.

Я ошибался тогда. Теперь я вижу, что я не все понимал. Сталин действительно велик, я и сейчас это подтверждаю, он несомненно был выше всех на много голов. Но он был и артист, он был иезуит. Он способен был на игру, чтобы показать себя в определенном качестве.

А Надежда Сергеевна была принципиальным партийцем и в то же время чуткой и хлебосольной хозяйкой.

Я очень сожалел, когда она умерла.

Накануне еще кончины проходили то ли Октябрьские торжества, то ли Первомайские, я сейчас не помню этого. Шла демонстрация, и я стоял возле Мавзолея в группе актива. Аллилуева стояла рядом со мной, мы разговаривали. Было прохладно, и Сталин стоял на Мавзолее в шинели. Крючки у ворота были расстегнуты, и полы распахнулись. Дул ветер.

Она глянула и говорит:

— Вот мой не взял шарф, простудится и опять будет болеть.

Вышло это очень по-домашнему и никак не вязалось с представлениями о Сталине как о вожде, вросшими в наше сознание.

Потом кончилась демонстрация, все разошлись. На следующий день Каганович собирает секретарей райкомов и говорит, что скоропостижно скончалась Надежда Сергеевна. Я тогда подумал: «Как же так? Я же с ней вчера разговаривал, цветущая, красивая такая женщина была».

Пожалел: «Ну, что же, всякое бывает, умирают».

Через день или два Каганович опять собирает тот же состав и говорит:

— Я передаю поручение Сталина. Сталин велел сказать, что Аллилуева не умерла, а застрелилась.

Вот и все. Причин, конечно, перед нами не разворачивали. Застрелилась и все. Ее похоронили. Сталин провожал ее на кладбище. По лицу было видно, что он очень переживал, оплакивал ее.

Потом уже, после смерти Сталина, я узнал причину смерти Надежды Сергеевны. Есть документы; мы спросили Власика, начальника охраны Сталина, какие причины побудили Надежду Сергеевну к самоубийству?

Он сказал, что после парада, как всегда, все пошли обедать к Ворошилову. В Кремле у него большая квартира была. Я тоже там обедал несколько раз. Приходил туда узкий круг, командующий парадом, по-моему, Короб, принимающий — это нарком Ворошилов и некоторые члены Политбюро, самые близкие к Сталину. Шли туда прямо с Красной площади. Тогда демонстрации надолго затягивались. Там они пообедали, выпили, как полагается и что полагается в таких случаях. Надежды Сергеевны там не было.

Все разъехались, уехал и Сталин. Уехал, но домой не приехал. Было уже поздно. Надежда Сергеевна стала беспокоиться, где же Сталин, и стала его по телефону искать. Прежде всего она позвонила на дачу. Они жили тогда в Зубалове, не там, где жил Микоян последнее время, а через овраг.

На звонок ответил дежурный.

Надежда Сергеевна спросила:

— Где товарищ Сталин?

— Товарищ Сталин здесь.

— Кто с ним?

Он назвал:

— С ним жена Гусева.

Утром, когда Сталин приехал, она уже была мертва.

Гусев — это был военный, и он тоже был на обеде у Ворошилова. Когда Сталин уезжал, он взял жену Гусева с собой. Я Гусеву не видел никогда, но Микоян говорил, что она очень красивая женщина.

Когда Власик рассказывал эту историю, он комментировал:

— Черт его знает. Дурак неопытный этот дежурный: она спросила, а он так прямо и сказал.

Тогда еще ходили глухие сплетни, что убил ее сам Сталин. Были такие слухи, и я их слышал. Видимо, и Сталин об этом знал. Раз слух ходил, то, конечно, чекисты его записывали и докладывали. Потом говорили, что Сталин пришел в спальню, где он обнаружил мертвую Надежду Сергеевну, не сам пришел, а с Ворошиловым. Так ли это было, трудно сказать. Почему в спальню нужно ходить с Ворошиловым? А если человек хочет взять свидетеля, то, значит, он знал, что ее уже нет в живых. Одним словом, эта сторона до сих пор темная.

Вообще-то я мало знал о семейной жизни Сталина. Я только могу об этом судить по обедам, где мы бывали, и отдельным репликам. Бывало, Сталин, когда был под хмельком, другой раз вспоминал, что вот я, бывало, запрусь в своей спальне, она стучит и кричит:

— Невозможный ты человек, жить с тобой невозможно.

Он рассказывал, что, когда маленькая Светланка сердилась, то она повторяла слова матери: «Ты невозможный человек»,— и добавляла: «Я на тебя жаловаться буду».— «Кому же ты жаловаться будешь?» — «Повару».

Повар у нее был самый большой авторитет.

После смерти Надежды Сергеевны я некоторое время встречал у Сталина молодую красивую женщину, типичную кавказку. Она старалась нам не попадаться на пути. Только глаза сверкнут, и она исчезает. Потом мне сказали, что эта женщина является воспитательницей Светланки. Но это продолжалось недолго, и она исчезла. По некоторым замечаниям Берия я понял, что это была его протеже. Ну, Берия, тот «воспитательниц» умел подбирать...

МЫ ПОЕМ, МЫ ТАНЦУЕМ!

ГАСТРОЛИ МЮНХЕНСКОГО КАБАРЕ КАЛЕК

Александр МИНКИН
Фото Эдуарда КУДРЯВИЦКОГО

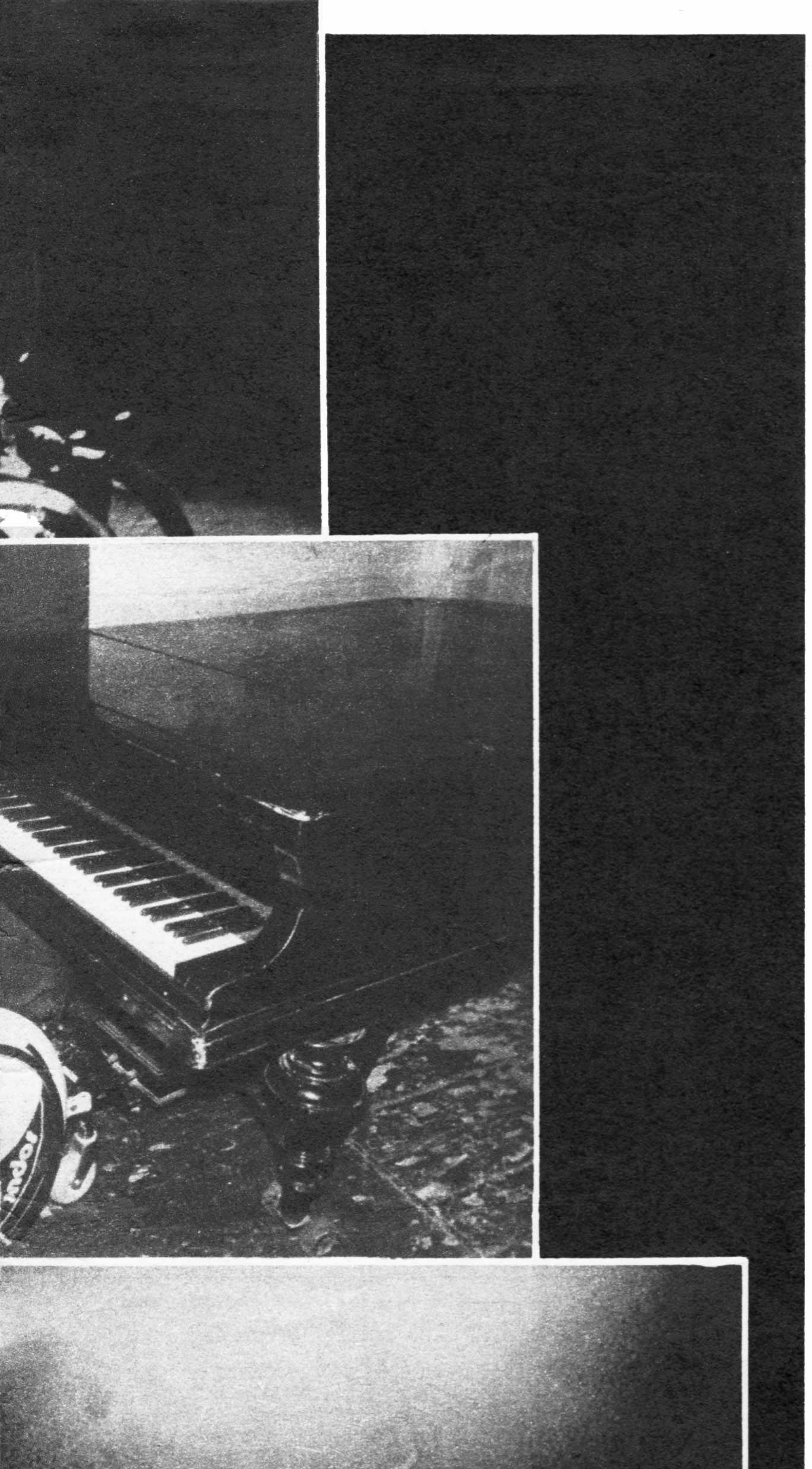

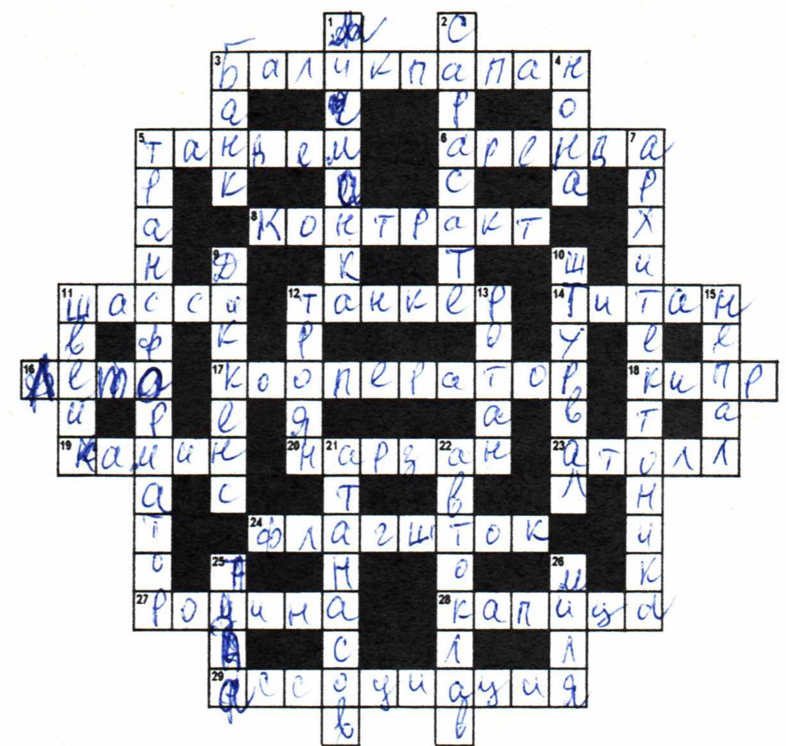
Кабаре калек. Что за странная идея на первый взгляд? Кому в голову пришло — устроить такое увеселение? Это пришло в голову живущим в городе Мюнхен инвалидам, которые вовсе не считают себя лишенными общепринятых удовольствий. Более того, они полагают, что ощущение полноценности не помешает и другим людям, которых несчастье однажды вырвало из привычного круга жизни. Так что, на взгляд второй, ничего странного мы здесь не обнаруживаем. Кабаре — не для увеселения здоровых людей, оно — для самих артистов и их собратьев по некогда случившейся беде.

«Мы поем, мы танцуем, мы ничем не хуже всех других!» И они замечательно танцуют в своих замечательно легких и вертких колясках. И непринужденности их временами просто завидуешь. Нет, этих людей никак не назовешь выброшенными из жизни.

...А спектакль в Москве вынужденно задержался на полчаса. Зрители-инвалиды все это время одолевали лестницу из вестибюля в зрительный зал. Дело в том, что наши театры, наши улицы, наша жизнь не предусмотрены для инвалидов. Может, потому и не видно их ни в театрах, ни в магазинах, ни даже в метро. Их у нас вообще как бы нет. А у меня претензия к фотографу. Он должен был снять эту лестницу, заполненную нашими людьми на костылях, которые собрались посмотреть на то, чего у них нет.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Порт в Индонезии на острове Калимантан. 5. Двухместный велосипед. 6. Наем помещения, земельной площади во временное пользование. 8. Договор, соглашение. 11. Взлетно-посадочное устройство самолета. 12. Наливное судно. 14. Спутник Сатурна. 16. Картина А. А. Пластова. 17. Деятель производственного, торгового коллективного объединения. 18. Остров в Средиземном море. 19. Комнатная печь. 20. Минеральная вода. 23. Коралловый остров. 24. Шест для подъема полотнища с гербом, эмблемой. 27. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 28. Физик, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 29. Союз, объединение.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Форменная фуражка. 2. Испанский скрипач и композитор. 3. Крупное кредитное учреждение. 4. Строфа из девяти строк. 5. Устройство для преобразования свойств энергии. 7. Сочетание частей в стройном целом, композиция. 9. Английский писатель XIX века. 10. Рулевое колесо на судне, самолете. 11. Герой романа Я. Гашека. 12. Курорт в Болгарии. 13. Рыба, обитающая в Амуре и реках Приморья. 15. Государство в Южной Азии. 21. Болгарский композитор, дирижер. 22. Герметическая камера для физико-химических процессов при нагреве и повышенном давлении. 25. Река на севере Италии. 26. Морская единица длины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Эпиграф. 7. Егорлык. 8. Культуризм. 9. Эпос. 10. Того. 12. Абитуриент. 14. Пульт. 15. Глебов. 18. Матра. 19. Рационализаторство. 20. Минор. 22. Рябчик. 24. Залка. 26. Феоктистов. 27. Тмин. 28. Моне. 29. Антициклон. 31. Климент. 32. Зарасай.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Дискобол. 2. Фрак. 3. Ромм. 4. «Следопыт». 6. Филдинг. 7. Елисеев. 9. Эксперимент. 11. Образование. 12. Астрограф. 13. Тимирязев. 16. Лилия. 17. Окапи. 21. Наличник. 22. Реостат. 23. Катализ. 25. «Летопись». 29. Ахен. 30. Нара.

Рисунок Алексея ЧЕРВЯКОВА

НЕТ ПРОБЛЕМ?

ОГОНЁК

ГДЕ ВЫ, СИБИРСКИЕ МАСТЕРА?

Прекрасную выставку, показывающую традиции сибирских ремесел, устроил Областной краеведческий музей вместе с епархиальным управлением Тюмени в залах местного собора Троицкого монастыря.

Перед каждым экспонатом выставки, будь это серебряное блюдо, которое тюменцы преподнесли Александру III, или расшитый бисером женский головной убор, стоишь подолгу и размышляешь: куда подевались они, эти искусные мастера? Почему не передали уникальные ремесла своим детям? Все вещи, что делал мастер для дома, даже обыкновенная прялка, и сегодня привлекают внимание причудливым орнаментом, роскошной резьбой...

В залах можно познакомиться и с церковным искусством — священник В. Гордеев пришел на помощь музейщикам И. Хановой и В. Чупину, предоставив лучшие изделия мастеров прошлого и настоящего.

Сергей БЫЧКОВ,
фото Александра КАШНИЦКОГО

40 коп. Индекс 70663